

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

52
ЧАСТЬ IV
2025

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 52 (603) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Марагбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюоань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Диляшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Василий Александрович Сухомлинский* (1918–1970), советский педагог-новатор, детский писатель.

Родился будущий Василий Александрович в селе Вasilевка (ныне Кировоградская область) в бедной крестьянской семье. Здесь прошли его детство и юность. Отец Василия Александровича — Александр Сухомлинский — до Октябрьской революции работал по найму как плотник и столяр в помещичьих хозяйствах («экономиях»), и сделано — в крестьянских хозяйствах. Его мать, Оксана Авдеевна, была домашней хозяйствой, выполняла мелкую портняжную работу, трудилась в колхозе. Вместе с Александром Емельяновичем она воспитала, кроме Василия, еще троих детей — Ивана, Сергея и Меланию. Все они стали сельскими учителями.

После окончания школы крестьянской молодежи Василий Александрович поступил в Кременчугский медицинский техникум, а затем перевелся в Полтавский педагогический институт и успешно окончил его в 1938 году. Вернувшись в родные места, он стал преподавать украинский язык и литературу в Онукриевской средней школе.

В 1941 году Сухомлинский добровольцем ушел на фронт, где, защищая Москву, был тяжело ранен осколками снаряда и лишь чудом остался жив. Василий Александрович провел четыре месяца в госпитале; его руку удалось спасти от ампутации, но извлечь металлические осколки из груди не получилось. А поскольку они были расположены близко к сердцу, то, как предупредили хирурги, любое напряжение могло вызвать их движение и внезапную смерть. После лечения в госпитале на Урале Сухомлинский хотел вернуться на фронт, однако комиссия не могла его признать даже ограниченно годным. В результате его демобилизовали.

В начале 1944 года в ходе Кировоградской наступательной операции Украинская ССР была освобождена от нацистов, и Сухомлинский узнал, что его жену Веру (выпускницу Кременчугского учительского института и преподавателя английского языка, наполовину украинку, наполовину цыганку) и маленького сына замучили в гестапо. Эту утрату он переживал до конца жизни.

С сентября 1942 по март 1944 года Сухомлинский работал директором и учителем литературы в Увинской средней школе Удмуртской АССР. Тогда он и познакомился с педагогом Анной Девятовой, приехавшей с инспекцией. Директор показался Анне «необыкновенно теплым, симпатичным человеком». Между Сухомлинским и Девятовой завязалась переписка. В конце войны Сухомлинский сделал Анне предложение, они поженились и вместе вернулись на Украину. Сухомлинский получил назначение заведующим районным отделом образования Онукриевского района Кировоградской области,

Анна стала работать учителем в школе. Согласно ее воспоминаниям, жила семья тогда впроголодь. Родились дети — сын Сергей и дочь Ольга.

В 1948 году Сухомлинский стал директором Павловской средней школы, которой бессменно руководил до конца своей жизни. Дочь Сухомлинского — доктор педагогических наук, профессор Ольга Васильевна Сухомлинская — пошла по стопам отца, работала в Национальной академии педагогических наук Украины.

Василий Александрович является автором сорока монографий и брошюр, более 600 статей, 1200 рассказов и сказок. Научные монографии и статьи он писал на русском языке, художественную прозу — на украинском. Общий тираж его книг на различных языках составил около четырех миллионов экземпляров.

Сухомлинский создал оригинальную педагогическую систему, основанную на принципах гуманизма, на признании личности ребенка высшей ценностью, на которую должны быть ориентированы процессы воспитания и образования, творческая деятельность сплоченного коллектива педагогов-единомышленников и учащихся.

Сухомлинский считал, что процесс обучения нужно организовать как труд, приносящий радость; большое внимание он уделял формированию мировоззрения учащихся; важная роль в обучении отводилась слову учителя, художественному стилю изложения, сочинению вместе с детьми сказок, художественных произведений, чтению книг.

Педагог разработал комплексную эстетическую программу «воспитания красотой». В условиях советской педагогики он разрабатывал гуманистические традиции отечественной и мировой педагогической мысли.

В целостном виде взгляды Сухомлинского представлены в «Этюдах о коммунистическом воспитании» и других произведениях. Сущность этики коммунистического воспитания Сухомлинского заключалась в том, что воспитатель верит в реальность, осуществимость и достижимость коммунистического идеала, измеряет свой труд критерием и меркой идеального.

Его идеи воплощены в практике многих школ. Были созданы Международная ассоциация Сухомлинского и Международное объединение исследователей Сухомлинского, педагогический музей Сухомлинского в Павловской школе.

Скончался он внезапно на 52-м году жизни 2 сентября 1970 года, в самом начале нового учебного года. На похороны пришли все педагоги и ученики Павловской средней школы.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кожарская К. О.

Полномочия прокурора, используемые для устранения нарушений законов о контрактной системе в сфере закупок 207

Колесова А. Р.

Содержание и цели осуществления прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан: теоретико-правовая характеристика элементов 209

Кольцова Т. В.

Участие специалиста в производстве по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды 211

Копылов В. И.

Опционный договор: от свободы договора до злоупотребления правом 214

Кузюшина А. В.

Основные направления деятельности Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных органов ... 216

Леонтьева Д. Е.

Гарантии и механизмы защиты прав несовершеннолетних и недееспособных в гражданском судопроизводстве 219

Линник М. Ю.

Правовое регулирование электронной торговли и электронной подписи 221

Васильев А. Д.

Понятие и правовая природа условного осуждения 223

Мальцева Д. Н.

Унификация административной ответственности иностранных граждан или лиц без гражданства за нарушение режима пребывания: противоречие между эффективностью контроля и принципом справедливости 227

Мацкевич Д. В.

Криминалистическое исследование следов рук 230

Михайлова А. М.

История развития российского законодательства о защите прав потребителей 232

Михайлова А. М.

Проблемы защиты прав потребителей и рекомендации по совершенствованию законодательства 235

Нашатынская Е. А.

Практика применения мер ответственности за нецелевое использование бюджетных средств 239

Николаев К. В.

Наследование по закону и по завещанию: проблемы правоприменительной практики.... 243

Новиков Д. В.

Юридическое обеспечение защиты интересов миноритариев 250

Нуратдинов С. К.

Правовое регулирование использования цифровых технологий в системе предупреждения массовых беспорядков 252

Павлова Д. П.

Законодательные основы профилактики коррупционных проявлений в деятельности государственных и муниципальных органов ... 255

Павлова Е. М.

Международные и национальные стандарты в сфере труда: противоречия и пути гармонизации 256

Петренчук Ю. И.

Актуальные проблемы правоприменительной практики и направления совершенствования административной ответственности за нарушения в организации дорожного движения 259

Петренчук Ю. И.

Административная ответственность за неправомерное вмешательство в дорожную инфраструктуру: анализ состава и практики применения статьи 12.33 КоАП РФ 262

Пивоваров К. М., Махмудов М. К.	
Роль цифровых платформ в обеспечении прозрачности и подотчетности бюджетного процесса в Российской Федерации	266
Пимонов И. А.	
Правовое регулирование использования беспилотных транспортных средств.....	268
Полузктов Е. Р.	
Место кредитно-банковских преступлений в системе экономических преступлений	271
Полузктов Е. Р.	
Уголовно-правовая характеристика незаконной банковской деятельности по статье 172 УК РФ: проблемы теории и правоприменения.....	272

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Полномочия прокурора, используемые для устранения нарушений законов о контрактной системе в сфере закупок

Кожарская Ксения Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Струков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье исследованы права, которые прокурор осуществляет при осуществлении возложенных на него функций, связанных с надзором за государственными закупками и выявлении нарушений в сфере закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, муниципальные закупки, прокурорский надзор

Полномочия прокурора по устранению нарушений закона, восстановлению нарушенных прав и предупреждению новых правонарушений включают в себя вынесение представления об устранении нарушений закона, протеста, объявление предостережения, возбуждение дела об административных правонарушениях, направление материалов для решения вопроса об уголовном преследовании; обращение в суд с исковыми заявлениями в интересах публично-правовых образований, неопределенного круга лиц [1, с. 63].

Согласно п. 1 ст. 23 Закона о прокуратуре, протест приносится прокурором на противоречащий закону правовой акт. При осуществлении надзора в сфере закупок протест может быть принесен прокурором в отношении региональных, муниципальных, локальных нормативных правовых актов, регулирующих указанные отношения. Применение данного акта прокурорского реагирования нередко позволяет добиться отмены или изменения правовых актов, не соответствующих закону.

Следует отметить, что ст. 36 Закона о прокуратуре также предусмотрена возможность опротестования прокурором судебных решений. В сфере закупок прокуроры нередко опротестовывают решения судов по делам об административных правонарушениях.

Следующим актом прокурорского реагирования является представление, в котором указывается на необходимость совершить конкретные действия по устранению выявленных прокурором нарушений закона. Например, в представлении прокурора могут содержаться требования о привлечении должностных лиц, по вине которых допущено нарушение, к дисциплинарной ответственности.

Важно учитывать, что представление прокурора, как и его протест, обязательно только для рассмотрения, но не

для исполнения, что следует из формулировок ст. 24 Закона о прокуратуре. Данный вывод также следует из Определения Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 № 84-О [2].

Поскольку в Законе о прокуратуре напрямую не указано на обязательность представлений прокурора об устранении нарушений закона для исполнения, на практике они могут не исполняться лицами, в адрес которых они внесены.

Как отмечает Н. Н. Гребнева, невозможность принудительно обеспечить исполнение представлений прокурора приводит к ослаблению силы данного акта прокурорского реагирования, которое фактически имеет юридическую силу рекомендации, консультационного документа. Содержащуюся в нем информацию адресат представления обязан только рассмотреть, но не обязан следовать указаниям прокурора [3, с. 67].

Поддерживая данную позицию, отметим, что отсутствие у представления прокурора свойства обязательности для исполнения не позволяет гарантировать принятие его адресатом мер по устранению нарушений закона.

Важным актом прокурорского реагирования также является постановление о возбуждении производства об административном правонарушении (ст. 25 Закона о прокуратуре). При этом необходимо учитывать, что по административным правонарушениям в сфере закупок (в частности, ст. 7.30.1, 7.30.2, 7.30.6, 7.32.6 КоАП РФ) прокурор только возбуждает дело, но рассмотрение такого дела и вынесение по нему итогового постановления осуществляется судьями, территориальными органами Казначейства России, УФАС России (в зависимости от конкретного состава административного правонарушения) [4].

Наконец, последним актом прокурорского реагирования является предостережение о недопустимости нарушения закона. Согласно ст. 25.1 Закона о прокуратуре,

предостережение направляется прокурором в случае наличия сведений о готовящихся правонарушениях. Специфика данного акта прокурорского реагирования заключается в его предупредительной направленности. Стоит отметить, что не во всех случаях объявление предостережения позволяет предотвратить нарушения закона.

Возможным является также применение одновременно нескольких актов прокурорского реагирования, как правило, в тех случаях, когда в результате проверки выявлено несколько нарушений закона.

С. Н. Рудых обоснованно обращает внимание на то, что при выборе подлежащего применению акта прокурорского реагирования важно, в первую очередь, анализировать причины, по которым имели место нарушения в сфере закупок. Например, если нарушение заключается в неоплате исполненных контрактов, причинами этого может быть как бюджетный дефицит, так и незаконные действия должностных лиц заказчика по заключении контрактов в отсутствие заложенного в бюджете финансирования на соответствующие цели, и исходя из этого необходимо решать вопрос о том, какие меры прокурорского реагирования в данной конкретной ситуации будут наиболее эффективны [5].

Литература:

1. Бобров В. К. Прокурорский надзор: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. С. 63.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Моторичевой Ирины Ивановны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 24 Федерального закона «О прокуратуре РФ»: Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 № 84-О // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Гребнева Н. Н. Представление прокурора как акт реагирования на нарушение закона // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. № 1 (39). С. 67.
4. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23 декабря 2021 г. по делу № А73–25/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/eZq3s19oMWVT/> (дата обращения: 25.11.2025); Решение Арбитражного суда Красноярского края от 11 августа 2020 г. по делу № А33–20239/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2zrbtDNVmHJK/> (дата обращения: 25.11.2025).
5. Рудых С. Н. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в части, касающейся своевременной оплаты заказчиками обязательств по исполненным государственным и муниципальным контрактам // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2 (105). С. 77.
6. Рудых С. Н. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в части, касающейся своевременной оплаты заказчиками обязательств по исполненным государственным и муниципальным контрактам // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2 (105). С. 77.
7. Мариничева А. Ю. Некоторые правовые средства прокурорского надзора за законностью закупочной деятельности // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 101.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

Полномочия прокурора, используемые при осуществлении надзора в сфере закупок, включают в себя также обращение в суд с исками в защиту интересов публично-правовых образований, неопределенного круга лиц [6]. Это обусловлено присутствием гражданско-правовых элементов в отношениях, возникающих из государственного контракта. Данное правовое средство прокурора в научной литературе считается самым эффективным, поскольку решения судов подлежат принудительному исполнению [7].

В соответствии с абз. 7, 8 ч. 1 ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса РФ [8], прокурор вправе обращаться в арбитражный суд с исками о признании недействительными сделок, совершенных с нарушением требований Закона № 44-ФЗ, а также о возмещении ущерба, причиненного публично-правовым образованиям в результате нарушения Закона № 44-ФЗ.

Одним из наиболее распространенных на практике нарушений Закона № 44-ФЗ, допускаемых при заключении контрактов, является искусственное дробление закупок во избежание необходимости проведения конкурентных процедур при осуществлении закупки с целью заключения сделки с единственным поставщиком.

Содержание и цели осуществления прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан: теоретико-правовая характеристика элементов

Колесова Алина Ринатовна, студент
Челябинский государственный университет

В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ содержания прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан через призму его системообразующих элементов. Автор последовательно раскрывает и дает авторскую трактовку предмета, объектов и субъектов данного направления надзорной деятельности. Особое внимание уделяется разграничению стратегических целей и тактических задач прокурорского надзора в трудовой сфере, что часто смешивается в научной литературе. На основе исследования делается вывод о необходимости системного взаимодействия всех элементов для повышения эффективности защиты трудовых прав, и формулируются практические рекомендации для законодателя и правоприменителей.

Ключевые слова: прокурорский надзор, трудовые права, предмет надзора, объекты и субъекты надзора, цели и задачи прокуратуры, защита прав работников, законность.

Трудовые права граждан, закрепленные в Конституции Российской Федерации и детализированные в отраслевом законодательстве, составляют фундамент социальной стабильности и достойного труда. Однако динамика современных экономических отношений, распространение нестандартных форм занятости (удаленная работа, гиг-экономика), наряду с сохраняющимся значительным количеством нарушений со стороны работодателей, актуализируют вопрос об эффективных механизмах защиты. Самозащита работниками своих прав, а также судебный порядок зачастую оказываются труднодоступными или недостаточно оперативными для отдельных категорий граждан. В этой системе прокурорский надзор выступает в качестве универсального и мощного вневедомственного инструмента, обеспечивающего верховенство закона, единство правоприменительной практики и восстановление нарушенных прав там, где иные средства исчерпаны [2, с. 455].

Несмотря на общую разработанность темы прокурорского надзора в научной доктрине, применительно к трудовой сфере наблюдается терминологическая разрозненность. Существуют разночтения в определении ключевых категорий, составляющих содержание надзора, а цели и задачи нередко отождествляются, что затрудняет как теоретический анализ, так и оценку практической эффективности.

Прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав граждан является составной частью общего надзора прокуратуры, определенного ст. 1 и 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Его специфика обусловлена особой социальной значимостью регулируемых отношений. В отличие от надзора за исполнением законов федеральными министерствами и ведомствами, здесь акцент смещен на защиту субъективных прав конкретных индивидов — работников — от нарушений со стороны широкого круга субъектов, включая не только государственные органы, но и частных работодателей. Это придает надзору в трудовой сфере черты не только охраны публичного правопорядка, но и активной правоохранительной деятельности.

В научной литературе предмет прокурорского надзора традиционно определяется через «исполнение законов» (А. Я. Сухарев) или «соблюдение Конституции и исполнение законов» (В. Г. Бессарабов). Однако, на наш взгляд, многие определения требуют конкретизации, отражающей многогранность надзорной деятельности.

Предполагаем целесообразным выделить авторское определение предмета прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан. Предмет прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан — это законность решений, действий (бездействия) органов государственной власти, местного самоуправления, работодателей (юридических и физических лиц) и их представителей в сфере трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, а также соответствие издаваемых ими правовых актов нормам трудового законодательства, помимо прочего — фактическое состояние соблюдения материальных и процедурных прав работников, гарантированных Конституцией РФ, Трудовым кодексом РФ и иными нормативными правовыми актами.

Особо отметим, что такое понимание предмета позволяет охватить не только формальную проверку актов на соответствие закону, но и реальное положение дел «на местах» — своевременность выплаты заработной платы, состояние условий труда, соблюдение процедур увольнения и т. д., что является сутью защиты прав человека.

Далее, стоит отметить, что четкое разграничение объектов и субъектов имеет ключевое значение для организации надзора.

Объекты надзора (то, на что направлена деятельность прокурора) носят комплексный характер:

1. Общественные отношения в сфере труда (отношения по поводу заключения, изменения и прекращения трудового договора, оплаты труда, охраны труда и др.).
2. Правовые акты (приказы, распоряжения, локальные нормативные акты работодателей, акты органов власти), их законность и обоснованность.
3. Поведение (действия/бездействие) поднадзорных субъектов в процессе правоприменения.

Субъекты надзора (иными словами, участники правоотношений) подразделяются на три группы:

1. Надзорный субъект — система органов прокуратуры, осуществляющая надзор на основании специальных полномочий, предоставленных ст. 22 и 27 ФЗ «О прокуратуре РФ» [1] (право доступа, истребования документов, проведения проверок, внесения актов прокурорского реагирования).

2. Поднадзорные субъекты — исчерпывающий перечень которых дан в ст. 21 ФЗ «О прокуратуре РФ»: федеральные органы исполнительной власти (включая Роструд и его инспекции), органы власти субъектов РФ и местного самоуправления, работодатели — юридические лица независимо от формы собственности и индивидуальные предприниматели, а также их представители (руководители, кадровые службы).

3. Лица, чьи права защищаются — работники, а в определенных аспектах также соискатели (при дискриминации в трудоустройстве) и бывшие работники (при нарушении прав после увольнения).

Цели прокурорского надзора, сформулированные в ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ», носят общий характер: обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Применительно к трудовой сфере эти общие цели конкретизируются в специальные цели, носящие стратегический и результативный характер.

Следует отметить, что главной специальной целью прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности в сфере трудовых отношений для достижения конечного социально-правового результата — реального и беспрепятственного осуществления трудовых прав всеми гражданами.

Из этой главной цели вытекают производные цели:

1. Предупреждение и пресечение нарушений трудового законодательства.

2. Восстановление нарушенных прав и законных интересов работников.

3. Достижение правовой определенности — устранение противоречий в правоприменении и формирование единообразной практики соблюдения трудового права.

Если цели отвечают на вопрос «зачем?», то задачи определяют «что нужно сделать?». Они носят тактический и инструментальный характер и детализируются, чаще всего, именно в ведомственных актах. Нами предлагается следующая классификация задач:

1. Информационно-аналитические: выявление, учет, обобщение и анализ статистики и причин нарушений трудовых прав; мониторинг законодательства и правоприменительной практики.

2. Контрольно-роверочные: организация и проведение плановых и внеплановых проверок соблюдения трудового законодательства на поднадзорных объектах.

3. Правоприменительные: применение всего арсенала средств прокурорского реагирования для устранения нарушений: принесение протестов на незаконные акты, внесение представлений об устраниении нарушений, вынесение постановлений о возбуждении дел об административных правонарушениях, обращение в суд с заявлениями в защиту прав работников.

4. Превентивные: правовое просвещение и разъяснение законодательства работодателям и работникам; выступление с информацией перед органами власти; проведение профилактических мероприятий.

5. Координационные: организация взаимодействия с государственными инспекциями труда (Роструд), правоохранительными и контролирующими органами для комплексного решения проблем в сфере труда.

Эффективность прокурорского надзора является производной от слаженного взаимодействия всех проанализированных элементов. Предмет надзора определяет сферу приложения усилий. Объекты и субъекты очерчивают круг проверяемых отношений и адресатов воздействия. Цели же задают стратегический вектор, а задачи представляют собой конкретные шаги по его достижению. Например, для достижения цели восстановления нарушенного права на своевременную оплату труда (цель), прокурор проводит проверку в отношении конкретного работодателя-должника (субъект), изучает факты задержек зарплаты (предмет — фактическое соблюдение прав), после чего применяет комплекс задач: анализирует финансовые документы (информационно-аналитическая задача), вносит представление об устраниении нарушений (правоприменительная задача), а в случае бездействия — обращается в суд с иском о взыскании задолженности (также правоприменительная задача).

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих теоретическое и практическое значение. Содержание прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав представляет собой системное единство пяти ключевых элементов: предмета, объектов, субъектов, целей и задач. Предмет данного надзора целесообразно определять широко, включая в него не только законность правовых актов и действий, но и фактическое состояние соблюдения прав работников, что наиболее полно отражает суть правозащитной функции прокуратуры. При этом необходимо строго различать объекты надзора, такие как общественные отношения, правовые акты и поведение, и поднадзорных субъектов, то есть конкретные органы и лица, указанные в законе. Цели надзора носят стратегический характер и ориентированы на конечный социально-правовой результат, а именно реальное осуществление прав, в то время как задачи являются тактическим инструментарием для их достижения. В конечном счете, повышение эффективности защиты трудовых прав граждан напрямую зависит от системного, взаимообусловленного применения всех элементов содержания надзорной деятельности.

На основе сформулированных выводов предлагаются практические рекомендации для различных субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности. Для законодателя представляется целесообразным рассмотреть возможность уточнения в статье 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» перечня поднадзорных субъектов, прямо включив в него заказчиков услуг в рамках современной экономики и иных лиц, фактически определяющих условия труда, что позволит нивелировать правовые пробелы, связанные с новыми формами занятости [3; с. 3]. Генеральной прокуратуре Российской Федерации рекомендуется закрепить в ведомственных методических рекомендациях предложенное разграничение

целей и задач для унификации планирования, отчетности и оценки результативности работы территориальных прокуроров в трудовой сфере. Правоприменителям, в лице прокуроров, при подготовке актов прокурорского реагирования, таких как представления и иски, следует явно указывать, на достижение какой конкретной цели и решение какой задачи они направлены, что несомненно повысит обоснованность и адресность таких актов.

В конечном итоге, глубокое понимание и четкое разграничение элементов содержания прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав является необходимым условием для его оптимизации и усиления роли прокуратуры как гаранта социальной справедливости в сфере труда.

Литература:

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. — 20.11.1995. — № 47. — Ст. 4472. — Текст: непосредственный.
2. Карцева, Е. Р. О модернизации института прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан / Е. Р. Карцева // Вопросы российской юстиции. — 2025. — № 37. — С. 455–461. — Текст: непосредственный.
3. Набиев, М. А., Гаджиалиева, Н. Ш. Прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав граждан / М. А. Набиев, Н. Ш. Гаджиалиева // Human Progress. — 2025. — № 1. — С. 1–6. — Текст: непосредственный.

Участие специалиста в производстве по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды

Кольцова Татьяна Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

«В случаях, если при производстве по делу об административном правонарушении возникает необходимость в использовании специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле, судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, выносят определение о назначении экспертизы. Определение обязательно для исполнения экспертами или учреждениями, которым поручено проведение экспертизы» [1].

В необходимых случаях именно участвующий в деле специалист способен помочь должностному лицу. Согласно ст. 25.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), специалист — это совершеннолетнее лицо, не заинтересованное в исходе дела, которое обладает познаниями, необходимыми для обнаружения, закрепления и изъятия доказательств, а также для применения технических средств.

Заключение специалиста и экспертиза позволяют должностному лицу выяснить обстоятельство по делу, выявить сущность произошедшего и грамотно описать событие правонарушения, указав все необходимые в протоколе сведения.

Согласно ст. 25.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, эксперт — это со-

вершеннолетнее лицо, не заинтересованное в исходе дела, которое обладает специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле, достаточными для проведения экспертизы и дачи экспертного заключения.

Процесс производства по делам об административных правонарушениях в сфере охраны окружающей среды и природопользования предполагает привлечение профильных специалистов на стадиях выявления и предварительного расследования. Данная мера эффективна для обнаружения, фиксации, исследования доказательств и надлежащего оформления процессуальных документов.

На ранних стадиях расследования необходимо зафиксировать имеющую значение для дела информацию, а именно грамотно произвести осмотр и составить соответствующие протоколы.

Протокол об административном правонарушении — это процессуальный документ, факт составления которого не является заключительным этапом производства по делу об административном правонарушении и не порождает юридических последствий. Данную позицию подтверждает также определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2018 № 3071-О [7], указывающего и ранее, что в силу ст. 28.2 КоАП РФ протокол

об административном правонарушении является документом, фиксирующим фактические данные, имеющие значение для правильного разрешения дела об административном правонарушении.

Протокол выступает особой формой документарного закрепления доказательств, консолидированных в едином процессуальном документе, который приобретает статус самостоятельного доказательства по делу.

В протоколе об административном правонарушении в сфере охраны окружающей среды и природопользования, который представляет собой итоговый процессуальный документ и завершает стадию перед рассмотрением дела, наиболее сложным для инспекторов государственного экологического надзора является описание события административного правонарушения. Часто протокол содержит лишь поверхностное и формальное описание, так как сущность произошедшего не всегда устанавливается должным образом.

Наиболее трудоемкой и ответственной является начальная стадия, так как она предопределяет результат производства по делу об административном правонарушении. Должностные лица, возбуждающие и расследующие дела об административном правонарушении в сфере экологии и природопользования, должны выявить административное правонарушение, произвести правовую квалификацию действия, в сжатые сроки собрать и зафиксировать доказательную базу, принять предварительные обеспечительные меры по делу, установить все значимые обстоятельства, позволяющие сделать вывод о наличии состава административного правонарушения и виновности лица, в отношении которого ведется производство, составить протокол об административном правонарушении, оформить материалы, рассмотреть и вынести постановление по делу об административном правонарушении. Все действия должны быть осуществлены в строгом соответствии с процессуальными требованиями.

Стадия, предшествующая рассмотрению дела, включающая возбуждение дела, расследование, составление протокола об административном правонарушении, чрезвычайно важна, так как обуславливает правильность дальнейшего решения по делу [2, с. 11].

В процессе составления протоколов по делам об экологических административных правонарушениях ключевой и трудозатратной операцией для уполномоченных должностных лиц органов экологического надзора выступает детализированное описание в протоколе фактических обстоятельств совершенного правонарушения.

При фиксации определенных видов экологических правонарушений процессуальная практика демонстрирует потребность в необходимости привлечения профильных специалистов и экспертов как для консультационной поддержки, так и в качестве непосредственных участников процедуры составления протокола. Ими могут быть сотрудники санитарно-эпидемиологической службы, специалисты в области ветеринарии, ихтиологии, трасологии, маркшейдерии и др. В результате эксперт от своего

имени дает письменное заключение на основании проведенных исследований и подписывает его.

Все эти специалисты участвуют для того, чтобы определить категорию рисков, которые возникли при совершении административного правонарушения в сфере экологии.

Маркшейдеров привлекают для выполнения работ, связанных с недрами, — комплекса геодезических, картографических и вычислительных мероприятий, которые обеспечивают точность и безопасность на всех этапах освоения недр [3]. Они проводят съемки, замеры и расчеты, ведут документацию, отображают полученные сведения на графических материалах (картах, планах, разрезах, картограммах).

Для расследования административных правонарушений в сфере недропользования могут быть привлечены маркшейдеры с целью определить объем и вид изъятых полезных ископаемых, а также помочь рассчитать размер вреда, нанесенного окружающей среде.

Аккредитованные лаборатории в области экологии проводят исследования качества атмосферного воздуха, выбросов в атмосферу, определяют объем и характеристики загрязняющих веществ в воздухе, проводят исследования отходов производства и потребления, выполняют морфологический и химический анализ объекта, проводят исследования водных объектов, в том числе подземных вод и рек, проводят разного рода лабораторные анализы, исследования почвы, осуществляют санитарный, химический, микробиологический, бактериологический, экологический анализ, изучают состав и свойства почвы, определяют степень ее загрязнения, проводят радиологические исследования воды и почвы инновационными и классическими методами и т. д.

В качестве примера можно рассмотреть материалы дела № А66-2970/2021 от 23.11.2021 [8], в котором Министерство природных ресурсов и экологии Тверской области привлекло специалистов аккредитованной испытательной аналитической лаборатории (ИАЛ) филиала «ЦЛАТИ по Тверской области» ФГБУ «ЦЛАТИ по ЦФО» для производства отбора проб почв и их химического анализа с целью определения в их составе загрязняющих веществ. По результатам химических анализов пробы почвы, биотестирования пробы почвы, химического анализа пробы отходов асфальтобетонной крошки, биотестирования пробы отходов асфальтобетонной крошки были выявлены значительные превышения показателей. Установив факт причинения вреда, вину ответчика, причинно-следственную связь между действиями ответчика и возникшим вредом, истец произвел расчет размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды вследствие нарушения земельного законодательства, и обратился в Арбитражный суд с настоящим иском. На основании методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды (приказ № 238 от 08.07.2010), Министерством природных ресурсов и экологии Тверской области про-

изведено исчисление размера вреда, причиненного почве ООО «СК ИНВЕСТСТРОЙ» в результате сброса, накопления отходов — лома асфальтовых и асфальтобетонных покрытий (асфальтобетонная крошка) — на земельном участке. Размер вреда в результате загрязнения почв отходами — ломом асфальтовых и асфальтобетонных покрытий (асфальтобетонная крошка) — составил 6 512 640 рублей.

Трасологическая экспертиза заключается в исследовании следов, оставленных на месте совершенного правонарушения. Эксперт-трасолог изучает различные виды следов: следы шин, оставленные транспортным средством, следы человека, следы животных и др.

Можно изучить следы от колес, образовавшиеся на месте административного правонарушения, определить отличительные признаки шин, которые отобразились в следах (например, неравномерный износ протектора вследствие неправильной регулировки углов установки или дисбаланса колес, дефекты, степень износа протектора, вздутие протектора, пробои и порезы и др.).

Например, неизвестное лицо осуществило выброс отходов в лесной массив. Государственный экологический инспектор может обратиться к трасологу для получения транспортно-трасологической экспертизы, которая поможет установить автомобиль, на котором осуществлено данное правонарушение, и, соответственно, определить и привлечь виновное лицо к административной ответственности.

В случае выявления нарушений требований в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов, содержащих признаки административного правонарушения, могут быть привлечены специалисты в области биологии и ветеринарии для установления вида животного (возможного его отнесения к виду, особо охраняемому государством), его пола, характера и типа повреждений у животного, причины гибели животного, что необходимо для установления всех обстоятельств противоправного действия и правильной квалификации административного правонарушения в области охоты.

Заключение биологической экспертизы устанавливает вид, пол, возраст животного, а также является ли это животное особо охраняемым или охотничьим видом.

При проведении ветеринарной экспертизы даются ответы на вопросы: о наличии травм на теле животного; о характере выявленных травм на теле животного, последовательности их получения, прижизненные они или получены после смерти животного; о полученных травмах животных, их характере и количестве; о причине смерти животного; о положении тела животного в момент получения травм; на другие вопросы, касающиеся ветеринарии.

Для проведения экспертизы, помимо материалов, имеющихся в деле, эксперту предоставляется для осмотра пострадавшее животное, труп животного или его останки. Данная информация необходима государственному инспектору в области охоты для правильного произведения

расчета размера вреда, причиненного в результате нарушений правил охоты [4].

Рассчитать размер причиненного охотничьим ресурсам вреда можно по методике, утвержденной приказом Минприроды России от 08.12.2011 № 948 (ред. от 17.11.2017) [5].

Вместе с тем важно установить вид животного и занесен ли он в Красную книгу Российской Федерации или в Красную книгу субъекта Российской Федерации. Незаконной является добыча охотничьих ресурсов, занесенных в красные книги субъектов Российской Федерации. Так, гражданин добыл кроншнепа, находясь на территории общедоступных охотничьих угодий Тверской области. Данный вид охотничьего ресурса занесен в Красную книгу Тверской области. Согласно методике определения, размер причиненного вреда исчисляется по формуле

$$Y = T \cdot K \cdot N,$$

где Y — размер вреда, причиненного вследствие прямого уничтожения конкретного вида охотничьих ресурсов, их незаконной добычи (отлова, отстрела), уничтожения по неосторожности, руб.; T — такса для исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам, руб.; K — пересчетный коэффициент; N — количество уничтоженных особей охотничьих ресурсов.

Если $T = 200$ руб.; $K = 7$; $N = 1$, то $Y = 200 \cdot 7 \cdot 1 = 1400$ руб.

Соответственно, сумма вреда, причиненного государству, составит 1400 рублей.

За добытую в результате незаконной охоты самку животного сумма ущерба практически всегда будет в разы выше, чем за самца.

Например, согласно Правилам охоты, утвержденным приказом Минприроды России от 24.07.2020 № 477 [4], отстрел самок уток в период весенней охоты запрещен. Если физическое лицо добыло самку утки, находясь на территории общедоступных охотничьих угодий в разрешенные сроки охоты и имея разрешение на добывчу охотничьих ресурсов, то, согласно методике, размер вреда вследствие прямого уничтожения конкретного вида охотничьих ресурсов составит $Y = 600 \cdot 5 \cdot 1 = 3000$ руб.

Соответственно, сумма вреда, причиненного государству, составит 3000 рублей.

Описанию в протоколе событий административного правонарушения должен предшествовать тщательно проведенный осмотр места происшествия.

Важно подчеркнуть, что в большинстве случаев протокол, составленный уполномоченным лицом, является основным документом, на основе которого принимается решение по существу и назначаются административные санкции. В реальности именно ошибки в оформлении протокола часто становятся причиной обжалования в суде решений о применении административных мер.

Вовлечение специалиста в процедуру осмотра и оформления протокола об административном правонарушении в области экологии и природопользования обеспечивает оптимизацию временных и процессуальных

ресурсов, а также способствует повышению качества осуществляемых процессуальных действий и составляемых документов.

На этапе подготовки к опросу государственный экологический инспектор обязан изучить специфику хозяйственной деятельности и применяемые производственные технологии, типы и принципы работы очистных сооружений, установленные нормативы предельно допустимых выбросов и концентрации вредных отходов, регламентированные процедуры хранения, транспортировки и захоронения опасных отходов, действующие ведомственные инструкции, приказы и распоряжения, касающиеся технологий производства отдельных изделий, требований техники безопасности и отраслевых стандартов, и т. п. Выполнение данной задачи затруднено ввиду необходимости обладания специализированными знаниями из различных сфер деятельности и умениями их применять

на практике. В связи с этим инспектору требуется консультационная поддержка специалистов, занятых на соответствующих предприятиях и в научных учреждениях.

В заключении эксперта должно быть указано, кем и на каком основании проводились исследования, их содержание, должны быть даны обоснованные ответы на поставленные перед экспертом вопросы, сделаны выводы.

Привлечение эксперта на различных стадиях производства по делам об административных правонарушениях в экологической сфере способствует существенному повышению эффективности расследования и качества принятия процессуальных решений.

Заключение эксперта не является обязательным для судьи, органа, должностного лица, в производстве которых находится дело об административном правонарушении в сфере экологии и природопользования, однако несогласие с заключением эксперта должно быть мотивировано.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — 7 янв. (№ 1, ч. 1). — Ст. 1.
2. Комаркова, Э. Р. Использование криминалистических знаний в производстве по делам о нарушениях законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования / Э. Р. Комаркова, Н. Р. Нафиков. — М. : Всерос. гос. ун-т юстиции (РПА Минюста России), 2014. — 168 с.
3. Постановление от 22.05.2001 № 18 «Об утверждении Положения о геологическом и маркшейдерском обеспечении промышленной безопасности и охраны недр» : зарегистрир. в М-ве юстиции РФ 05.06.2001, регистрац. № 2738. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901789233>
4. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 24.07.2020 № 477 «Об утверждении Правил охоты» : зарегистрир. в Минюсте России 31.08.2020, регистрац. № 59585. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/565612496>
5. Приказ Минприроды России от 08.12.2011 № 948 (ред. от 17.11.2017) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам» : зарегистрир. в Минюсте России 26.01.2012, регистрац. № 23030. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902319937>
6. Судебные и нормативные акты РФ : сайт. — URL: <https://sudact.ru>
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2018 № 3071-О // Юридическая информационная система «Легалакт — законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutivnogo-suda-rf-ot-26112018-n-3071-o/?ysclid=mihu9b9pgn503110880>
8. Решение Арбитражного суда Тверской области от 23.11.2021 по делу № А66-2970/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/fHAIomc29ZO/?ysclid=miadt9p0gm193166598>

Опционный договор: от свободы договора до злоупотребления правом

Копылов Василий Иванович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье анализируется опционный договор сквозь призму баланса между принципом свободы договора и гранью злоупотребления правом. Рассматриваются правовые механизмы, гарантирующие исполнение обязательств сторонами договора при добросовестном поведении в процессе его заключения, а также распространенные схемы недобросовестного поведения, ведущие к злоупотреблению правом. Рассматриваются варианты правоприменимой практики в гражданском процессе. В основу работы положены следующие методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, судебно-аналитический, системный, аналитический, метод правового моделирования.

Основной вывод научной работы: при добросовестности сторон договора опционный договор является эффективным механизмом закрепления договорных отношений, обладающим несравненным преимуществом за счет гибкости своей конструкции. В то же время гибкость договора чаще всего и становится почвой для злоупотребления одной из сторон.

Использованные методы помогли определить природу опционного договора, определить основные риски злоупотребления правом и выработать механизм противодействия злоупотреблению.

Ключевые слова: опционный договор, злоупотребление правом, свобода договора, притворность сделки, опционная премия, право требования.

Вступление. Обзор научных источников

В 2015 году в ГК РФ введен новый инструмент правового регулирования договорных отношений — опционный договор. Договорная конструкция позволяет одной стороне при условии внесения опционной премии (оплаты за право требовать) получить от второй стороны право требовать выполнения действий, оговоренных договором: передача имущества, оказание услуг, поставка товара, отчуждение доли в уставном капитале общества и т. д. В законодательной базе предусмотрена возможность заключения опционного договора на безвозмездной основе, однако практика применения безвозмездной сделки порождает юридические риски. Безвозмездная договорная конструкция в договорных отношениях является скорее исключением. Гибкость опционного договора позволила договорной конструкции приобрести популярность практически во всех отраслях договорного права. Но именно вопрос возмездности и безвозмездности договора и гибкость договорной конструкции порождает в научных кругах дискуссию о границах допустимости использования договора в отраслевом праве. Судами и научными кругами вопрос безвозмездности сделки рассматривается как один из способов злоупотребления правом. Характерной чертой опционной конструкции является возможность совместного злоупотребления правом, когда обе стороны, согласовав свои действия, пытаются подменить иные договорные конструкции опционным договором с целью минимизировать финансовые затраты и обойти законодательство.

Проблемы свободы договора, возмездности и безвозмездности сделки по опционному договору и, как следствие, злоупотребления правом исследуются в работах правоведов:

- В. В. Витрянского (принципы договорного права);
- Е. А. Суханова (вещные и обязательственные опционные модели);
- М. И. Брагинского и В. В. Витрянского (договоры в гражданском обороте);
- А. Г. Карапетова (свобода договора и ее пределы).

Вопросы квалификации опционных договоров рассмотрены и освещены в судебной практике, решениях районных судов первой и последующих инстанций, изложены в определениях Верховного суда РФ и постановлениях арбитражных судов. Именно судебная практика позволяет разграничить критерии добросовестного поведения и злоупотребления правом. Судебная практика является клю-

чевым способом формирования практического ориентира разграничения для судов и сторон договора. Призма правосудия является единственным способом анализа научных доктрин с точки зрения бытового применения опционного договора в договорных отношениях, позволяющим сопоставить выводы правоведов с точкой зрения правосудия. Доктринальная позиция помогает судебным органам скорректировать свою точку зрения на договорные отношения, выявить правовые коллизии и подготовить базу для укрепления законодательных норм.

Цели исследования

Цели исследования следующие:

- определить границы добросовестности сделки и критерии злоупотребления правом;
- выявить эффективные механизмы, позволяющие соблюсти баланс между свободой договора и способами предотвращения злоупотреблением правом;
- сформулировать ориентиры, которые позволяют сторонам и судебным органам на практике, не нарушая принципа свободы договора, эффективно противостоять попыткам злоупотребления правом.

Правовая природа опционного договора

Опционный договор регулируется законодательной базой ст. 429.2 и 429.3 ГК РФ. Согласно действующим статьям Гражданского кодекса конструкция должна обладать следующими характеристиками:

- односторонний обязывающий характер;
- возмездность (опционная премия);
- срочность (временные рамки требования);
- диспозитивность (исключительное право обязывающей стороны).

Свобода договора. Залог опционного договора

Свободу договора в российском законодательстве гарантирует ст. 421 ГК РФ. Указанная норма гарантирует сторонам возможность определения условий отношений на свое усмотрение (если это не нарушает права сторон и третьих лиц), устанавливает размер премии по опциону и определяет срок договора, а также позволяет сторонам вносить дополнительные условия, являющиеся существенными (порядок наследования обязательств, условия продления исполнения обязательств по договору и т. д.).

Злоупотребление правом

Злоупотребление правом описано в ст. 10 ГК РФ. Сама норма содержит широкий круг понятий, подпадающих под недобросовестность поведения одной из сторон. Однако что касается опционного договора, следует отметить следующие формы злоупотребления правом: искусственное создание условий, при которых сторона вынуждена отказаться от исполнения обязательств; использование опционных конструкций с целью обойти законодательство (данная форма может применяться обеими сторонами по обоюдному согласию); скрытие существенных условий договора, не являющихся очевидными для одной из сторон; подмена иной договорной конструкции опционным договором (как правило, данная схема применяется в предпринимательской деятельности с целью избежать ответственности согласно Закону «О защите прав потребителей»); внедрение опционных условий в иную конструкцию договора.

Судебная практика

Дело № 2-1006/2021: внедрение в договор покупки транспортного средства опционного элемента на оформление финансовой защиты по сертификату.

Литература:

- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51ФЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
- Брагинский М. И. Договорное право. Книга первая. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — Москва: Статут, 2020. — 847 с.
- Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1. — Москва: Статут, 2012. — 452 с.
- Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Суханов Е. А. — Москва: Статут, 2011. — 1208 с.
- Брагинский, М. И. Договорное право. Книга 3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 2-е изд., стер. — Москва: Статут, 2011. — 1055 с.
- Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/
- Обзор судебной практики ВС РФ № 3 (2023) (утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2023). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463125/

Определение Верховного суда РФ от 1 февраля 2024 г. № 305-ЭС23-28516 по делу № А40-149995/2022: недобросовестность сторон при отчуждении доли общества с ограниченной ответственностью.

Дело 2-817/22: признание пункта договора о безотзывности оферты недействительным.

Выводы

Опционный договор является весьма эффективным механизмом регулирования договорных отношений при условии добросовестности сторон. С целью защиты своих интересов сторонам необходимо зафиксировать в договоре все значимые условия, не противоречащие действующему законодательству. С целью предупреждения злоупотребления правом в отдельных отраслях договорных отношений необходимо ввести более эффективную правовую базу (например, банковским и кредитным организациям установить прямой запрет на внедрение опционных элементов в договор кредитования, а в предпринимательской деятельности ввести механизм, при котором права непрофессионального участника рынка при заключении опционного договора останутся незыблемыми), а также сформировать единую судебную практику по опционным договорам и привести решения судов к единообразной форме.

Основные направления деятельности Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных органов

Кузюшина Анастасия Витальевна, студент

Научный руководитель: Луковкин Кирилл Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье рассматриваются ключевые направления деятельности Министерства юстиции Российской Федерации (Минюста России) и его территориальных органов. Освещаются основные функции ведомства: формирование правовой политики, государственная регистрация актов гражданского состояния и юридических лиц, контроль за деятельностью нотариата, адвокатуры и исполнительной системы.

Ключевые слова: Министерство юстиции Российской Федерации, территориальные органы Минюста, правовая политика, государственная регистрация, нотариат, адвокатура, исполнительная система, цифровизация государственных услуг.

Анализируется нормативноправовая база, регулирующая работу территориальных органов Минюста, порядок их создания, реорганизации и ликвидации.

Министерство юстиции Российской Федерации и его территориальные подразделения занимают центральное место в обеспечении правопорядка и стабильности правовой системы Российской Федерации. В условиях динамично развивающегося законодательства, их роль в координации федеральной нормативной политики с региональными реалиями, в расширении доступа к правовым услугам для граждан и юридических лиц, а также в обеспечении консистентности правоприменительной практики приобретает особую значимость.

Министерство юстиции отвечает за формирование правовой политики, осуществление государственной регистрации актов гражданского состояния и юридических лиц, контроль за деятельностью нотариата, адвокатуры и исполнительной системы, что оказывает прямое влияние на защиту прав и свобод человека и повышает эффективность судебной системы. Территориальные органы Министерства реализуют указанные функции на местах, адаптируя федеральные нормы к специфике регионов и обеспечивая своевременное предоставление услуг, что способствует снижению социального напряжения и укреплению доверия к государственным институтам.

Территориальные органы Минюста России — это структуры, которые образуются приказом Минюста России для осуществления его полномочий на определённой территории.

Деятельность территориальных подразделений Министерства юстиции Российской Федерации осуществляется на основании норм права, закрепленных в Конституции РФ, федеральных конституционных законах, федеральных законах, указах Президента и постановлениях Правительства Российской Федерации, международных соглашениях, а также нормативных актах Министерства юстиции России.

В соответствии с пунктом 1 статьи 78 Конституции РФ, федеральные органы исполнительной власти вправе создавать территориальные подразделения для выполнения возложенных на них функций. Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет создание, реорганизацию и ликвидацию своих территориальных органов в соответствии с установленными процедурами.

Приказами Министерства юстиции России осуществляется создание, реорганизация и ликвидация территориальных органов. Приказ о создании территориального органа содержит его полное и сокращенное наименование. Приказ о: «реорганизации или ликвидации регламентирует передачу функций, вопросы правопреемства,

гарантии и компенсации для государственных служащих, в соответствии с законодательством Российской Федерации» [3, с.66].

Руководство территориального органа Минюста России осуществляется начальником, который назначается и освобождается от должности приказом Министерства. Заместители начальника территориального органа назначаются и освобождаются по представлению руководителя территориального органа. Полномочия начальника определяются в соответствии с положением о территориальном органе.

Начальник территориального органа Минюста России отвечает за организацию его работы и несет персональную ответственность за выполнение территориальным органом возложенных функций.

Структура территориального органа включает: «руководство и структурные подразделения, которые занимаются основными направлениями деятельности. Правовой статус и полномочия структурных подразделений определяются положениями, утвержденными руководителем территориального органа» [4, с.418].

В рамках своей компетенции территориальный орган Минюста России издает нормативные и индивидуальные правовые акты, регулирующие его деятельность. Министерство обладает правом приостановления действия и отмены приказов и других документов, изданных территориальным органом.

К наиболее важным проблемам реализации органами Минюста России своих полномочий можно отнести следующие:

1. Недостаток финансирования и кадров. Это во многом затрудняет реализацию программ, которые направлены на развитие правовой системы России и защиту прав граждан. Так, в некоторых регионах страны наблюдается нехватка сотрудников, которые отвечают за регистрацию предпринимателей и юридических лиц. В качестве меры реагирования целесообразно: «рассмотреть пересмотр нормативов бюджетного финансирования данных направлений с учётом потребностей регионов, а также разработку программ профессиональной подготовки и переподготовки сотрудников в сфере государственной регистрации» [3, с.92].

2. Отсутствие взаимодействия в той мере, в которой это необходимо, между органами государственной власти на различных уровнях управления. Это приводит к конфликтам, неэффективности деятельности органов юстиции. Споры между федеральными и местными органами власти замедляют и усложняют решение вопросов по защите прав граждан. Для минимизации деструктивных последствий необходимо нормативное закрепление процедур межуровневого взаимодействия, включая

создание межведомственных комиссий с участием представителей различных уровней власти, а также внедрение механизмов предварительного согласования правовых и организационных решений по спорным вопросам.

3. Недостаточное развитие технологий. Цифровые инфраструктуры отсутствуют либо плохо работают. Процесс подачи документов в бумажном виде является приоритетным, когда так документы зачастую можно отправить в электронном виде. Работа с электронными документами часто приводит сотрудников в замешательство, затрудняет и замедляет их работу. Для решения этой проблемы рекомендуется усовершенствовать цифровые инфраструктуры и информационные системы и обучить сотрудников работе с ними.

4. Проблема бюрократии. Минюст России наделено полномочиями всех трех ветвей власти, что создает трудности в решении государственных вопросов. Для устранения этой бюрократической проблемы необходимо передать некоторые полномочия соответствующим ветвям власти, а Минюст России наделить новыми полномочиями или упразднить существующие. Также сложные административные процедуры и высокие требования к документации приводят к затягиванию процессов. Например, при регистрации юридического лица предприниматели сталкиваются с множеством формальностей, с большим количеством документов, которые нужно предоставить. Чтобы избавиться от этой проблемы, «необходимо упростить административные процедуры, провести административную реформу, в которую будет входить и упрощение требований к документации» [5, с.273].

Решить все проблемы реализации полномочий и деятельности Минюста России возможно, но для этого потребуются определенные меры и время. Однако, отметим, что, устранив все вышеперечисленные проблемы, можно добиться большого результата и упростить взаимодействие между органами власти и гражданами России.

В целях оптимизации управлеченческих процессов в Министерстве юстиции Российской Федерации предлагается внести корректизы в действующее законодательство.

К Указу Президента Российской Федерации от 13 января 2023 года № 10, касающемуся вопросов Министерства

юстиции РФ, предлагается дополнить норму, расширяющую полномочия Министерства в сфере цифровизации управлеченческих процессов. Предложение включает в себя введение положения о разработке и реализации унифицированных цифровых платформ, предназначенных для межведомственного взаимодействия и организации электронного документооборота.

Обоснование данных изменений заключается в необходимости устранения разрозненности существующих электронных систем, что в свою очередь способствует повышению эффективности информационного обмена между структурными подразделениями Министерства и его территориальными органами.

В соответствии с приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 02 августа 2023 года № 207, предлагается внести поправки в действующий административный регламент [1]. В частности, необходимо дополнить документ разделом, касающимся системы ключевых показателей эффективности (КПИ) для сотрудников ведомства. Данный раздел должен содержать чёткие критерии оценки результативности труда, охватывающие как количественные, так и качественные аспекты. Внедрение системы КПИ способствует повышению прозрачности оценки работы персонала и стимулирует достижение конкретных результатов.

Также целесообразно внести изменения в федеральные законы о государственной службе, добавив положения о непрерывном образовании государственных служащих Министерства юстиции, включая онлайн-обучение и стажировки, что будет способствовать повышению квалификации сотрудников.

Важно подчеркнуть, что при внесении изменений следует придерживаться принципа пропорциональности и избегать создания избыточных административных барьеров. Все предложенные изменения должны быть согласованы с другими федеральными органами власти и соответствовать действующим нормативным актам. Для реализации предложений потребуется проведение тщательного анализа текущей нормативной базы, разработка проектов изменений и их последующее согласование в установленном законом порядке.

Литература:

1. Приказ Минюста России от 02.08.2023 № 207 «Об утверждении Регламента Министерства юстиции Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 04.08.2023 № 74615) // Российская газета, № 87, 15.08.2023; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 04.10.2025.
2. Артамонов, А. Н. Формирование новых территориальных органов Минюста России как повод совершенствования российского законодательства / А. Н. Артамонов. — Текст: непосредственный // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VIII Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 года. — Донецк: Донецкий гос. ун-т, 2023. — С. 66.
3. Архиремеева А. С. Проблемы реализации полномочий органами Министерства юстиции Российской Федерации // Еромен. Global. 2025. № 61. С. 92.
4. Дубровский Н. С. Роль и значение деятельности Министерства юстиции Российской Федерации по укреплению основ правового государства // Юность и знания — гарант успеха -2023: Сборник научных статей 10-й Международной молодежной научной конференции. В 2-х томах, Курск, 19–20 сентября 2023 года / Редколлегия:

- А. А. Горохов (отв. редактор). Том 1. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2023. С. 418.
5. Коваленко С. Г. Актуальные проблемы правового регулирования деятельности органов принудительного исполнения Российской Федерации // Власть закона. 2024. № 1 (57). С. 273.

Гарантии и механизмы защиты прав несовершеннолетних и недееспособных в гражданском судопроизводстве

Леонтьева Дарья Евгеньевна, студент
Тюменский государственный университет

В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся правового регулирования отношений малолетних и несовершеннолетних детей, недееспособных граждан. Актуальность темы обусловлена возрастающей значимостью защиты несовершеннолетних и недееспособных в условиях современного общества. В современных условиях цифровизации гражданского судопроизводства в повестку встают дополнительные проблемы: алгоритмические модели и системы искусственного интеллекта, лишившие эмпатии и морально-нравственных ориентиров. В статье проведен анализ норм гражданского и семейного законодательства Российской Федерации. Особое внимание уделяется процедуре привлечения несовершеннолетнего к судебным разбирательствам, обязанностям законных представителей, органов опеки и прокуратуры. В заключение показаны пробелы реализации правовой защиты на практике.

Ключевые слова: несовершеннолетние, недееспособные, права, законные представители, опекуны.

Одним из основных аспектов гражданского судопроизводства является защита прав и интересов несовершеннолетних и недееспособных лиц. Эти категории граждан требуют особого внимания со стороны государства и судебных органов, поскольку они не могут полностью распоряжаться своими правами и обязанностями без помощи законных представителей.

В Российской Федерации защита прав граждан, в том числе несовершеннолетних и недееспособных, осуществляется на основании Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации, а также ряда специальных законов. В п. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации гарантируется каждому право на судебную защиту, что является основополагающим принципом в обеспечении правовой защиты несовершеннолетних и недееспособных граждан. В данном случае в ч. 1 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации прямо указано, что ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов.

В зависимости от возраста можно выделить три группы людей с точки зрения объема гражданской процессуальной деятельности. Согласно ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации это лица до 14 лет, лица от 14 до 18 лет и лица старше 18 лет.

Лица до 14 лет не могут самостоятельно осуществлять гражданские права и защищать их в суде, поэтому их интересы представляют законные представители. Лица от 14 до 18 лет вправе лично защищать в суде свои права и интересы, но суд вправе привлечь к участию в делах их законных представителей.

Данные положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации подкрепляются абз. 2 ч. 2 ст.

56 Семейного кодекса Российской Федерации, который дополнительно подтверждает гарантии малолетних и несовершеннолетних: ребенок вправе самостоятельно обращаться за защитой своих прав в органы опеки и попечительства, а после достижения четырнадцати лет — и в суд.

Также можно говорить о том, что обеспечение гарантий несовершеннолетних в судопроизводстве выходит за рамки национального законодательства Российской Федерации и подкрепляется международными обязательствами, в том числе Конвенцией о правах ребенка. В ст. 12 Конвенции закреплено право ребенка быть заслушанным в любом судебном разбирательстве, затрагивающего его права и интересы.

Таким образом, перечисленные нормы формируют процессуальные гарантии, которые обязывают государство и судебные органы учитывать мнение ребенка при вынесении судебных решений и привлекать к участию родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, а также прокурора, когда родители утратили права или их представительство невозможно.

Гражданин может быть признан недееспособным по решению суда, если вследствие психического расстройства он не способен понимать значение своих действий или руководить ими (ч. 1 ст. 29 Гражданского кодекса Российской Федерации). После такого решения за недееспособным устанавливается опека, и его права и интересы в гражданских правоотношениях и в суде представляет опекун (ч. 2 ст. 31 Гражданского кодекса Российской Федерации). При утрате дееспособности многие права (в частности, распоряжение имуществом) становятся невозможными, а при восстановлении способности ранее недееспособный может быть признан ограниченно дееспо-

собным или полностью дееспособным (устанавливается попечительство).

В гражданском судопроизводстве граждане, ограниченные в дееспособности, защищаются в процессе через представительство, что прямо предусмотрено в ч. 3 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. При этом сам недееспособный гражданин не теряет право быть участником дела: суд вправе лично привлекать недееспособного к участию в деле, если это необходимо для выяснения обстоятельств. Важным механизмом является участие прокурора, который может подать заявление в защиту прав лица, если тот по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другимуважительным причинам не может сам обратиться в суд. То есть при защите прав недееспособного прокурор выступает по аналогии с законным представителем, имея те же процессуальные права (кроме заключения мирового соглашения и уплаты судебных расходов).

Тем самым, граждане, ограниченные в дееспособности, в гражданском процессе защищаются через те же институты (опека, родители, суд), что и несовершеннолетние.

Наряду с наличием правовой базы, практика выявляет пробелы и сложности. Так, А. В. Гончарова отмечает, что отсутствие в законе конкретной нормы, регулирующей механизм обращения несовершеннолетнего в суд и его участие в процессе в качестве истца, приводит к тому, что на практике суды часто отказывают несовершеннолетним истцам в праве на защиту, ссылаясь на их неполную дееспособность [1]. Иными словами, несовершеннолетние участники страдают от юридической неопределенности, так как суды не всегда готовы принимать иски детей, ссылаясь на формальную неполноту их правоспособности.

Отдельного внимания заслуживает и вопрос цифровизации правосудия. В контексте исследований Подолинского И. А. об использовании искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве, автоматизация процессов несет в себе скрытые риски для уязвимых категорий граждан [2]. Алгоритмические модели, лишенные эмпатии и морально-нравственных ориентиров, не способны в полной мере оценить оценочную категорию «наилучших интересов ребенка» или тонкие нюансы психического состояния недееспособного лица. Следовательно, применение технологий ИИ в спорах с участием несовершеннолетних должно быть строго ограничено вспомогательными функциями, исключая возможность передачи

машине права на принятие итогового судебного решения, требующего глубокого человеческого понимания.

При автоматизированном рассмотрении дел с участием несовершеннолетних и недееспособных лиц на первый план выходят вопросы прозрачности и объективности принимаемых решений. Алгоритмические системы могут опираться на статистические данные и внутренние модели, не учитывающие особенности конкретного ребенка или психическое состояние недееспособного лица. Без чётких критериев и контроля результаты такой автоматизации могут повышать риск возникновения систематической ошибки и дискриминации.

Вместе с тем внедрение цифровых технологий в судопроизводство может создавать дополнительные трудности для уязвимых категорий граждан. Особые сложности возникают при дистанционном рассмотрении дел с участием несовершеннолетних. В удалённом формате детям нередко трудно ясно излагать свою позицию и полноценно воспринимать ход судебного разбирательства, особенно при наличии психофизических или возрастных особенностей. Недостаточное понимание процессуальных правил и ограниченные цифровые навыки осложняют получение квалифицированной юридической помощи. В результате существует риск, что значимые обстоятельства дела не будут учтены, а процессуальные гарантии несовершеннолетних и недееспособных лиц окажутся нарушенными.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что в Российской Федерации сформирована многоуровневая система защиты прав несовершеннолетних и недееспособных граждан в гражданском судопроизводстве. Данная система опирается на конституционные гарантии, нормы гражданского и семейного законодательства, а также международные обязательства и включает институты законного представительства, участия органов опеки и попечительства, прокурорского надзора. Вместе с тем исследование выявило ряд практических сложностей: неопределённость механизма самостоятельного обращения несовершеннолетних в суд, отсутствие обязательного участия педагога или психолога в гражданских делах, а также потенциальные риски применения цифровых технологий при рассмотрении споров с участием уязвимых категорий граждан. Указанные проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейшего научного осмысления баланса между процессуальной эффективностью и обеспечением реальной защиты прав лиц, не обладающих полной дееспособностью.

Литература:

- Гончарова А. В. Несовершеннолетние как участники гражданского процесса // Legal Concept. — 2017. — № 1. — С. 41–43.
- Подолинский И. А. Добросовестность в эпоху цифровизации: применение ИИ в судопроизводстве сквозь призму сравнительно-правового анализа // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 10 (209). — С. 392–394.
- Туманова Л. В. Самостоятельный процессуальный статус несовершеннолетнего // Российская юстиция. 2023. N 1. С. 70–74.

Правовое регулирование электронной торговли и электронной подписи

Линник Михаил Юрьевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует состояние законодательной базы, выявляя противоречие между стремительным развитием рынка и фрагментарностью его правового регулирования. Подчеркивается ключевая роль Федерального закона «Об электронной подписи» в создании доверия к электронным сделкам. В работе систематизированы основные проблемы, включая отсутствие единого закона об электронной коммерции, риски для потребителей, сложности регулирования новых бизнес-моделей (маркетплейсы) и трансграничной торговли. На основе анализа обосновывается необходимость консолидации законодательства и разработки скоординированных мер, направленных на создание целостной, безопасной и конкурентной цифровой среды.

Ключевые слова: электронная торговля, электронная коммерция, электронная подпись, правовое регулирование, цифровая экономика, трансграничная торговля.

Глобальная цифровая трансформация предопределила становление электронной торговли как одного из ключевых секторов мировой и национальной экономики. В России, несмотря на определенное отставание от лидеров мирового рынка, этот сектор демонстрирует устойчивый рост, чему способствует экспансия интернет-пользователей, развитие логистической инфраструктуры и изменение потребительских привычек [1, с. 110]. Однако динамичное развитие экономических отношений в сети Интернет, сопровождающееся появлением новых форм и моделей взаимодействия, неизбежно опережает эволюцию правового поля. Как отмечается в исследованиях, недостаточное развитие законодательной и нормативной базы порождает проблемы защиты интеллектуальной собственности, договорного и финансового характера, что, в свою очередь, снижает доверие покупателей и инвесторов. В этом контексте институт электронной подписи (ЭП), правовое регулирование которого установлено Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ, выступает краеугольным камнем, обеспечивающим юридическую значимость, безопасность и доказательственную силу действий в цифровой среде. Целью настоящей статьи является анализ текущего состояния правового регулирования электронной торговли и электронной подписи в их системной взаимосвязи, выявление ключевых проблемных зон и формирование выводов о путях совершенствования законодательства для устойчивого развития цифровой экономики России.

1. Электронная торговля: мозаика правового регулирования и его системные изъяны.

В отличие от многих зарубежных юрисдикций, в России отсутствует единый системообразующий закон, комплексно регулирующий отношения в сфере электронной торговли. Действующая правовая база представляет собой сложную, разрозненную конструкцию, составленную из норм различных отраслей права.

1. Гражданско-правовой фундамент. Общие основания для осуществления электронной торговли заложены в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ). Статья 434 ГК РФ допускает заключение договора

в письменной форме путем обмена электронными документами, а статья 160 ГК РФ приравнивает электронную подпись к собственноручной при соблюдении условий, установленных законом или соглашением сторон. Эти нормы создают принципиальную возможность для ведения электронного бизнеса, но носят общий, диспозитивный характер [2, с. 121].

2. Специальное потребительское законодательство. Базовые гарантии для потребителей при дистанционной торговле установлены Законом РФ «О защите прав потребителей» и Правилами продажи товаров дистанционным способом. Они закрепляют право на получение полной информации о товаре и продавце, «период охлаждения» (право на отказ от товара в течение 7 дней), а также особенности ответственности продавца. Однако эффективность этих норм на практике зачастую нивелируется сложностями с идентификацией контрагента и доказыванием факта нарушения.

3. Регулирование смежных областей. Операции электронной торговли тесно связаны с вопросами оплаты, защиты данных и информационной безопасности, которые регулируются профильными законами: Федеральным законом «О национальной платежной системе» (№ 161-ФЗ), Федеральным законом «О персональных данных» (№ 152-ФЗ) и Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (№ 149-ФЗ).

Подобная фрагментарность порождает ряд системных проблем, сдерживающих развитие рынка:

1. Правовая неопределенность. Отсутствие легальных дефиниций ключевых понятий («электронная торговля», «онлайн-площадка», «агрегатор») приводит к разнотечениям в правоприменительной практике. Неясен правовой статус и мера ответственности операторов маркетплейсов, которые зачастую выступают не просто техническими посредниками, а активными организаторами торгового оборота [3, с. 208]. Эта проблема отчасти решается новым законом о маркетплейсах (вступает в силу с 16 октября 2025 года), который возлагает на них ответственность за качество товара и соблюдение прав потребителей наряду

с продавцами. Однако эффективность данной нормы еще предстоит оценить.

2. Уязвимость прав потребителей. Несмотря на наличие специальных норм, потребитель в цифровой среде остается наиболее уязвимым звеном. Проблемы связаны со сложностью идентификации реального продавца (особенно на зарубежных и трансграничных площадках), предоставлением недостоверной информации, неисполнением обязательств по доставке и возврату средств. Отсутствие удобных и обязательных механизмов досудебного разрешения споров (например, через институт онлайн-омбудсмена) вынуждает потребителей обращаться в суд, что является затратным и длительным процессом.

3. Вызовы трансграничной торговли. Трансграничная электронная торговля создает серьезные проблемы для налогового и таможенного регулирования. До недавнего времени зарубежные интернет-магазины имели необоснованное конкурентное преимущество за счет возможности не уплачивать налог на добавленную стоимость (НДС) при ввозе товаров в малых порциях для личного пользования. Минфин России в октябре 2025 года вынес на общественное обсуждение законопроект, направленный на налогообложение таких операций, что является важным шагом к созданию равных условий конкуренции. Однако реализация этого проекта потребует выстраивания сложного механизма администрирования, а его вступление в силу ожидается не ранее 2027 года.

Таким образом, несмотря на отдельные прогрессивные законодательные инициативы, регулирование электронной торговли остается реактивным и несистемным. Насущной необходимостью является разработка и принятие базового федерального закона «Об электронной торговле (электронной коммерции)», который консолидировал бы ключевые принципы, дал четкие определения, установил права и обязанности всех субъектов и создал эффективные процедуры защиты прав.

2. Электронная подпись: структурированный фундамент цифрового доверия.

Если регулирование электронной торговли в целом характеризуется хаотичностью, то в сфере электронной подписи Россия обладает одной из наиболее развитых и структурированных законодательных систем. Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» заложил прочную правовую основу для использования ЭП при совершении гражданско-правовых сделок, оказании государственных и муниципальных услуг и совершении иных юридически значимых действий.

Закон № 63-ФЗ является «живым» актом, постоянно адаптирующимся к новым требованиям. Так, с 1 сентября 2024 года в рамках мер по повышению безопасности внедряется модель использования машиночитаемой доверенности (МЧД). Вместо сертификатов, где указывались данные и сотрудника, и организации, теперь используются сертификаты КЭП физического лица в сочетании с МЧД — электронным документом, подписанным КЭП

руководителя и подтверждающим полномочия сотрудника. Это позволяет четче разграничивать ответственность и упрощает управление доступом внутри компании [4, с. 16].

В контексте электронной торговли ЭП выполняет несколько критически важных функций:

1. Идентификация и аутентификация. Гарантирует, что действия в системе (заключение договора, подтверждение оплаты) совершены конкретным лицом.

2. Установление и фиксация воли. Приравнивание электронного документа к письменной форме позволяет достоверно устанавливать факт и момент заключения сделки.

3. Обеспечение целостности и неотрекаемости. Криптографические механизмы усиленных ЭП гарантируют, что содержание документа не было изменено после подписания, а подписант не может отказаться от своего действия.

4. Доказательственная сила. Документ, подписанный квалифицированной ЭП, обладает полной юридической силой в суде и не требует дополнительных процедур по установлению его подлинности, что кардинально упрощает разрешение потенциальных споров [5, с. 164].

Таким образом, институт электронной подписи, несмотря на его техническую сложность, выступает надежным и постоянно совершенствуемым гарантом легитимности и безопасности всего электронного коммерческого оборота.

Проведенный анализ позволяет сформулировать основные направления совершенствования правового регулирования для гармоничного развития цифровой торговли в России.

Принятие комплексного закона об электронной торговле позволит преодолеть фрагментарность. Новый закон должен стать смысловым центром, который: даст однозначные легальные определения всем ключевым субъектам и процессам, установит дифференцированные правила и ответственность для различных моделей онлайн-торговли (сайт-витрина, маркетплейс, агрегатор услуг), закрепит усиленные гарантии для потребителей, включая прозрачные процедуры информирования, возврата и претензионного порядка, интегрирует нормы о трансграничной торговле, гармонизированные с международными стандартами и решениями ЕАЭС.

Для интеграции в глобальную цифровую экономику необходимо активное участие в разработке международных соглашений о взаимном признании электронных подписей и электронных транзакций. Национальное законодательство должно быть гибким для имплементации таких перспективных технологий, как блокчейн и смарт-контракты, возможно, через создание «регулятивных песочниц».

Развитие правового поля должно сопровождаться системной государственной и общественной работой по повышению осведомленности граждан и предпринимателей о правилах безопасного поведения в сети, рисках и ме-

ханизмах защиты. Параллельно необходимо ужесточать требования к аккредитации удостоверяющих центров

и средствам криптографической защиты информации для предотвращения мошенничества и утечек данных.

Литература:

1. Ержанова, С. Развитие электронной коммерции и рейтинг интернет-магазинов розничной торговли / С. Ержанова, Б. Джазыкбаева, Л. К. Смаилова. — Текст: непосредственный // Вопросы устойчивого развития общества. — 2021. — № 2. — С. 110–118.
2. Балкизов, А. Х. Электронный договор и электронная подпись: современные аспекты и перспективы / А. Х. Балкизов, А. В. Свищёв. — Текст: непосредственный // Моя профессиональная карьера. — 2023. — № 54. — С. 121–128.
3. Устюжанина, В. О. Проблема определения электронной торговли — консолидация законодательства и мировые процессы / В. О. Устюжанина. — Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. — 2022. — № 9. — С. 208–209.
4. Федеральный закон от 03.06.2009 г. № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляющей платёжными агентами». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88274/ (дата обращения: 25.12.2025).
5. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 25.12.2025).

Понятие и правовая природа условного осуждения

Васильев Артём Денисович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследованы вопросы, связанные с определением понятия и правовой природы условного осуждения. Автором установлено, что это особый институт уголовного права, который реализует важные социально-значимые цели.

Ключевые слова: Россия, наказание уголовное, осуждение, условно-досрочное осуждение, УДО, освобождение.

Уголовная ответственность, преследующая цель охраны человека, общества и государства, а также принимающая во внимание интересы совершившего преступление, обязана сочетать в себе соразмерную строгость и беспристрастность. Вместе с этим, порядок её реализации должен отличаться адаптивностью, предоставляя пространство для персонализированного подхода.

Это необходимое условие для формирования научно обоснованной, гуманной, эффективной и последовательной уголовной политики. Её задача — защита личности, социума и государства от преступных посягательств, использование мер государственного принуждения и установление правовых ограничений в отношении лиц, совершивших противоправные действия, а механизм её осуществления должен быть сосредоточен на профилактике и ресоциализации.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации выделяется суровостью санкций и процедурой определения наказания, реализуя как защитную функцию, так и индивидуальное карательно-предупредительное влияние на преступников.

При этом, уголовная ответственность, как политико-социальный и правовой инструмент, воплощающийся

в карательном воздействии, не должна утрачивать свою действенность в процессе применения.

Речь идет о недопустимости её девальвации вследствие отклонений в судебной практике, а также вследствие возможности неоправданно широкого и не всегда обоснованного применения условного осуждения, которое предусмотрено положениями статьи 73 УК РФ.

За последние десятилетия применение условного осуждения значительно расширилось и претерпело существенные трансформации. Ежегодное использование данной меры наказания в отношении значительного количества лиц, совершивших преступления, подчеркивает важность и незаменимость этого правового инструмента. Это, в свою очередь, диктует необходимость проведения всестороннего научного исследования, анализа и улучшения данного института.

Условное осуждение, являясь комплексным правовым институтом, прочно закрепилось в практике назначения и исполнения наказаний, несмотря на то, что его история насчитывает чуть более столетия. Ю. М. Ткачевский отмечал, что зачатки условного осуждения можно найти в середине XIX века, когда английский судья впервые применил его в Бирмингеме [10]. Официальное признание

этого института произошло в Великобритании в 1887 году с принятием Акта «Об испытании лиц, впервые совершивших правонарушение», и окончательно закреплено Законом «О пробации преступников» в 1907 году. В 1888 году условное осуждение получило отражение в уголовном кодексе Бельгии, а в 1891 году — во Франции. Таким образом, начался процесс внедрения и активного развития института условного осуждения в уголовном законодательстве различных стран [9].

Впервые институт условного осуждения появился в российском законодательстве в 1909 году и впоследствии нашел отражение в советской уголовной системе.

Условное осуждение, как форма реализации уголовной ответственности, отражает тенденцию к смягчению системы наказаний. В отличие от классических видов кары, приоритетной целью является не столько наказание, сколько мотивация осужденного к законопослушному поведению и исправлению, с минимальным применением ограничений, предусмотренных уголовным законодательством. Суд прибегает к условному осуждению, определив соответствующую меру наказания, но приостанавливая ее фактическое выполнение (ч. 1 ст. 73 УК РФ), для достижения целей исправления. Назначенное наказание сохраняется и служит стимулом к правомерному поведению, поскольку может быть применено в случае нарушения закона осужденным. Для поддержания значимости уголовно-правовой ответственности при условном осуждении и усиления осознания осужденным связи между совершенным деянием и назначенным наказанием, необходимо, чтобы процедура применения и исполнения этой меры акцентировала его отношение к преступлению и взысканию.

В соответствии со статьей 73 УК РФ, суть условного осуждения заключается в том, что суд, вынося приговор и определяя вид и размер наказания, может принять решение о временном неприменении наказания при условии соблюдения осужденным определенных требований. Возможность применения этой меры имеет ограничения. Во-первых, она может быть применена к определенным видам наказаний, таким как исправительные работы, ограничения военной службы, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы. Во-вторых, условное осуждение при назначении лишения свободы возможно только в случаях, когда срок лишения свободы не превышает восьми лет.

Активное применение условного осуждения как меры уголовного воздействия вызывает дискуссии о его содержании и даже о правомерности использования термина «условное осуждение» в юридической практике.

Например, К. В. Михайлов ставит под сомнение корректность обозначения «условное осуждение» по отношению к преступнику, так как приговор выносится без каких-либо условий и имеет юридическую силу. Опираясь на статью 73 УК РФ, утверждается, что речь идет не об об условленном осуждении, а о предоставлении временной свободы от отбывания наказания при соблюдении уста-

новленных законом требований, что делает более обоснованным использование термина «условное освобождение от отбывания наказания» [5].

В российской уголовно-правовой теории отсутствует консенсус в понимании сущности условного осуждения.

Например, А. С. Суховеев рассматривает его как особую форму уголовного наказания, назначаемого судом с учетом конкретных обстоятельств [8]. Р. В. Смаева, напротив, полагает, что условное осуждение — это мера, отличная от уголовной кары [6]. По мнению Е. А. Вакариной, условное осуждение выступает инструментом индивидуализации уголовной ответственности [3]. Б. З. Маликов и Н. С. Малолеткина характеризуют его как отдельный «механизм реализации уголовной ответственности». Этот перечень различных трактовок можно легко расширить [2].

Некоторые ученые выражают сомнения относительно эффективности института условного осуждения, критикуя его. В частности, В. С. Егоров считает, что «за совершением преступления, как правило, должно следовать не только назначение, но и исполнение наказания или применение иных мер уголовно-правового воздействия. Следовательно, по мнению автора, предпочтительнее и целесообразнее назначение более мягкого наказания, не связанного с длительной изоляцией от общества, чем осуждение к лишению свободы с последующим условным освобождением от него» [4].

Анализируя законодательные нормы, регулирующие применение условного осуждения в российском уголовном праве, можно заключить, что данный правовой институт нуждается в более строгой и подробной законодательной регламентации. В этом отношении, целесообразно изучить опыт законотворчества некоторых сопредельных стран, где вместо термина «условное осуждение» применяется иное определение, такое как «освобождение от наказания с установлением испытательного срока».

Институт условного осуждения, как механизм уголовно-правового воздействия, является не просто альтернативной мерой наказания, но, по сути, представляет собой освобождение значительного числа осужденных от одного из самых серьезных видов взыскания — заключения под стражу. Благодаря этому, ежегодно более 300 тысяч человек, признанных виновными, избегают направления в исправительные учреждения.

На первый взгляд, подобная гуманизация и экономия государственных ресурсов выглядят позитивно. Однако возникают вопросы относительно того, насколько обосновано и справедливо освобождение осужденных не только от реального отбывания наказания, но и перевод их в режим более мягкой уголовной ответственности. Ведь при условном осуждении не предусматривается ни возмещение ущерба потерпевшим, ни активное раскаяние, ни иные действия, направленные на смягчение негативных последствий преступления. Помимо этого, условия применения условного осуждения настолько широки, что позволяют передавать под надзор лиц, имеющих

алкогольную или наркотическую зависимость, с венерическими заболеваниями, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления (части 1 и 5 статьи 73 УК РФ).

Практика демонстрирует, что предоставление условно осужденным некоторой самостоятельности в сочетании с упрощенным контролем и мерами исправительного воздействия недостаточно мотивирует их к исправлению. Это обусловлено тем, что надзор за данной категорией граждан осуществляют уголовно-исполнительные инспекции (в соответствии с частью 13 статьи 16 Уголовно-исполнительного кодекса РФ), которые, несмотря на взаимодействие с органами полиции, не всегда эффективно обеспечивают точное соблюдение обязанностей и ограничений, установленных для условно осужденных, а также полноценный надзор за ними. Вследствие неадекватного контроля значительное число правонарушений, совершаемых данной группой лиц, не попадает в уголовную и административную отчетность, и, соответственно, не влечет за собой соразмерной реакции со стороны государства. В связи с этим, для уменьшения незарегистрированных нарушений необходимо улучшение системы контроля и мер реагирования. Следует отметить, что скрытие фактов нарушений в ходе исполнения наказания недопустимо, так как это подрывает доверие к самому институту условного осуждения, к правосудию в целом и к уголовной политике государства.

Также практика исполнения условного осуждения заставляет признать, что не все осужденные оправдывают оказанное им судом и обществом в целом доверие: рецидив их преступлений составляет 16,4 %, совершение административных правонарушений — 7,5 %, уровень злостного уклонения от контроля — 25,5 %, отмена условного осуждения — 10,17 % [7].

Результаты исследования показывают, что 74,4 % условно осужденных не осознают, что являются субъектами уголовно-исполнительных правоотношений и в рамках процедуры исполнения приговора должны подтверждать свое исправление, 48,8 % стремятся негативно своего поведения не делать достоянием контролирующих органов, 71,2 % безразлично относятся к мерам, связанным с исполнением приговора, не понимая характера этой процедуры и своей роли в ней [7].

Правовая система предусматривает, что после успешного завершения испытательного срока, юридические последствия условного осуждения, а именно судимость, автоматически снимаются (согласно пункту «а» части 3 статьи 86 УК РФ). Таким образом, привлечение к уголовной ответственности лиц, получивших условный срок, нельзя считать полноценной мерой наказания.

Однако, потерпевшие от преступлений нередко выражают непонимание относительно практики применения условного осуждения судами, особенно в ситуациях, когда их точка зрения не была принята во внимание.

Подобные факторы не дают возможности оценивать условное осуждение исключительно положительно, принимая во внимание принцип соблюдения социальной

справедливости и достижение целей ресоциализации осужденного.

По нашему мнению, условное наказание — это не просто способ избежать реального отбывания наказания, как иногда утверждают юристы. Скорее, это специфическая и достаточно «мягкая» форма реализации уголовной ответственности. Условный характер вынесенного приговора подразумевает, что осужденный не освобождается от ответственности полностью. Суд устанавливает конкретный испытательный срок, в течение которого исполнение назначенного наказания приостанавливается. На основании судебного постановления, в течение указанного периода осужденный находится под надзором и подвергается мерам коррекционного воздействия, при этом сохраняется факт его судимости.

Длительность судимости ограничена сроком испытания. Указанные особенности условного осуждения существенно преобразуют стандартную форму уголовной ответственности. Она не имеет выраженного карательного характера и отличается особым механизмом применения правовых ограничений.

К сожалению, существующие нормы уголовного и уголовно-исполнительного кодексов, определяющие порядок применения условного осуждения, не лишены слабых мест, что создает благоприятную почву для злоупотреблений властью и коррупционных действий. Это может обуславливать принятие судами решений, не имеющих под собой прочной юридической основы, а также необъективную оценку работы органов, контролирующих поведение условно осужденных.

Представляется важным, чтобы уголовное право, путем ужесточения санкций, демонстрировало не только общественное порицание преступлений, но и направленность на обеспечение принципа обязательной ответственности или применение альтернативных мер уголовно-правового характера. Кроме того, полезно внедрять механизмы стимулирования законопослушного поведения, которые могли бы служить основаниями для освобождения от уголовного преследования или уменьшения назначенного наказания.

Совершенствование уголовной политики в России — это сложная и продолжительная задача, требующая комплексной модернизации уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, а также оптимизации деятельности судебной и пенитенциарной систем. Значимую роль играет также повышение уровня правовой грамотности и сознательности населения.

Современное уголовное законодательство располагает необходимым арсеналом средств для эффективной борьбы с преступностью, а также для индивидуализации уголовной ответственности и определения соразмерного наказания.

Индивидуальный подход к определению меры ответственности неразрывно связан с оптимизацией применения мер государственного принуждения, необходимых

для ресоциализации лица, совершившего преступление. Поскольку в основе персонализации уголовной ответственности лежит стремление к минимизации репрессивного воздействия, уголовное законодательство предусматривает возможность применения к лицам, имеющим потенциал для исправления, альтернативных наказанию уголовно-правовых мер (освобождение от отбывания наказания) либо назначение наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Следовательно, стратегия уголовного права ориентирована на использование наиболее строгих мер государственного воздействия в целях предотвращения тяжких и особо тяжких преступлений. Эта задача решается посредством закрепления в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации санкций, устанавливающих достаточно строгие виды наказаний: смертную казнь, длительные сроки лишения свободы и пожизненное заключение.

В то же время совершенствуется арсенал уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности за преступления средней и небольшой тяжести, а также индивидуализации наказания в процессе его исполнения вне зависимости от тяжести совершенного преступления. Это достигается путем установления альтернативных санкций, применения норм институтов освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 90 УК РФ), освобождения от наказания (ст. 80.1 УК РФ), условного осуждения (ст. 73 УК РФ), использования специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания (примечания к ст. 122, 126, 127.1, 204, 205, 205.1, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 275, 282.1, 282.2, 291, 307 УК РФ), условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ), амнистии (ст. 84 УК РФ), помилования (ст. 85 УК РФ), других оснований индивидуализации наказания.

Необходимость предупреждения противоправных деяний требует разумного баланса между карательными мерами и мерами, направленными на исправление заключенных, посредством применения строгих санкций и особого режима исполнения наказания. В рамках этой системы обеспечиваются права и законные интересы осужденных, а также используются инструменты принуждения, побуждающие к соблюдению законов (посредством поощрений, взысканий, изменения типа исправительного учреждения, замены наказания в случае сознательного уклонения от его отбывания).

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СПС «Консультант плюс»
2. Бабаян С. Л. Пути совершенствования правового регулирования досрочного освобождения от отбывания наказания в отношении осужденных к лишению свободы // Петербургские пенитенциарные конференции: Сборник материалов комплекса международных научно-практических конференций: в 2-х томах, Санкт-Петербург. Пушкин, 17–19 мая 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 13–18

Условное осуждение, предусмотренное статьей 73 УК РФ, является ключевым средством реализации уголовной ответственности.

При установлении вины индивида, ему может быть назначено условное осуждение при условии строгого соблюдения всех принципов персонализации уголовной ответственности на этапах предварительного расследования и судебного разбирательства, а также принятия во внимание индивидуальных обстоятельств при установлении размера наказания.

Следует подчеркнуть, что, устанавливая правила применения условного осуждения, законодательство не предоставляет полных указаний относительно учета уровня общественной опасности содеянного при принятии решения о возможности применения этой меры. Фактически, основным критерием выступает максимальный срок лишения свободы, который не должен превышать восемь лет. В результате, суды наделяются правом самостоятельно решать вопрос о возможности условного осуждения за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Анализ положений второй части статьи 73 УК РФ показывает, что судебные инстанции, при вынесении вердикта об условном осуждении, должны руководствоваться общими установками назначения наказания, представленными в третьей части статьи 60 УК РФ. Считается, что законодательное урегулирование оснований и процедуры назначения условной меры пресечения требует некоторой доработки с повышенным вниманием к детальному изучению индивидуальных характеристик преступника. Именно личность обуславливает характер уголовного воздействия, выбор вида наказания и возможность плодотворного использования условного осуждения.

В общем и целом, условное осуждение является важной и необходимой формой реализации уголовной ответственности. Будучи существенной составляющей государственного влияния, связанного с установлением наказания, оно обладает самостоятельной значимостью в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Следовательно, перед юридической наукой стоит задача всесторонне исследовать все аспекты применения и исполнения условного наказания, дабы обеспечить его доступность для понимания обществом, осужденными лицами и судьями, а также его результативность, гарантируя единство и согласованность уголовной и уголовно-исполнительной политики, включая создание ясной и прогнозируемой судебной практики.

3. Вакарина Е. А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения (уголовно-исполнительные и уголовно-правовые аспекты): автореф. дис.... канд.юрид.наук. Краснодар, 2001. 25 с.
4. Егоров В. С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. М.: МПСИ, 2020. 341с.
5. Звечаровский И. Э. Освобождение от ответственности и наказания в уголовном праве России // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12 (52). С. 81–87.
6. Смаева Р. В. Институт условного осуждения в российском уголовном праве, законодательство и практика его применения: автореф. дис.... канд.юрид.наук. Ижевск, 2002. 24 с.
7. Судебная статистика «О предоставлении статистических сведений о количестве осужденных, совершивших преступления в период отбывания условного наказания» // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php> (21.12.2025)
8. Суховеев А. С. Институт условного осуждения в Российской Федерации: тенденции и прогноз развития: автореф. дис. .... канд.юрид.наук. Ростов-на-Дону, 2002. 20 с.
9. Ткачевский Ю. М. Понятие условного осуждения // Вестник МГУ. 2010. N 3. С. 32–28
10. Хайтжанов А. История возникновения и развития института условного осуждения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 2. С. 13–16

Унификация административной ответственности иностранных граждан или лиц без гражданства за нарушение режима пребывания: противоречие между эффективностью контроля и принципом справедливости

Мальцева Дарья Николаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье осуществляется критический анализ конструкции составов административных правонарушений, предусмотренных главой 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ). Автор утверждает, что действующая редакция статей 18.8, 18.10 КоАП РФ и других, устанавливающая, по сути, универсальную и строгую ответственность (штраф с административным выдворением) за любые нарушения режима, независимо от вины, обстоятельств и социальных последствий, входит в системное противоречие с основными принципами административного права — законностью, соразмерностью, виновной ответственностью и гуманизмом. На основе сравнительно-правового анализа зарубежного опыта автор предлагает концептуальную модель реформирования института ответственности. Формулируется вывод о необходимости перехода от карательной парадигмы к балансу контроля и интеграции, способному обеспечить более эффективное управление процессами, направленными на снижение конфликтов и укрепление социальной устойчивости.

Ключевые слова: административная ответственность, иностранные граждане, лица без гражданства, КоАП РФ, административное выдворение, принцип соразмерности, дифференциация наказаний, малозначительность нарушения, вина в административном праве, миграционное право, судебная практика.

Unification of administrative responsibility of foreign citizens or stateless persons for violation of the regime of stay: contradiction between the effectiveness of control and the principle of justice

Maltseva Daria Nikolaevna, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article provides a critical analysis of the structure of administrative offenses provided for in Chapter 18 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (hereinafter, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). The author argues that the current version of Articles 18.8, 18.10 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and others, which essentially establishes universal and strict liability (a fine with administrative expulsion) for any violations of the regime, regardless of guilt, circumstances, and social consequences, is in systemic conflict with the fundamental principles of administrative law, such as legality, proportionality, guilty responsibility, and humanism. Based on a comparative legal analysis of foreign experience, the author proposes a conceptual model for reforming the institution of liability. The conclusion is formulated about the need to switch from a punitive paradigm to a balance of control and integration, which can ensure more effective management of processes aimed at reducing conflicts and strengthening social stability.

Keywords: administrative liability, foreign citizens, stateless persons, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, administrative deportation, principle of proportionality, differentiation of penalties, insignificance of the violation, guilt in administrative law, migration law, judicial practice.

Введение

Институт административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за нарушения установленного порядка пребывания на территории России, закреплен в главе 18 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее КоАП РФ)[1]. На современном этапе указанный институт является краеугольным камнем обеспечения миграционной безопасности. Тем не менее, действующая правовая конструкция, сформированная в духе «жёсткого контроля» 2000-х годов, всё более явно демонстрирует свою нерезультативность и даже правовую дефективность в условиях современности. Юридико-технический недостаток норм статей 18.8, 18.10 КоАП РФ и других заключается в их карательной унифицированности и фактической объективизации ответственности.

Санкции, предусмотренные данными статьями, которые в качестве основного и часто безальтернативного наказания устанавливают штраф с административным выдворением, не устанавливают различий между умышленным систематическим нарушением миграционного законодательства и добросовестным заблуждением, а также между просрочкой уведомления на один день и проживанием без документов в течение года. Образ такой правовой модели не только нарушает фундаментальные принципы права, но и порождает ряд деструктивных практик право-применения, подрывающих авторитет государства и создающих зоны правового произвола.

Анализ действующей системы ответственности выявляет следующие правовые коллизии и дефекты право-применения, которые можно представить виде трехуровневой системы.

На первом уровне — конфликт с общеправовыми принципами.

В соответствии со ст. 1.5 КоАП РФ, регламентирующей «презумпцию невиновности»: составы правонарушений сконструированы по модели формальной противоправности.[1] Факт нарушения (например, несвоевременная постановка на учет иностранного гражданина) констатируется вне зависимости от того, произошло ли это по его вине (потерявшего уведомление), или по вине принимающей стороны (которая своевременно не подала уведомление) или вследствие ошибки должностного лица. При этом бремя доказывания невиновности ложится иностранного гражданина, что противоречит презумпции невиновности.

Принцип соразмерности (справедливости, ст. 1.3 КоАП РФ): отсутствие градации санкций приводит к не-пропорциональности наказания[1].

Административное выдворение — мера, по своей правовой природе и социальным последствиям сопоставимая

с уголовным наказанием в виде выдворения, применяется за малозначительные проступки, что противоречит правовой логике и позициям Европейского суда по правам человека, касающимся права на уважение частной и семейной жизни.

Надо полагать, указанной мерой нарушается принцип гуманизма, жесткая санкция не предоставляет возможности для восстановления нарушенного правопорядка иными, менее репрессивными способами.

Второй уровень представлен таким дефектом право-применения как дисфункция в деятельности органов МВД и судебной системы.

В правоприменительной практике МВД унифицированная строгость санкций лишает его инструментария для гибкой реакции. Это ведет к двум крайностям: либо к гипертроированному формализму, когда привлечение к ответственности происходит в любом случае, независимо от обстоятельств, либо к полному произволу. В последнем случае неприменение нормы может восприниматься как «акт милосердия», что создает коррупционные риски.

Отсутствие альтернатив затрудняет деятельность и девальвирует саму идею профилактики правонарушений. Необходимы механизмы, позволяющие учитывать индивидуальные обстоятельства каждого случая, чтобы сохранить баланс между строгостью законов и их справедливым применением.

В судебной практике нередки ситуации, которые нельзя назвать ничем как неудачное стечением обстоятельств, и возникают они не по вине иностранного гражданина. К примеру, многодетный отец на неделю просрочил документы из-за болезни ребенка, судья оказывается перед выбором: либо следовать букве закона и выносить решение, основанное на формальных требованиях, либо искать возможности для оправдания, которые могут быть процессуально уязвимыми. В таких случаях некоторые судьи прибегают к редкому признанию нарушения малозначительным по статье 2.9 Кодекса об административных правонарушениях РФ, что создает нестабильность и неопределенность в практике, либо прибегают к процессуально уязвимой конструкции — поиску процессуальных ошибок в протоколе[1].

Это, в свою очередь, приводит к неправовой дифференциации, основанной на субъективных представлениях конкретного судьи, что подрывает доверие к судебной системе в целом. Важно рассмотреть возможные пути решения этой проблемы, такие как реформирование законодательства в направлении большей гибкости при учете смягчающих обстоятельств, а также повышение квалификации судей в вопросах применения норм, направленных на защиту основополагающих прав граждан.

Третий уровень представлен социально-правовыми последствиями.

Универсально-карательный подход к миграции зачастую приводит к тому, что добросовестные мигранты оказываются в уязвимом положении, воспринимая свое присутствие как преступление, а не как возможность для улучшения своей жизни и жизни своих семей. Вместо того чтобы решать коренные причины нелегальной миграции, такие меры могут спровоцировать дополнительные проблемы.

Учитывая тот факт, что нелегальная миграция часто возникает из-за сложной экономической ситуации, конфликтов и нехватки возможностей в странах происхождения. Карательные меры не стимулируют мигрантов на законное поведение, а лишь заставляют их скрываться и рисковать своей безопасностью [1]. В это связи даже случайно совершивший ошибку и столкнувшийся с реальностью выдворения, в будущем будет всеми способами избегать любых контактов с государственными органами, что значительно затрудняет его интеграцию и контроль.

Если проводить параллели по данному вопросу с зарубежными странами, такими как Германия, Франция, то по законодательству указанных стран ответственность за указанные правонарушения, как правило, дифференцирована. Градация происходит по тяжести совершенного административного деяния: отдельно регулируются нарушения правил въезда, пребывания и трудоустройства. Благодаря этому существует чёткая иерархия санкций. Если правонарушение совершено впервые, и их можно обозначить как несущественные нарушения, назначаются небольшие штрафы, и возлагается обязанность устраниТЬ нарушение установленный срок, а в некоторых случаях даже ограничиваются предупреждением.

И только в крайнем случае при повторных, умышленных или тяжёлых нарушениях используется такая мера как выдворение (депортация).

В указанных странах первостепенное значение придается таким обстоятельствам как длительность пребывания, семейные связи, трудовая деятельность, добросовестное поведение на территории страны.

Анализ правоприменительной практики по вопросу административной ответственности иностранных граждан или лиц без гражданства за нарушение режима пребывания выявляет противоречие между эффективностью контроля и принципом справедливости.

В этой связи разрешение ситуации видится в реформировании Кодекса об административных правонарушениях. Направленность должна быть не на смягчение наказаний, а на восстановление принципа справедливости и соразмерности наказаний.

Полагаем, разработка правовых мер, направленных на дифференциацию составов и санкций в главе 18 КоАП РФ, позволит более точно отражать степень тяжести правонарушений.

В частности, одним из основополагающих направлений предложенной реформы является введение критерия «существенности нарушения».

Это даст возможность более гибко подходить к рассмотрению дел и учитывать обстоятельства, при которых нарушение произошло. Предлагается закрепить в примечаниях к статьям 18.8, 18.10 КоАП РФ критерии, при которых нарушение признаётся несущественным [1]. К примеру, если просрочка уведомления о подтверждении пребывания составляет менее трех рабочих дней, что не повлекло серьезных последствий, указанное можно расценивать как несущественное нарушение. Аналогично, ошибки в документах, не искажающие основных сведений, и своевременное внесение исправлений, должны быть также основанием для смягчения ответственности. Такие меры будут способствовать закреплению прав иностранных граждан и улучшить правоприменительную практику, создавая более справедливую систему, где каждая ситуация рассматривается индивидуально. Важно, чтобы такие меры имели четкие законодательные формулировки и проводились с соблюдением процедуры, что впоследствии позволит избежать возможной произвольности в принятии решений.

Целесообразно установление градации санкций для несущественных нарушений, в часть 1 изменённых статей необходимо установить санкцию в виде предупреждения или штрафа без выдворения. Для существенных нарушений (часть 2) следует сохранить существующие санкции (штраф с выдворением), но дополнить их альтернативой в виде штрафа повышенного размера без выдворения для определённых категорий (имеющих близких родственников — граждан РФ, постоянную работу, а также длительный срок легального пребывания).

Особое внимание следует уделить понятию «срока для устранения». Предлагается внести в КоАП РФ новую статью 18.8.1 «Устранение нарушения режима пребывания», которая предоставит иностранцам возможность в установленный законодательством краткий срок (например, 10 дней) добровольно устраниТЬ выявленные технические нарушения (подать уведомление, оформить патент). Устранение нарушений в данный срок освобождает от административной ответственности. Данный институт смещает акцент с наказания на восстановление правопорядка.

Существенным этапом к совершенствованию правоприменительной практики и обеспечению защиты прав граждан будет внесение изменений в главу 18 КоАП РФ, касающихся процессуальных и институциональных гарантий [1]. Обязательный учет обстоятельств составляет важную составляющую указанного процесса.

В процессе рассмотрения дел указанной категории, при вынесении постановления в мотивированной части целесообразно учитывать и отражать характер вины (умысел, неосторожность, отсутствие вины), длительность и законность предшествующего пребывания, наличие семейных (брак, дети-граждане России), трудовых или имущественных связей, поведение иностранного гражданина или лица без гражданства после выявление нарушения.

Полагаем, что важным нововведением было бы создание специализированных административных составов

в судах общей юрисдикции. То есть дела об административных правонарушениях, влекущие выдворение, должны рассматриваться судьями специализирующиеся на миграционном и административном праве, что обеспечит единство, экспертизу и взвешенность решений.

Заключение

Дифференциация административной ответственности иностранных граждан является не уступкой, а требованием правового государства. Отрешение от унифицированной системы законодательства в пользу гибкой, справедливой и восстановительной системы позволит:

1. Повысить легитимность и эффективность контроля: добросовестные мигранты получат стимул к легализации, а система сможет сосредоточить ресурсы на борьбе с реальными, злостными правонарушениями.

2. Снизить коррупционные риски: у правоприменителей появятся законные, прописанные в нормативных

актах альтернативы, исключающие необходимость неформальных соглашений.

3. Гармонизировать судебную практику: чёткие критерии и процедуры обеспечат предсказуемость и единство судебных решений.

4. Привести национальное законодательство в соответствие с принципами пропорциональности и уважения к частной жизни и международными стандартами прав человека.

Таким образом, важность перехода от карательной парадигмы к балансу контроля и интеграции уже очевидна. Новые механизмы, направленные на снижение конфликтов и укрепление социальной устойчивости — важный и своевременный шаг, основанный на праве справедливости и целесообразности, который впоследствии нивелирует все противоречия между эффективностью контроля и принципом справедливости. Реализация указанных положений позволит обеспечить более эффективное управление процессами и создать гармоничное co-существование различных интересов общества.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, N 30, ст. 3032.
3. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 24.07.2006, N 30, ст. 3285.
4. Постановление Правительства РФ от 15.01.2007 N 9 (ред. от 04.12.2024) «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 29.01.2007, N 5, ст. 653.
5. Коваленко, А. В. Административная ответственность за правонарушения в области обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории РФ / А. В. Коваленко. — Текст: непосредственный // Академическая публицистика. 2023. № 2–2. С. 116–123.. — 2023. — № 2–2. — С. 116–123.
6. Кононов, П. И. Актуальные проблемы административного права: учебник / П. И. Кононов. — Москва: КНОРУС, 2023. — 314 с. с. — Текст: непосредственный.
7. Логинова, Т. В. Проблемы реализации административной ответственности иммигрантов по ч. 1 ст. 18.11 КОАП РФ. / Т. В. Логинова. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права и законодательства. Сборник материалов XVI Всероссийской научно-практической конференции. Составитель Е. В. Василенко. Красноярск, 2023. С. 67–70.
8. Степанов, А. В. Административно-правовой режим трудовой деятельности иностранных граждан как разновидность общего административно-правового режима миграционной безопасности России / А. В. Степанов. — Текст: непосредственный // Административное право и процесс. 2021. N 12. С. 21–26.

Криминалистическое исследование следов рук

Мацкевич Дмитрий Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Луковкин Кирилл Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье представлено комплексное рассмотрение криминалистического исследования следов рук (дактилоскопии) как фундаментального направления современной криминалистики. Детально раскрыты научные основы дактило-

скопии, включая анатомические особенности папиллярных узоров и их идентификационные признаки. Описаны классификация следов рук, современные методы их обнаружения (визуальнооптические, физические, химические), способы фиксации и изъятия.

Ключевые слова: дактилоскопия, криминалистическое исследование, следы рук, папиллярные узоры, идентификация личности, методы обнаружения следов, фиксация следов, АДИС.

Дактилоскопия, а также системы учёта, основанные на её применении, продолжают сохранять свою актуальность и в настоящее время, и по праву считаются одним из выдающихся достижений конца XIX – начала XX века. Эти достижения сопоставимы с открытиями в области геномных исследований и соответствующих систем учёта, которые, в свою очередь, представляют собой значимое научное открытие XX века в контексте противодействия преступности. Не случайно в конце XX века геномные исследования иногда именовались «генетической дактилоскопией» или «ДНК-дактилоскопией» [1, с.138].

Первое практическое применение анализа следов рук для раскрытия преступлений в современной истории датируется 1893 годом в Аргентине, когда благодаря исследованиям Хуана Вучетича удалось установить личность преступника. Существует также мнение, что использование следов рук человека имеет более чем трёх тысячелетнюю историю, поскольку уже около тысячи лет до нашей эры в Китае и Вавилоне существовали представления об уникальности отпечатков пальцев, которые использовались для подтверждения юридически значимых документов.

В Российской Федерации результаты дактилоскопических исследований впервые были применены в судебной практике 1912 года, что стало возможным благодаря работе В. И. Лебедева.

Процесс сбора следов рук, как и других улик, начинается с их поиска и выявления, однако он обладает определённой спецификой, поскольку в любой среде обитания человека присутствует множество его следов, включая следы рук.

Следы рук позволяют не только установить личность преступника, но и получить информацию о его поле, возрасте, профессиональных особенностях, а также выявить элементы механизма совершения преступления. Таким образом, криминалистическое исследование следов рук (дактилоскопия) – важная область криминалистики, направленная на идентификацию личности по уникальным папиллярным узорам пальцев и ладоней. Этот метод базируется на изучении уникальных папиллярных узоров, которые формируются на ладонной поверхности рук и остаются неизменными на протяжении всей жизни индивида.

Уникальность папиллярных узоров, их индивидуальность и стабильность делают возможным точную идентификацию личности. Кожный покров рук состоит из эпидермиса и дермы, в структуре которой присутствует сосочковый слой. Именно в этом слое формируются папиллярные линии, создающие сложные узоры на подушечках пальцев. Эти узоры классифицируются на три основных типа: арочные, которые являются наименее рас-

пространенными; петлевые, характерные для большинства населения; и завитковые, отличающиеся своей сложностью и разнообразием.

В процессе дактилоскопического анализа выделяют общие и индивидуальные характеристики. К общим признакам относятся тип узора и общее количество папиллярных линий, в то время как индивидуальные признаки включают в себя детальное строение линий: их начало и концы, перерывы, разветвления, крючки, мостики, глазки, обрывки, островки, изгибы, выпуклости и вогнутости. Даже фрагменты папиллярного узора длиной всего около 1 сантиметра могут быть использованы для идентификации благодаря применению методов эджиоскопии и пороскопии, которые анализируют микроскопические особенности краев линий и расположение пор соответственно.

Классификация следов рук осуществляется по различным критериям. В зависимости от видимости следы могут быть видимыми, образованными краской, кровью или маслом; маловидимыми, образованными потожировыми выделениями на твердых поверхностях; и невидимыми, оставленными на впитывающих материалах. По механизму образования следы подразделяются на поверхностные, возникающие в результате наслаждения или отслоения вещества, и объемные, формирующиеся на пластических материалах [2, с.16].

Для обнаружения следов рук используется комплекс методик. Визуально-оптические методы включают осмотр с использованием луп, микроскопов и специализированных осветительных приборов, что позволяет выявить следы на предварительном этапе без изменения их физических свойств. Физические методы выявления и фиксации дактилоскопических следов включают в себя применение дактилоскопических порошков, включая магнитные и флуоресцентные варианты, а также использование источников ультрафиолетового и инфракрасного излучения. В дополнение к этому, применяются цианакрилатные камеры, в которых происходит взаимодействие паров цианакрилата с потожировыми выделениями, приводящее к визуализации отпечатков пальцев.

Химические методы основаны на использовании специфических реагентов, таких как нингидрин, который вступает в реакцию с аминокислотами, присутствующими в потожировых следах, и азотокислое серебро, вызывающее окрашивание следов под воздействием света. Йодные пары также используются для визуализации жирных следов, изменяя их цвет.

Фиксация обнаруженных дактилоскопических следов производится с использованием различных методов.

В первую очередь, производится детальное документирование в протоколе осмотра места происшествия, включая описание местоположения, количества, общих характеристик и методов обнаружения следов. Визуальная фиксация осуществляется с помощью фотографической или видеосъемки в различных ракурсах. В случае невозможности изъятия предмета-носителя в полном объеме, следы переносятся на дактилоскопическую пленку или липкую ленту. Для объемных следов создаются слепки с использованием гипса, пластилина или полимерных материалов. В случаях, когда другие методы неприменимы, используются зарисовки и планы [3, с.116].

Процедура идентификации личности на основе дактилоскопических следов включает в себя сравнительный анализ. Этот процесс проходит три этапа: первичный анализ, в ходе которого выявляются общие и индивидуальные признаки; сравнительный анализ, на котором происходит сопоставление идентификационных характеристик исследуемого объекта с образцами; и оценка результатов, в рамках которой формируется обоснование заключения о принадлежности следа конкретному лицу. Эксперт принимает во внимание как количество совпадающих признаков, так и их частоту появления, стабильность и идентификационную значимость.

Дополнительно исследование дактилоскопических следов может предоставить ценную информацию, выходящую за рамки простой идентификации. Анализ следов, оставленных на месте преступления, позволяет провести реконструкцию механизма совершения противоправного акта, определить последовательность действий субъекта, а также сделать выводы о его профессиональной деятельности на основе морфологических характеристик ладони. Кроме того, по параметрам сгибательных складок и количеству папиллярных линий на единицу длины можно предположить возраст индивида. Аномалии, такие как шрамы или отсутствие отдельных пальцев, могут значительно повысить уникальность и идентификационную ценность следа.

В современной криминалистической практике активно применяются передовые технологии. К ним относятся использование наноразмерных порошков для выявления следов на поверхностях с сложной текстурой, лазерные и светодиодные устройства для индукции флуоресценции следов, а также автоматизированные системы цифровой обработки изображений. Важным достижением является разработка автоматизированных дактилоскопических информационных систем (АДИС), которые обеспечивают быструю сверку следов с данными в базе, что существенно ускоряет процесс идентификации.

Литература:

1. Авраменко О. И. История развития дактилоскопии как метода идентификации личности и ее современное состояние в России / О. И. Авраменко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 11. С. 138–144.
2. Донцова Ю. А. Естественная флуоресценция потожировых следов рук как результат термического воздействия / Ю. А. Донцова // Энциклопедия судебной экспертизы. 2020. № 3 (26). С. 16–21.
3. Егоров Н. Н. Криминалистические аспекты собирания доказательств / Н. Н. Егоров // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 1 (34). С. 116–122.

История развития российского законодательства о защите прав потребителей

Михайлова Александра Михайловна, студент магистратуры
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

Статья посвящена становлению и эволюции законодательства о защите прав потребителей в России и рассматривает его развитие в историческом контексте. Показано, что как самостоятельная отрасль правового регулирования защита прав потребителей оформилась сравнительно поздно — в начале 1990-х годов: в позднесоветский период потребитель не выступал автономным участником рыночных отношений, а защита интересов обеспечивалась преимущественно административным контролем качества и безопасности продукции (стандарты, санитарные и технические требования).

Ключевым этапом стало принятие Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1, закрепившего базовые права потребителей (безопасность, качество, информация, возмещение убытков и компенсация морального вреда) и специальные способы защиты. Далее прослеживаются процессы интеграции потребительских норм с гражданско-правовым регулированием и роль судебной практики в уточнении критерии ответственности и механизмов защиты. Отдельно раскрывается тенденция 2000-х к детализации процедур и усилению стимулирующих санкций, а также адаптация 2010-х к дистанционной торговле и цифровизации.

В современный период акцент смещается на платформенную экономику: вводится регулирование агрегаторов и маркетплейсов, усиливаются требования к достоверности информации, расширяются внесудебные способы урегулирования

и оценивается добросовестность поведения предпринимателя. Делается вывод о поступательном движении от административно-стандартизационной модели к комплексной системе, ориентированной на цифровую торговлю и повышение практической эффективности восстановления нарушенных прав потребителей.

Ключевые слова: защита прав потребителей, институт защиты прав потребителей, потребитель, периоды развития российского законодательства о защите прав потребителей, позднесоветский период, рыночная экономика.

Как самостоятельная отрасль законодательства защита прав потребителей возникла в России сравнительно недавно — в начале 90-х годов. До этого законодательство не выделяло потребителя как самостоятельную категорию рыночных отношений, и регулирование отношений с их участием осуществлялось общими нормами гражданского и иных отраслей законодательства.

В целях исследования исторического контекста можно выделить следующие основные периоды развития российского законодательства о защите прав потребителей.

Предпосылки становления института защиты прав потребителей (конец 1980-х — 1991 гг.). В позднесоветский период защита интересов граждан в сфере потребления не была оформлена как самостоятельный правовой институт. Регулирование строилось преимущественно на административно-правовых механизмах контроля торговли и качества продукции, а также на стандартизации (ГОСТ, ведомственные правила), санитарных и технических требованиях. Потребитель выступал не как автономный участник рыночных отношений, а как адресат государственных гарантий, реализуемых через систему норм о качестве и безопасности продукции и порядок торговли. Отсутствие конкурентной среды, дефицит и плановый характер распределения снижали значимость договорных механизмов и частноправовых способов защиты [8, с. 222].

Формирование базовой законодательной модели (1992 г. — середина 1990-х гг.) Переход к рыночной экономике обусловил необходимость специальной правовой охраны потребителя как более слабой стороны. Опорным нормативным актом стал Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», закрепивший систему ключевых прав: на безопасность, качество, достоверную и полную информацию о товаре (работе, услуге), на возмещение убытков и компенсацию морального вреда.

На данном этапе были введены специальные способы защиты (обмен, замена, ремонт, отказ от договора и др.), определены сроки предъявления требований и базовые принципы ответственности продавца/изготовителя/исполнителя. Одновременно началось формирование административного надзора и судебной практики по новым категориям споров.

В 1988 году была предпринята первая попытка создания специального законодательства. Осенью этого года был разработан Закон СССР «О качестве продукции защиты прав потребителей». В данном законопроекте большая часть посвящена была проблемам обеспечения качества товаров и услуг, а нормы по защите интересов потребителя содержались всего в одном разделе. Проект закона долго обсуждался и в итоге был отвергнут в виду

того, что большую часть положений невозможно было реализовать на практике [8, с. 223].

Тем не менее, сама инициатива стала важным этапом: она показала необходимость выделения прав потребителей в самостоятельный объект правового регулирования и выявила пробелы существующей системы контроля качества. Дальнейшее развитие законодательства происходило уже с учётом этих выводов — постепенно смешался акцент от исключительно производственно-контрольных механизмов к признанию потребителя полноценным участником гражданско-правовых отношений, нуждающимся в специальных гарантиях.

В последующие годы началась подготовка более комплексных нормативных актов, предусматривающих не только требования к качеству, но и порядок предъявления претензий, ответственность изготовителя (продавца, исполнителя), а также механизмы судебной и внесудебной защиты. В итоге именно этот период заложил основу для формирования отдельного направления правового регулирования, связанного с защитой прав потребителей, которое в дальнейшем получило более чёткое оформление в национальном законодательстве.

Систематизация и интеграция с гражданско-правовым регулированием (вторая половина 1990-х — начало 2000-х гг.) Дальнейшее развитие института характеризовалось увязкой потребительских гарантий с общей системой гражданского законодательства, укреплением договорных конструкций и единых подходов к ответственности. Существенное значение приобрела судебная практика, которая вырабатывала критерии существенности недостатков, распределения бремени доказывания, оценки убытков и морального вреда, а также соотношение специальных норм закона о защите прав потребителей с общими положениями обязательственного права. Стабилизация рынка потребовала более четких рамок для участников оборота и предсказуемости правоприменения [8, с. 223].

Классические гаранции впервые получили системное оформление после принятия в 1992 году Закона РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1. Институт защиты прав потребителей, исторически сложившийся вокруг данного правового акта, изначально был ориентирован на традиционную парадигму.

Классические гаранции впервые получили системное оформление после принятия в 1992 году Закона РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1. Институт защиты прав потребителей, исторически сложившийся вокруг данного правового акта, изначально был ориентирован на традиционную парадигму [2].

Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» в своей первоначальной редакции являлся прогрессивным актом, закрепившим базовые права потребителей: на качество, безопасность, информацию, а также на судебную защиту и компенсацию морального вреда. Однако его нормы оказались недостаточно гибкими для регулирования новых форм коммерции [2].

Детализация процедур защиты и усиление стимулирующих санкций (2000-е гг.). В 2000-е годы регулирование развивалось по линии конкретизации обязанностей продавцов и исполнителей и усиления процедурных гарантий потребителей. Уточнялись правила удовлетворения требований при обнаружении недостатков, сроки ремонта/замены, порядок возврата и обмена, а также стандарты информирования. Важным направлением стало применение санкционных механизмов, стимулирующих добровольное исполнение законных требований потребителя (в логике предотвращения затягивания урегулирования и снижения транзакционных издержек обращения в суд). Параллельно усиливалось значение обязательных требований к безопасности продукции и надзорной функции государства [7, с. 154].

Адаптация законодательства к дистанционной торговле и цифровизации потребления (2010-е гг.). Расширение электронной коммерции изменило характер потребительских отношений: массовыми стали дистанционные способы заключения договоров, оплата и доставка, электронные сервисы. Законодательное регулирование и правоисполнение сместили акцент на обеспечение прозрачности условий сделки и полноту информации о товаре и продавце, на пресечение недобросовестных практик (навязывание услуг, скрытые платежи, недостоверная реклама). Усложнение каналов продаж и рост посреднических моделей поставили вопрос о разграничении обязанностей и ответственности между участниками оборота.

Современный этап: платформенная экономика и комплексная модель защиты (конец 2010-х — 2020-е гг.). На современном этапе существенное влияние оказывают маркетплейсы, агрегаторы и экосистемы услуг, а также распространение подписочных моделей и комбинированных продуктов (товар + сервис). Развитие идет в сторону повышения эффективности защиты: стандартизации претензионного взаимодействия, расширения внесудебных способов урегулирования, усиления требований к достоверности и проверяемости информации в онлайн-среде [7, с. 155].

Правоприменение все чаще оценивает не только формальное соблюдение обязанностей, но и добросовестность поведения предпринимателя, включая прозрачность условий и реальную возможность потребителя реализовать свои права без чрезмерных препятствий.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 29.07.2018 № 250-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 31. — Ст. 4839.

Множество поправок в нормативно-правовые акты было направлено на защиту прав потребителей в сфере интернет-торговли [7, с. 157].

Так, Федеральный закон от 29.07.2018 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» ввел понятие «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)», а также установил обязанность владельцев подобных сервисов предоставлять на своих сайтах потребителям информацию о себе и продавце (исполнителе), а также обо всех произошедших в такой информации изменениях [1].

До принятия указанного закона какой-либо специальной ответственности перед потребителями в рамках законодательства о защите прав потребителей фактически не существовало. Это стало важнейшим шагом в деле реализации утвержденной Правительством Российской Федерации в 2017 г. Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года, в которой вопросы защиты прав потребителей в сфере электронной коммерции названы одними из самых приоритетных. Реализация этих приоритетов идет по нескольким четким векторам [3].

22 июля 2025 года депутаты Госдумы в окончательном чтении приняли закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в РФ». Как говорится в пояснении к законопроекту, документ будет регулировать работу маркетплейсов, агрегаторов и других площадок, которые выступают посредниками при совершении сделок и дают возможность оплачивать товары или услуги [5, с. 237].

Таким образом, развитие российского законодательства о защите прав потребителей прошло последовательные этапы: от административно-стандартизационной модели позднесоветского периода — к формированию базового специального закона в начале 1990-х, затем к интеграции с гражданским правом и детализации процедур защиты, и далее — к адаптации норм к цифровой и платформенной экономике. Общий вектор эволюции выражается в усилении информационной прозрачности, расширении ответственности предпринимателей и повышении практической эффективности механизмов восстановления нарушенных прав.

Эволюция законодательства о защите прав потребителей в России движется от **создания базового закона и перечня прав к усложненной системе регулирования**, ориентированной на цифровую торговлю и платформенные бизнес-модели. При неизменной идеи повышенной защиты экономически слабой стороны усиливались: (1) требования к информации и добросовестности, (2) ответственность предпринимателей, (3) процедурные гарантии быстрого восстановления нарушенных прав.

2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1992. 7 апреля.
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 37. — Ст. 55.
4. Бутько, Л. В., Лепешкина О. В., Лепешкин Е. Б. Правовое регулирование защиты прав потребителей: история и перспективы обновления / Л. В. Бутько // Право и государство: теория и практика. — 2023. — №. 7 (223). — С. 219–223.
5. Ворожцова, Е. С. Эволюция прав потребителей от традиционной к цифровой парадигме в Российской Федерации: правовой анализ / Е. С. Ворожцова // Вестник науки. — 2025. — Т. 3. — №. 11 (92). — С. 233–240.
6. Гавришева, Е. В. Правовое регулирование защиты прав потребителей в Российской Федерации на современном этапе / Е. В. Гавришева // Фестиваль права. — 2023. — С. 135–141.
7. Мищенко, О. А. История становления и развития института защиты прав потребителей в России и за рубежом / О. А. Мищенко // Вестник науки. — 2022. — Т. 1. — №. 11 (56). — С. 152–161.
8. Родионова, Я. Н. История развития российского законодательства о защите прав потребителей / Я. Н. Родионова // Академическая публицистика. — 2024. — № 1–2. — С. 221–225.

Проблемы защиты прав потребителей и рекомендации по совершенствованию законодательства

Михайлова Алексия Михайловна, студент магистратуры
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

Статья посвящена анализу состояния и ключевых проблем развития законодательства Российской Федерации о защите прав потребителей в 2021–2025 гг. Отмечается высокая динамика и «точечный» характер реформ Закона РФ «О защите прав потребителей», что, с одной стороны, расширяет гарантии (в том числе в цифровой среде и при борьбе с навязыванием услуг), а с другой — усиливает фрагментарность регулирования, порождает коллизии с нормами Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и Кодекса об административных правоотношений (далее — КоАП РФ) и затрудняет единообразное правоприменение.

Рассматриваются наиболее проблемные блоки: дистанционная торговля и маркетплейсы (неопределенность статуса агрегаторов, разнородная судебная практика, непрозрачность алгоритмов и интерфейсные механизмы навязывания), защита потребителей финансовых услуг (информационная асимметрия, скрытые комиссии, стандартизация договоров, трудности доказывания ненадлежащего информирования), а также процессуальные барьеры (обязательный досудебный порядок, распределение бремени доказывания, снижение превентивного эффекта санкций). Отдельное внимание уделено снижению эффективности государственного контроля при сохранении значительного числа нарушений и недостаточному уровню правовой грамотности потребителей.

В качестве направлений реформ предложены систематизация и кодификация потребительского законодательства (вплоть до Потребительского кодекса), уточнение статуса и ответственности агрегаторов, развитие специальных норм о цифровых и финансовых услугах, совершенствование досудебных процедур и критериев санкций, а также усиление надзора и цифровых сервисов информирования граждан.

Ключевые слова: Закон о защите прав потребителей, дистанционная торговля, неопределенность статуса агрегаторов, ненадлежащее информирование потребителя, скрытые комиссии, цифровизация.

Современный период характеризуется высокой динамикой развития законодательства о защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» неоднократно изменялся, в том числе в части недопустимых условий договора, навязывания дополнительных услуг, а также регулирования цифровой среды и программного обеспечения для технически сложных товаров [3].

В научной литературе отмечается одновременно позитивный характер обновления нормативной базы и ее фраг-

ментарность. П. Ю. Иванов, анализируя состояние ЗоЗПП, подчеркивает, что постоянные точечные поправки приводят к усложнению структуры закона и затрудняют его единообразное применение судами и участниками оборота [8, с. 344].

В. С. Гончаров, оценивая современное состояние законодательства о защите прав потребителей, акцентирует внимание на коллизиях между гражданско-правовым и специальным регулированием, а также на отсутствии единого системообразующего акта в сфере потребительского права [7, с. 17].

Административно-правовой аспект проблемы подробно исследован Я. Е. Яковлевой, которая, опираясь на статистику органов прокуратуры и Роспотребнадзора, фиксирует сокращение числа плановых проверок при сохранении значительного количества нарушений, прежде всего в сфере торговли и жилищно-коммунальных услуг [12, с. 260].

Это свидетельствует о разрыве между формально закреплённым высоким уровнем защиты и фактической эффективностью механизмов его реализации.

Рассмотрим основные проблемы правового регулирования и правоприменения.

1. *Фрагментарность и нестабильность законодательства. С 2021 по 2025 гг. к ЗоЗПП неоднократно вносились изменения, затрагивающие ключевые институты: недопустимые условия договора (ст. 16), маркировку и обращение отдельных категорий товаров, регулирование цифровых продуктов и программного обеспечения.*

Научная доктрина указывает на ряд следствий такой «поточечной» реформы [10, с. 362]:

- отсутствие системной концепции потребительского законодательства;
- усложнение восприятия норм для потребителей малого бизнеса;
- риск возникновения противоречий между ЗоЗПП, ГК РФ, КоАП РФ и специальными законами (о финансовых услугах, цифровых платформах и др.).

Некоторые авторы обоснованно делают вывод о необходимости либо глубокой структурной переработки ЗоЗПП, либо разработки кодифицированного акта (Потребительского кодекса), который бы интегрировал нормы гражданского, административного и финансового права в единую систему защиты потребителя [8, с. 345].

2. *Цифровая среда, дистанционная торговля и агрегаторы информации. Одной из наиболее острых проблем является защита прав потребителей в условиях дистанционной торговли через маркетплейсы и агрегаторы информации о товарах (услугах). Рост объема онлайн- сделок фиксируется как в государственном докладе о защите прав потребителей, так и в региональных обзорах судебной практики.*

Закон о защите прав потребителей содержит специальные положения о владельцах агрегаторов (ст. 9, 12 ЗоЗПП) [3], включая их обязанность доводить до потребителя достоверную информацию о товаре, продавце и условиях договора, а также ответственность за убытки, причиненные предоставлением недостоверной информации. Однако, как отмечает Е. М. Чагина, суды по-разному подходят к квалификации статуса агрегатора и к оценке степени его вмешательства в формирование содержания предложения, что порождает неоднородную практику [11, с. 7].

А. В. Васильева, анализируя дистанционную торговлю через маркетплейсы, указывает на несколько типичных проблем: неопределенность круга лиц, ответственных перед потребителем; сложности доказывания факта заключения договора именно с продавцом, а не с плат-

формой; недостаточную регламентацию алгоритмов ранжирования товаров и механизмов отзывов, влияющих на выбор потребителя [6, с. 141].

Судебная практика, обобщённая в обзорах Верховного Суда РФ, отражает рост числа споров, связанных с дистанционной торговлей, неисполнением обязательств по доставке товаров, возвратом предварительной оплаты при участии агрегаторов и спорностью разграничения ролей «продавца» и «информационного посредника».

При этом нормы ЗоЗПП фактически не регулируют многие новые риски цифровой среды: персонализированную рекламу, использование big data для навязывания товаров, непрозрачные механизмы «по умолчанию» включенных допусктов в интерфейсах приложений и сайтов.

Выявим особенности и проблемы в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг. Особую группу составляют потребители финансовых услуг (банковские продукты, страхование, инвестиционные и иные финансовые инструменты). В обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей, утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 23.10.2024, отдельный раздел посвящён спорам между потребителями и финансовыми организациями [4].

Ключевые проблемы, выявленные высшей судебной инстанцией и научным сообществом, включают:

- включение в договоры сложных для восприятия условий о комиссиях и дополнительных платных услугах, фактически навязываемых потребителям;
- использование стандартных форм договоров без реальной возможности их обсуждения;
- асимметрию информации о рисках финансовых продуктов;
- затруднительность доказывания факта ненадлежащего информирования потребителя.

Указанные недостатки порождают множество споров о взыскании незаконно удержаных комиссий, возврате страховых премий, признании недействительными отдельных условий договоров. Верховный Суд РФ в обзорах 2023 и 2024 гг. акцентирует внимание на необходимости трактовать сомнения в толковании условий договора в пользу потребителя и применять специальные гарантии ЗоЗПП к финансовым услугам в максимально широком объеме.

3. *Досудебный порядок, бремя доказывания и санкции. С введением и развитием обязательных досудебных процедур урегулирования споров (разъясненных, в частности, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18) для потребителей усилились процессуальные барьеры: требуется грамотное оформление претензий, соблюдение сроков, надлежащее доказательство направления обращения продавцу (исполнителю) [5].*

Одновременно сохраняются сложности с распределением бремени доказывания. Несмотря на то что ЗоЗПП формально возлагает ряд обязанностей по доказыванию на продавца (исполнителя), на практике потребитель зачастую вынужден самостоятельно финансировать экспертизу, собирать доказательства, инициировать запросы.

Отдельное направление дискуссии связано с судебными штрафами и компенсацией морального вреда. В Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей от 20.10.2021 Верховный Суд РФ подтвердил право судов снижать размер штрафа по правилам ст. 333 ГК РФ при его явной несоразмерности последствиям нарушения, что в ряде случаев воспринимается доктриной как ослабление превентивной функции санкций.

Обзоры 2023 и 2024 гг. демонстрируют неоднородный подход судов к размеру компенсации морального вреда, часто остающемуся символическим.

4. Эффективность государственного контроля и правовая грамотность потребителей. Государственные доклады о защите прав потребителей и исследования Я. Е. Яковлевой свидетельствуют о снижении числа плановых проверок при сохранении большого количества обращений граждан (значительная часть — по вопросам торговли и услуг) [12, с. 260].

В правоприменительной плоскости это выливается в смещение акцента на гражданско-правовые средства защиты и снижение профилактического воздействия административного контроля.

В доктрине указывается на отсутствие комплексной системы норм, регулирующих контроль и надзор в сфере защиты прав потребителей, а также на недостаточный уровень правовой информированности населения, особенно в части использования цифровых сервисов и финансовых продуктов.

Исходя из обозначенных проблем и анализа судебной практики представляется обоснованным предложить следующие направления реформирования законодательства.

Систематизация и кодификация потребительского законодательства включает в себя [9, с. 395]:

1. Разработка кодифицированного акта (Потребительского кодекса), который:

- интегрирует положения ЗоЗПП, норм ГК РФ о различной купле-продаже и договоре возмездного оказания услуг, специальное регулирование финансовых и цифровых услуг;
- устраняет дублирование и противоречия между отраслевыми законами;
- закрепляет единые дефиниции (потребитель, продавец, исполнитель, владелец агрегатора, потребитель финансовых услуг и др.).

2. Глубокая структурная переработка ЗоЗПП с выделением отдельных разделов, посвящённых [9, с. 395]:

- дистанционной торговле и цифровым услугам;
- финансовым услугам;
- коллективным способом защиты прав потребителей.

Такая систематизация соответствует выводам специалистов о комплексном характере потребительского права и необходимости единобразного подхода к регулированию соответствующих отношений.

Совершенствование регулирования цифровой среды и агрегаторов. С учётом роста роли маркетплейсов и агрегаторов информации предлагается [9, с. 395]:

1. Уточнить статус владельца агрегатора в ЗоЗПП, выделив в законе критерии, при наличии которых агрегатор признаётся не только информационным посредником, но и фактическим участником договора (например, при приёме оплаты от потребителя, формировании условий поиска и ранжирования товаров, использовании собственных программ лояльности).

2. Дополнить ст. 9 и 12 ЗоЗПП нормами о прозрачности алгоритмов, устанавливающими обязанность агрегаторов [3]:

- раскрывать общие принципы ранжирования и рекомендаций товаров;
- информировать потребителя о применении персонализированной рекламы и использовании его данных для формирования предложений.

3. Расширить ответственность агрегаторов за предоставление недостоверной информации о товаре и продавце, установив презумпцию их ответственности при изменении исходной информации, полученной от продавца, либо при сокрытии части сведений (например, об ограничениях гарантии, условиях возврата).

4. Закрепить специальные правила дистанционной торговли в отдельной главе ЗоЗПП, детализировав:

- порядок подтверждения согласия потребителя с условиями договора в электронном виде;
- требования к форме и содержанию «преддоговорной информации» в онлайн-интерфейсах;
- порядок фиксации и хранения электронной переписки и уведомлений для целей доказывания.

Развитие защиты потребителей финансовых услуг. Учитывая выводы Верховного Суда РФ и научной доктрины, целесообразно:

1. Включить в ЗоЗПП отдельную главу о финансовых услугах, которая:

- вводит понятие «потребитель финансовых услуг»;
- закрепляет обязанность финансовой организации предоставлять потребителю стандартизованный документ ключевой информации (процентные ставки, комиссии, риски, последствия просрочки и др.);

– устанавливает запрет на включение в договор условий, затрудняющих отказ потребителя от дополнительных финансовых услуг (навязанное страхование, коллекционные программы и т. п.).

2. Усилить механизм коллективной защиты прав потребителей финансовых услуг посредством расширения процессуальных возможностей общественных объединений потребителей и Банка России по предъявлению исков в интересах неопределенного круга лиц. Это позволит эффективно реагировать на массовые нарушения, выявленные в обзорах судебной практики.

3. Уточнить правила о недобросовестной рекламе и раскрытии информации, запретив использование сложных схем, которые приводят к искажению представления потребителя о реальной стоимости финансовой услуги (скрытые комиссии, «нулевые» ставки, компенсируемые дополнительными платежами).

Процессуальные реформы: досудебный порядок, бремя доказывания и санкции. В целях повышения эффективности судебной защиты и снижения процессуальных барьеров следует:

1. Уточнить законодательное регулирование обязательного досудебного порядка для потребительских споров, закрепив [8, с. 345]:

- стандартную форму претензии, допустимую к использованию гражданином без юридического образования;

- возможность направления претензии через единый государственный цифровой сервис с автоматической фиксацией даты и адресата;

- исключение из обязательного досудебного порядка споров, связанных с причинением вреда жизни и здоровью, а также с малозначительными суммами требований, когда затраты на соблюдение процедуры сопоставимы с суммой иска.

2. Закрепить в процессуальном законодательстве более чёткие правила распределения бремени доказывания по делам о защите прав потребителей, исходя из презумпции слабой стороны договора. В частности, ввести законную презумпцию недобросовестности информации, если продавец (исполнитель, агрегатор) не может документально подтвердить её доведение до потребителя.

3. Нормативно определить критерии снижения штрафа и компенсации морального вреда, предусматривая, что снижение штрафа ниже определенного порога возможно лишь при наличии исключительных обстоятельств, чтобы сохранить превентивный характер санкций. При этом следует ориентироваться на выработанные Верховным Судом РФ подходы, обобщенные в обзорах 2021–2024 гг.

Усиление государственного контроля и повышение правовой грамотности. Исходя из выводов Я. Е. Яковлевой и данных государственных докладов, представляется оправданным:

1. Создать цельный нормативный блок, регулирующий государственный контроль и надзор в сфере защиты прав потребителей, который [8, с. 346]:

- определяет полномочия Роспотребнадзора, органов прокуратуры и иных ведомств;

- устанавливает единые критерии отнесения нарушений к «существенным» и «малозначительным»;

- унифицирует режим административной ответственности для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, как это предлагается в доктрине.

2. Расширить цифровые сервисы Роспотребнадзора, обеспечив:

- подачу жалоб и получение разъяснений в формате «одного окна»;

- открытые реестры недобросовестных продавцов и исполнителей;

- регулярную публикацию аналитики о типичных нарушениях с практико-ориентированными рекомендациями для граждан и бизнеса.

3. Закрепить в законе обязательные государственные программы повышения правовой грамотности потребителей, с особым акцентом на цифровые и финансовые услуги, в том числе через образовательные учреждения и государственные цифровые платформы.

Развитие регулирования навязывания дополнительных товаров (работ, услуг) и цифровых продуктов. Федеральный закон от 07.04.2025 № 69-ФЗ, изменивший ст. 16 ЗоЗПП, установил прямой запрет на навязывание потребителю дополнительных товаров (работ, услуг) и закрепил право потребителя отказаться от оплаты навязанных услуг либо требовать возврата уплаченной суммы [1].

Федеральный закон от 07.07.2025 № 194-ФЗ развил регулирование технически сложных товаров и программного обеспечения, закрепив право потребителя на установку и обновление программ, в том числе через единый магазин приложений, и запреты на ограничение выбора программ и способов оплаты [2].

Учитывая правоприменительную практику и разъяснения, представляется целесообразным:

1. Прямо запретить в ЗоЗПП любые «согласия по умолчанию» (автоматически проставленные галочки, предварительно включенные опции) на дополнительные платные услуги как форму навязывания, с отсылкой к правовой позиции, сложившейся в 2025 г. в связи с введением запрета навязывания.

2. Расширить правовой режим программного обеспечения для технически сложных товаров, установив обязательства изготовителя (продавца) по предоставлению:

- безопасности и стабильности программ в течение всего срока службы товара;

- минимального срока обновлений безопасности;

- ясной информации о последствиях прекращения поддержки программ (включая право потребителя на расторжение договора или снижение цены).

3. Уточнить основания ответственности владельцев агрегаторов при реализации цифровых товаров и приложений, когда они выступают не только информационными посредниками, но и фактическими продавцами (приёма оплаты, управление лицензиями, техническая поддержка), — с отнесением таких отношений к сфере действия ЗоЗПП.

Литература:

1. Федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 15. — Ст. 1795.

2. Федеральный закон от 07.07.2025 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 28. — Ст. 3834.
3. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1992. 7 апреля.
4. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.10.2024) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_488843/ (дата обращения 04.12.2025)
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного регулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388236/ (дата обращения 04.12.2025)
6. Васильева, А. В. Проблема соблюдения прав потребителей в условиях дистанционной торговли через маркетплейсы / А. В. Васильева // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2024. — № 13(1). — С.139–145.
7. Гончаров, В. С. Современное состояние законодательства о защите прав потребителей в Российской Федерации / В. С. Гончаров // Наука через призму времени. — 2022. — № 2(59). — С. 17–19.
8. Иванов, П. Ю. Защита прав потребителей: анализ отдельных проблем законодательства / П. Ю. Иванов // Аграрное и земельное право. — 2024. — №. 4 (232). — С. 344–346.
9. Кизилова, К. А. Особенности механизма защиты прав потребителей при покупке в интернет-магазине / К. А. Кизилова // Проблемы совершенствования российского законодательства: Сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов, Барнаул, 10–12 апреля 2024 года. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. — С. 394–396.
10. Резчиков, В. И. Дефекты (коллизии) института гражданско-правовой защиты (судебная практика) / В. И. Резчиков // Юридическая наука. — 2025. — № 5. — С. 359–365.
11. Чагина, Е. М. Права и обязанности владельца агрегатора информации о товарах и услугах в отношениях с потребителем / Е. М. Чагина // Юридические исследования. — 2025. — №. 1. — С. 1–13.
12. Яковлева, Я. Е. Административно-правовые аспекты защиты прав потребителей в Российской Федерации / Я. Е. Яковлева. // Молодой ученый. — 2024. — № 46 (545). — С. 259–262.

Практика применения мер ответственности за нецелевое использование бюджетных средств

Нашатынская Екатерина Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному анализу правоприменительной практики привлечения к ответственности за нецелевое использование бюджетных средств по статье 15.14 КоАП РФ и статье 285.1 УК РФ. На основе изучения актов органов финансового контроля, включая Счетную палату и Федеральное казначейство, а также решений арбитражных судов и Верховного Суда РФ, выявляются типичные составы данного нарушения, такие как расходование субсидий не по целевому назначению, оплата невыполненных работ и осуществление расходов без оправдательных документов. Особое внимание уделяется проблемам разграничения административной и уголовной ответственности, доказывания умысла, а также наличию в практике не урегулированного законом понятия «неправомерное использование бюджетных средств», что создает правовую неопределенность. В результате исследования обосновывается необходимость законодательного закрепления и четкого разграничения понятий «нецелевое», «неэффективное» и «неправомерное» использование средств в Бюджетном кодексе РФ, а также формулируются конкретные предложения по совершенствованию правового регулирования и судебной практики для обеспечения единобразия правоприменения и укрепления бюджетной дисциплины.

Ключевые слова: нецелевое использование бюджетных средств, административная ответственность, уголовная ответственность, статья 15.14 КоАП РФ, статья 285.1 УК РФ, правоприменительная практика, бюджетное нарушение, неправомерное использование бюджетных средств, судебная практика, Счетная палата, Федеральное казначейство, правовое регулирование.

Practice of applying responsibility measures for misuse of budget funds

Nashatynskaya Ekaterina Aleksandrovna, master's student
Scientific advisor: Satskevich Tatiana Konstantinovna, phd in law, associate professor
Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to a comprehensive analysis of the law enforcement practice of bringing to justice for the misuse of budget funds under Article 15.14 of the Administrative Code of the Russian Federation and Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the study of acts of financial control bodies, including the Accounts Chamber and the Federal Treasury, as well as decisions of arbitration courts and the Supreme Court of the Russian Federation, typical compositions of this violation are identified, such as the use of subsidies for the wrong purpose, payment for unperformed work, and the implementation of expenses without justification documents. Special attention is paid to the problems of delineating administrative and criminal liability, proving intent, and the existence of the concept of «misuse of budget funds» in practice, which is not regulated by law and creates legal uncertainty. As a result of the study, the need for legislative consolidation and clear delineation of the concepts of «misuse», «inefficiency», and «misuse of funds» in the Budget is substantiated.

Keywords: misuse of budget funds, administrative responsibility, criminal liability, Article 15.14 of the Administrative Code of the Russian Federation, Article 285.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, enforcement practice, budget violation, judicial practice, Accounting Chamber, Federal Treasury, legal regulation.

Проблема нецелевого использования бюджетных средств сохраняет высокую актуальность в современной российской правовой и финансовой системе, поскольку прямо затрагивает базовые принципы эффективности, прозрачности и законности функционирования публичных финансов. Бюджетные средства, являясь финансовой основой реализации государственных и муниципальных функций, социальных обязательств и экономических программ, требуют особого режима управления и строгого контроля за их расходованием [1, с.8]. Нецелевое использование таких средств не только приводит к прямым финансовым потерям для государства, подрывая реализацию запланированных мероприятий, но и наносит ущерб принципам бюджетной дисциплины, способствует распространению коррупционных практик и снижает доверие общества к институтам публичной власти. В условиях постоянного совершенствования бюджетного законодательства и ужесточения требований к финансовой ответственности должностных лиц и организаций, получающих государственное финансирование, анализ правоприменимительной практики становится ключевым инструментом для оценки эффективности существующих правовых механизмов.

Особую значимость данному вопросу придает сложная, двухуровневая структура ответственности — административная и уголовная, границы между которыми определяются исключительно размером причиненного ущерба, что порождает на практике ряд дискуссионных моментов, связанных

с квалификацией деяний, оценкой размера ущерба и соответствием применяемых санкций характеру нарушения. Кроме того, как показывает анализ правоприменимительной деятельности органов финансового контроля и судебных решений, наряду с законодательно закрепленным понятием «нечелевое использование» активно используется более широкий и нормативно не опреде-

ленный термин «неправомерное использование бюджетных средств». Такая терминологическая нечеткость создает риски избыточного усмотрения контролирующих органов и правовой неопределенности для участников бюджетного процесса, что, в свою очередь, может приводить к неоднородности судебной практики и сложностям в защите прав. Исследование реальной практики привлечения к ответственности по статьям 15.14 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — статья 15.14 КоАП РФ) и 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — 285.1 УК РФ), выявление типичных составов нарушений, анализ аргументации контрольных и судебных органов, а также оценка соответствия применяемых мер целям восстановления нарушенных правоотношений и превенции новых нарушений, являются насущной научно-практической задачей. Результаты такого анализа могут способствовать выявлению системных проблем правового регулирования и правоприменения, формированию предложений по совершенствованию законодательства и обеспечению единства в практике его применения, что в конечном итоге направлено на повышение эффективности управления государственными финансами [2, с.6].

Анализ практики применения мер ответственности за нецелевое использование бюджетных средств требует комплексного рассмотрения нормативной базы, включающей как материальные, так и процессуальные нормы, а также решений органов контроля и судебных инстанций, которые формируют фактический правоприменимительный контекст. Законодательная основа ответственности за данное нарушение представлена, прежде всего, двумя ключевыми актами: статьей 15.14 КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность, и статьей 285.1 УК РФ, предусматривающей уголовное наказание за совершение аналогичного деяния в крупном и особо крупном размере. Критерием разграничения служит сумма неце-

левых расходов: административная ответственность наступает при любой сумме нарушения, в то время как уголовная — только если она превышает 1,5 миллиона рублей (крупный размер), а при сумме свыше 7,5 миллионов рублей (особо крупный размер) или совершении деяния группой лиц по предварительному сговору санкции ужесточаются. Такая двухуровневая конструкция, казалось бы, обеспечивает дифференцированный подход в зависимости от тяжести последствий. Однако на практике пороговые значения, особенно в условиях инфляции и роста объемов бюджетных ассигнований, требуют постоянного осмысливания на предмет своей адекватности.

Административная ответственность по статье 15.14 КоАП РФ предусматривает для должностных лиц наложение штрафа в размере от 20 до 50 тысяч рублей или дисквалификацию на срок от одного года до трех лет.

Для юридических лиц санкция носит исключительно имущественный характер и составляет от 5 % до 25 % от суммы нецелевого использованных средств. Анализ практики контролирующих органов, таких как Федеральное казначейство, Счетная палата и органы государственного финансового контроля субъектов Российской Федерации, а также решений судов по делам об административных правонарушениях, позволяет выявить типичные составы нецелевого использования. Как следует из материалов правоприменения, к ним, в частности, относятся: расходование субсидий, предоставленных на выполнение государственного задания, на цели, не связанные с этим заданием (что было отмечено, например, в Представлении Счетной палаты РФ от 30 сентября 2016 г. № ПР 09–230/09–02); оплата фактически невыполненных работ или неоказанных услуг (Представление Счетной палаты РФ от 17 декабря 2015 г. № ПР 09–264/09–04); использование средств, подлежащих возврату в доход бюджета, на покрытие текущих расходов учреждения (Представление Счетной палаты РФ от 29 декабря 2014 г. № ПР 14–370/14–03). Судебная практика также дополняет этот перечень такими нарушениями, как осуществление расходов без надлежащих оправдательных документов, что было квалифицировано как нецелевое использование в Определении Верховного Суда РФ от 12 апреля 2017 г. № 302-КГ17-169 по делу № А69–19/2016. Переплата заработной платы сверх установленных нормативов или фонда оплаты труда также признается одним из видов нецелевого расходования [3, с.31].

Применение административных санкций на практике сопряжено с рядом проблем. Во-первых, выбор между штрафом и дисквалификацией для должностного лица часто зависит не только от обстоятельств дела, но и от усмотрения суда или контролирующего органа, что может приводить к неравенству в привлечении к ответственности за схожие нарушения.

Во-вторых, расчет штрафа для юридического лица в процентах от суммы нарушения, хотя и является соизмерным, в случае крупных сумм может привести к штрафам, ставящим под угрозу финансовую устойчи-

вость учреждения, особенно бюджетного, что вступает в противоречие с принципом восстановления нарушенного права. В-третьих, значительный объем правоприменимой практики формируется в досудебном порядке, путем вынесения контролирующими органами предписаний об устранении нарушений и добровольном возврате средств в бюджет, это указывает на превентивную и восстановительную направленность административно-правового механизма, однако эффективность таких мер напрямую зависит от качества последующего контроля за исполнением предписаний [4, с.125].

Уголовная ответственность по статье 285.1 УК РФ представляет собой качественно иной уровень правового воздействия. Состав преступления формальный, то есть для привлечения к ответственности достаточно самого факта нецелевого расходования средств в крупном размере (свыше 1,5 млн руб.), независимо от наступления иных вредных последствий. Санкции статьи дифференцированы: за использование средств в крупном размере предусмотрен штраф от 100 до 300 тысяч рублей или в размере заработка платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо лишение права занимать определенные должности, либо принудительные работы, либо арест, либо лишение свободы. За деяние в особо крупном размере (свыше 7,5 млн руб.) или совершенное группой лиц по предварительному сговору санкции ужесточаются. Правоприменительная практика по данной статье, отражаемая в обзорах Генеральной прокуратуры и судебных решениях, демонстрирует ее активное использование, например, в Информационном письме Генеральной прокуратуры РФ от 15 июля 2022 г. № 42–19–2022, посвященном практике привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные с ликвидацией природных пожаров, прямо указывается, что должностные лица привлекались, в том числе, за неправомерное расходование бюджетных средств по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ) и халатность (ст. 293 УК РФ). Это указывает на частое сочетание статьи 285.1 УК РФ с другими составами, когда нецелевое использование является способом совершения иного преступления или следствием халатных действий.

Основной проблемой уголовно-правовой практики является доказывание субъективной стороны — прямого умысла на нецелевое использование. Нередко в суде защита настаивает на том, что средства были израсходованы по ошибке, в силу неверного толкования нормативных актов или в условиях дефицита времени при решении срочных задач (например, при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций). Суды в таких случаях тщательно анализируют документы, регламентирующие цели финансирования, распорядительные акты должностного лица и фактические направления расходов. Еще одной сложностью является квалификация действий группы лиц, особенно в рамках сложных фи-

нансовых схем, когда бюджетные средства через цепочку контрактов и субподрядчиков в конечном итоге используются не по назначению. Установление предварительногоговора между руководителями учреждения, грантополучателями и контрагентами требует от следствия серьезной аналитической работы [1, с.10].

Особый интерес в контексте темы представляет феномен параллельного использования в практике контролирующих органов и судов термина «неправомерное использование бюджетных средств», который, как отмечается в аналитическом материале, не имеет легального закрепления в Бюджетном кодексе РФ. Это понятие используется как обобщающая, рамочная категория для обозначения широкого спектра нарушений бюджетного законодательства, не подпадающих под строгие признаки нецелевого или неэффективного использования. Так, в Классификаторе нарушений Федерального казначейства неправомерное использование определяется через нарушение множества норм Бюджетного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ, Закона о контрактной системе и других актов, за исключением собственно нецелевого использования.

Это создает ситуацию, когда одно и то же деяние может быть одновременно квалифицировано как конкретное нарушение (например, правил ведения бухгалтерского учета) и подведено под общую рубрику «неправомерного использования». Подобная квалификация активно применяется в актах органов контроля, что подтверждается, в частности, судебной практикой: в Постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда от 30 января 2020 г. по делу № А74-20852/2018 и Постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 13 апреля 2022 г. № 01АП-1005/2022 по делу № А43-7875/2021 суды, рассматривая споры о законности предписаний контрольных органов, апеллировали к разъяснениям Минфина России (Письмо от 25 апреля 2017 г. № 02-09-08/24851), раскрывающим содержание «неправомерного использования», несмотря на то, что само министерство указывает на неофициальный статус таких разъяснений.

Такая практика свидетельствует о наличии серьезного правового пробела. С одной стороны, органам контроля необходим рабочий инструмент для реагирования на нарушения, которые причиняют ущерб бюджету, но не подпадают под «классические» составы. С другой стороны, отсутствие законодательного определения порождает правовую неопределенность для участников бюджетного процесса, расширяет поле для дискреционных решений контролеров и может приводить к оспариванию предписаний в суде. Как справедливо отмечается в литературе, отсутствие легального определения деяния, которое можно классифицировать как нарушение, проблематизирует применение мер взыскания. Систематизация и четкое нормативное закрепление составов бюджетных нарушений, включая соотношение понятий «нецелевое», «неэффективное» и «неправомерное» использование, является насущной задачей законодателя. В качестве пер-

спективного направления рассматривается предложение о закреплении в Бюджетном кодексе РФ одного из принципов бюджетной системы «правомерного использования бюджетных средств», что создало бы положительную нормативную основу для выстраивания всей системы контроля и ответственности [2, с.8].

Анализ практики применения мер ответственности за нецелевое использование бюджетных средств позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, существующий двухуровневый механизм (административный и уголовный) в целом функционирует и широко применяется, о чем свидетельствует значительный массив актов контролирующих органов и судебных решений. Во-вторых, в правоприменительной деятельности накоплен богатый опыт по квалификации типичных составов данного нарушения, таких как расходование средств не в соответствии с условиями предоставления субсидий, оплата невыполненных работ и расходы без оправдательных документов. В-третьих, практика выявила и ряд системных проблем: пороговые значения уголовной ответственности требуют периодического пересмотра; выбор конкретной административной санкции (штраф или дисквалификация) нуждается в большей формализации критериев; существует сложность доказывания умысла в уголовных делах.

В-четвертых, наиболее дискуссионным моментом остается существование на практике параллельного, не урегулированного законом понятия «неправомерное использование бюджетных средств», которое, с одной стороны, выполняет важную функцию заполнения правовых лакун, а с другой — создает риски произвольного применения. Совершенствование практики в данной сфере видится в последовательной законодательной работе по кодификации и разграничению всех видов бюджетных нарушений, повышении уровня формализации критериев привлечения к ответственности и дальнейшем обобщении судебной практики для обеспечения ее единобразия. Это будет способствовать не только укреплению бюджетной дисциплины, но и созданию более предсказуемых и справедливых условий для деятельности всех получателей бюджетных средств [3, с.35].

Проведенный анализ практики применения мер ответственности за нецелевое использование бюджетных средств позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию правового регулирования. Установлено, что действующий двухуровневый механизм ответственности (административная по ст. 15.14 КоАП РФ и уголовная по ст. 285.1 УК РФ) является востребованным и активно применяется контролирующими и судебными органами. Правоприменительная практика сформировала устойчивый перечень типичных составов данного нарушения, включая расходование средств не в соответствии с целями субсидии, оплату неоказанных услуг и совершение расходов без надлежащего документального оформления. Однако исследование выявило ряд системных проблем: пороговые значения для

уголовной ответственности (крупный и особо крупный размер) требуют периодической актуализации с учетом инфляции и объемов бюджетных ассигнований; выбор конкретной меры административного наказания (штраф или дисквалификация) зачастую недостаточно формализован и зависит от судебного усмотрения; доказывание прямого умысла в уголовных делах сопряжено со значительными сложностями.

Наиболее существенной проблемой, препятствующей единобразию правоприменения, является параллельное использование в практике контролирующих органов и судов легально не закрепленного понятия «неправомерное использование бюджетных средств». Данный термин, выполняющий функцию обобщающей категории для широкого круга нарушений, не являющихся строго нецелевыми, создает правовую неопределенность, расширяет дискреционные полномочия контролеров и ведет к росту судебных споров, о чем свидетельствуют, в частности, решения арбитражных судов, апеллирующих к неофициальным разъяснениям Минфина России.

В целях повышения эффективности механизма ответственности и обеспечения правовой определенности для участников бюджетного процесса представляется необходимым следующее. Во-первых, инициировать внесение изменений в Бюджетный кодекс РФ с целью законодательного закрепления и четкого разграничения понятий

«нецелевое», «неэффективное» и «неправомерное» использование бюджетных средств, что ликвидирует существующий пробел и создаст единую терминологическую основу.

Во-вторых, рассмотреть вопрос о закреплении в Бюджетном кодексе РФ в качестве одного из принципов бюджетной системы требования о правомерном использовании бюджетных средств, что задаст позитивный нормативный ориентир. В-третьих, рекомендовать Верховному Суду РФ подготовить и утвердить обзор судебной практики по делам о привлечении к ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, уделив особое внимание критериям разграничения административного и уголовного составов, оценке размера ущерба и квалификации действий группы лиц.

В-четвертых, для повышения предсказуемости административных наказаний целесообразно разработать и внедрить методические рекомендации по выбору вида наказания (штраф или дисквалификация) с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств, аналогичных тем, что применяются в уголовном праве. Реализация данных предложений будет способствовать укреплению бюджетной дисциплины, минимизации рисков произвольного применения мер принуждения и формированию более сбалансированной и справедливой системы публично-правовой ответственности.

Литература:

1. Абсолятов Р. Г., Денисова А. А. Оплата фактически не выполненных работ: вопросы квалификации нарушений органами внутреннего государственного финансового контроля // Финансовое право. 2023. № 8. С. 8–11.
2. Исмаилов М. Ч. Неправомерное использование бюджетных средств: анализ практики и проблемы совершенствования правового регулирования // Финансовое право. 2023. № 1. С. 6–8.
3. Керимов А. Х. Ответственность в сфере формирования и расходования средств резервных фондов субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 9. С. 30–38.
4. Финансовое право (право публичных финансов): доктрина, законодательство, судебная практика, сравнительно-правовой анализ: учебник / Д. В. Винницкий, Е. А. Захаров, М. И. Зимулькин и др.; под науч. ред. Д. В. Винницкого. Институт права БРИКС. М.: Юстицинформ, 2023. Т. I. 676 с.

Наследование по закону и по завещанию: проблемы правоприменительной практики

Николаев Кирилл Владимирович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена комплексному исследованию института наследования в российском гражданском праве через призму анализа законодательства, научной доктрины и правоприменительной практики за период 2021–2025 гг. Рассматриваются теоретические основы и практические проблемы наследования по закону и по завещанию, анализируются позиции Верховного Суда РФ по спорным вопросам определения круга наследников, фактического принятия наследства, признания завещаний действительными, исчисления обязательной доли. Исследуются дискуссионные вопросы очередности призыва наследников, правового режима выморочного имущества, процессуальных особенностей рассмотрения наследственных споров. Формулируются предложения по совершенствованию законодательного регулирования и правоприменительной практики.

Ключевые слова: наследственное право, наследование по закону, наследование по завещанию, очередность наследников, право представления, обязательная доля, фактическое принятие наследства, судебная практика Верховного Суда РФ.

Введение

Институт наследования представляет собой один из фундаментальных элементов гражданского-правового регулирования, призванный обеспечить переход имущественных прав и обязанностей от умершего лица к его правопреемникам. Конституция Российской Федерации в части 4 статьи 35 гарантирует право наследования, что подчеркивает публично-правовое значение данного института [1]. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) в разделе V части третьей устанавливает два основания наследования: по завещанию и по закону [3]. При этом законодатель исходит из приоритета завещания как волеизъявления наследодателя.

Статистические данные судебной практики свидетельствуют о том, что споры, связанные с наследованием, занимают существенное место в общем массиве гражданских дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции. По различным оценкам исследователей, ежегодно суды разрешают десятки тысяч наследственных споров [8, с. 32]. Данное обстоятельство актуализирует необходимость научного осмыслиения проблем правоприменительной практики и выработки механизмов их разрешения.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» остается базовым актом судебного толкования норм наследственного права [15]. Вместе с тем за последние пять лет судебная практика Верховного Суда РФ выработала ряд новых подходов к разрешению наследственных споров, что требует научного анализа и систематизации.

Наследование представляет собой переход имущества, прав и обязанностей умершего лица к другим лицам в порядке универсального правопреемства. М. Ю. Барщевский подчеркивает, что универсальность наследственного правопреемства означает переход к наследникам всего комплекса имущественных прав и обязанностей наследодателя как единого целого, в один и тот же момент [10, с. 192].

Статья 1111 ГК РФ устанавливает, что наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону [3]. Законодатель закрепляет субсидиарный характер наследования по закону: оно имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием или наследственным договором.

Принципы наследственного права, выделяемые в научной литературе, включают принцип универсальности наследственного правопреемства, принцип свободы завещания, принцип охраны основ правопорядка и нравственности, интересов наследодателя, наследников, иных физических и юридических лиц в отношениях по насле-

дованию, принцип учета действительной воли наследодателя.

Представляется целесообразным рассмотреть каждое из оснований наследования с позиции современного правового регулирования и правоприменительной практики.

Наследование по закону: круг наследников и очередь призыва

Наследование по закону основывается на презумпции о наиболее вероятной воле наследодателя относительно распределения его имущества среди близких родственников. Как справедливо отмечает А. М. Байзигитова, законодатель при определении круга наследников по закону стремится восполнить отсутствующую волю наследодателя, предполагая, что имущество должно остаться в семье [9, с. 19].

Действующий ГК РФ предусматривает восемь очередей наследников по закону (статьи 1142–1145, 1148, 1151 ГК РФ) [3]. Наследники первой очереди — дети, супруг и родители наследодателя (статья 1142 ГК РФ). Наследники второй очереди — полнородные и неполнородные братья и сестры наследодателя, его дедушка и бабушка как со стороны отца, так и со стороны матери (статья 1143 ГК РФ). Наследники третьей очереди — полнородные и неполнородные братья и сестры родителей наследодателя (дяди и тети наследодателя) (статья 1144 ГК РФ).

Расширение круга наследников по закону до восьми очередей вызывает неоднозначную оценку в научной литературе. С одной стороны, большинство юристов поддерживают законодателя, аргументируя свою позицию тем, что имущество наследодателя останется в семье, а не перейдет государству в качестве выморочного имущества. С другой стороны, высказываются мнения о необходимости ограничения числа наследников по закону третьей или четвертой степенью родства.

А. С. Михайлова предлагает ограничить круг наследников по закону четвертой очередью, указывая на то, что при территориальной раздробленности и отсутствии хозяйственных и социальных связей реализация прав возможных наследников более дальних очередей затруднена [13, с. 24].

На наш взгляд, действующее законодательное решение о восьми очередях наследников по закону является обоснованным и соответствует современным реалиям российского общества. Во-первых, расширение круга наследников минимизирует случаи перехода имущества к государству в качестве выморочного, что соответствует конституционному принципу защиты частной собственности. Во-вторых, современные технологии и информационные системы (в частности, Единая информационная

система нотариата) позволяют эффективно осуществлять розыск наследников вне зависимости от их территориального нахождения.

Институт наследования по праву представления регулируется статьей 1146 ГК РФ и представляет собой переход доли наследника, умершего до открытия наследства, к его потомкам [3]. А. П. Горелик подчеркивает, что наследование по праву представления отличается от наследственной трансмиссии тем, что последняя распространяется не только на наследование по закону, но и на наследование по завещанию, а также возникает в связи со смертью наследника, произошедшей после открытия наследства [11, с. 86].

Гражданский кодекс РФ определяет три категории наследников по праву представления. Первая категория — внуки наследодателя и их потомки (пункт 2 статьи 1142 ГК РФ), наследующие по праву представления вместо детей наследодателя. Вторая категория — племянники и племянницы наследодателя (пункт 2 статьи 1143 ГК РФ), призываемые к наследованию вместо братьев и сестер наследодателя. Третья категория — двоюродные братья и сестры наследодателя (пункт 2 статьи 1144 ГК РФ), наследующие вместо дядей и тетей наследодателя [3].

Необходимо обратить внимание на то, что наследники по праву представления не получают равную долю с наследниками призывающей очереди. Они наследуют только ту долю, которая причиталась бы им умершему предку, и делят ее между собой поровну. Как справедливо отмечает Ю. Г. Кропачева, наследование по праву представления может оказаться менее выгодным для наследника, если он имеет право на обязательную долю в наследстве [12, с. 107].

Пункт 2 статьи 1146 ГК РФ устанавливает исключения из права представления. Во-первых, не наследуют по праву представления потомки наследника по закону, лишенного наследодателем наследства (пункт 1 статьи 1119 ГК РФ). Во-вторых, не наследуют по праву представления потомки наследника, который не имел бы права наследовать в соответствии с пунктом 1 статьи 1117 ГК РФ как недостойный наследник [3].

По нашему мнению, законодательное регулирование института наследования по праву представления в целом является сбалансированным. Вместе с тем следует согласиться с высказанной в литературе позицией о необходимости более детального урегулирования вопросов о том, наследуют ли по праву представления потомки наследника, который отстранен от наследования судом по основаниям пункта 2 статьи 1117 ГК РФ (злостное уклонение от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя).

Завещание представляет собой одностороннюю сделку, которая создает права и обязанности после открытия наследства (статья 1118 ГК РФ) [3]. Принцип свободы завещания, закрепленный в статье 1119 ГК РФ, означает, что завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли

наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения.

Статья 1131 ГК РФ устанавливает, что при нарушении положений ГК РФ, влекущих за собой недействительность завещания, в зависимости от основания недействительности завещание является недействительным в силу признания его таковым судом (оспоримое завещание) или независимо от такого признания (ничтожное завещание) [3].

Пункт 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9 разъясняет, что завещание может быть признано недействительным по решению суда, в частности, в случаях: несоответствия лица, привлеченного в качестве свидетеля, требованиям, установленным пунктом 2 статьи 1124 ГК РФ; присутствия при составлении, подписании, удостоверении завещания лица, в пользу которого составлено завещание, супруга такого лица, его детей и родителей (пункт 2 статьи 1124 ГК РФ); в иных случаях, если судом установлено наличие нарушений порядка составления, подписания или удостоверения завещания [15].

Анализ судебной практики за 2021–2025 гг. показывает, что одним из распространенных оснований для признания завещания недействительным остается довод о том, что завещатель на момент составления завещания не был способен понимать значение своих действий и руководить ими (статья 177 ГК РФ). Для установления данного обстоятельства судами назначается посмертная судебно-психиатрическая экспертиза.

Определение Верховного Суда РФ от 30 января 2024 г. № 5-КГ23-139-К2 демонстрирует подход к признанию действительным завещания, составленного в соответствии с иностранным правом [16]. По данному делу наследодатель, постоянно проживавший в Княжестве Монако, составил завещание в простой письменной форме. Суд, руководствуясь статьями 1191 и 1224 ГК РФ, признал завещание действительным, установив, что оно соответствует требованиям законодательства Монако, где завещатель имел место жительства в момент его составления.

Данное решение заслуживает поддержки, поскольку оно соответствует коллизионным нормам российского права и направлено на защиту последней воли наследодателя. Вместе с тем представляется необходимым отметить, что применение норм иностранного права в наследственных отношениях требует от судов тщательного установления содержания этих норм, для чего необходимо привлечение специалистов в области иностранного права.

Институт обязательной доли в наследстве (статья 1149 ГК РФ) представляет собой ограничение принципа свободы завещания и направлен на защиту интересов социально уязвимых категорий наследников [3]. Право на обязательную долю в наследстве имеют несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследодателя. Обязательная доля составляет

не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из указанных лиц при наследовании по закону.

Пункт 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9 разъясняет, что при определении размера обязательной доли в наследстве следует исходить из стоимости всего наследственного имущества (как в завещанной, так и в незавещанной части), включая предметы обычной домашней обстановки и обихода, и принимать во внимание всех наследников по закону, которые были бы призваны к наследованию данного имущества [15].

Судебная практика 2021–2025 гг. демонстрирует, что суды апелляционной инстанции при определении размера обязательной доли учитывают всех потенциальных наследников по закону, включая наследников по праву представления. При этом возникают затруднения в ситуациях, когда наследственное имущество открылось до вступления в силу части третьей ГК РФ (до 1 марта 2002 г.), поскольку в таких случаях применяются нормы ГК РСФСР о размере обязательной доли (не менее двух третей доли, которая причиталась бы при наследовании по закону).

Пункт 4 статьи 1149 ГК РФ предоставляет суду право с учетом имущественного положения наследников, имеющих право на обязательную долю, уменьшить размер обязательной доли или отказать в ее присуждении [3]. Как отмечалось в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ, ранее суды редко применяли данное правомочие.

Определение Верховного Суда РФ № 5-КГ19-181, применяемое в практике 2021–2023 гг., сформировало подход к уменьшению размера обязательной доли [19]. Суд указал, что в ряде случаев с учетом имущественного положения наследников суды могут уменьшить размер обязательной доли или отказать в ее присуждении. Например, если осуществление права на обязательную долю повлечет невозможность передать наследнику по завещанию имущество, которым наследник, имеющий право на обязательную долю, при жизни наследодателя не пользовался, а наследник по завещанию пользовался для проживания или использовал в качестве основного источника получения средств к существованию.

На наш взгляд, данная правовая позиция является обоснованной и направлена на достижение баланса интересов различных категорий наследников. Право на обязательную долю не должно рассматриваться как абсолютное и не подлежащее ограничению. Суд обязан в каждом конкретном деле оценивать имущественное положение как обязательных наследников, так и наследников по завещанию, а также характер использования наследственного имущества при жизни наследодателя.

Вместе с тем представляется целесообразным внести в статью 1149 ГК РФ изменения, детализирующие критерии, которыми должен руководствоваться суд при решении вопроса об уменьшении обязательной доли. К таким критериям могут быть отнесены: соотношение размера обязательной доли и стоимости имущества, использовавшегося наследником по завещанию для прожи-

вания или в качестве источника дохода; наличие у обязательного наследника иного имущества, достаточного для удовлетворения его жизненных потребностей; степень нуждаемости обязательного наследника в получении наследственного имущества.

Статья 1152 ГК РФ устанавливает, что для приобретения наследства наследник должен его принять [3]. Принятие наследства осуществляется подачей заявления нотариусу по месту открытия наследства либо совершением действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства (статья 1153 ГК РФ).

Пункт 2 статьи 1153 ГК РФ содержит примерный перечень действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства: вступление во владение или в управление наследственным имуществом; принятие мер по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц; произведение за свой счет расходов на содержание наследственного имущества; оплата за свой счет долгов наследодателя или получение от третьих лиц причитавшихся наследодателю денежных средств [3].

Определение Верховного Суда РФ от 26 ноября 2024 г. № 18-КГ24-284-К4 рассмотрело спор о признании права собственности на земельный участок в порядке наследования [17]. Истица после смерти отца оплачивала членские взносы в садоводческое товарищество, обрабатывала земельный участок, осуществляла улучшения. В подтверждение фактического принятия наследства были представлены акты выполненных работ, квитанции об оплате, договоры подряда за период с 1998 по 2022 год.

Верховный Суд РФ указал, что суды нижестоящих инстанций необоснованно отказали в иске, не учтя совокупность представленных истицей доказательств фактического принятия наследства. Дело было направлено на новое рассмотрение.

Данное решение формирует важный подход к оценке доказательств фактического принятия наследства: суды должны учитывать всю совокупность представленных доказательств, свидетельствующих о действиях наследника по владению, пользованию и распоряжению наследственным имуществом, а не ограничиваться формальной оценкой отдельных документов.

Представляется, что критерием фактического принятия наследства должно выступать совершение наследником действий, которые объективно свидетельствуют об отношении к наследственному имуществу как к собственному. При этом не имеет решающего значения, совершились ли эти действия в пределах шестимесячного срока со дня открытия наследства или за его пределами, поскольку фактическое принятие наследства может продолжаться и после истечения установленного срока.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 августа 2023 г. № 89-КГ23-12-К7 рассмотрело вопрос о соотношении особого и искового производства при установлении факта принятия наследства [18]. Истица обратилась в суд в порядке особого

производства с заявлением об установлении факта принятия наследства.

Верховный Суд РФ разъяснил, что в соответствии с пунктом 36 Постановления Пленума ВС РФ № 9, при отсутствии у наследника возможности представить документы, содержащие сведения об обстоятельствах, на которые он ссылается как на обоснование своих требований, судом может быть установлен факт принятия наследства, а при наличии спора соответствующие требования рассматриваются в порядке искового производства [15].

Согласно статье 263 ГПК РФ, в случае если при подаче заявления или рассмотрении дела в порядке особого производства устанавливается наличие спора о праве, суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения, в котором разъясняет заявителю и другим заинтересованным лицам их право разрешить спор в порядке искового производства [2].

Анализ данного дела позволяет сделать вывод о необходимости тщательного определения судами характера правоотношений и наличия или отсутствия спора о праве на стадии принятия заявления к производству. Неправильный выбор вида судопроизводства влечет затягивание разрешения спора и нарушение прав заинтересованных лиц.

По нашему мнению, критерием разграничения подведомственности дел об установлении факта принятия наследства между особым и исковым производством должно выступать наличие спора о субъективном праве. Если наследник обращается в суд исключительно для подтверждения юридического факта принятия наследства при отсутствии претензий со стороны других лиц, такое дело подлежит рассмотрению в порядке особого производства. Если же имеются другие наследники, оспаривающие факт принятия наследства заявителем, или возникает спор о правах на конкретное имущество, дело подлежит рассмотрению в искомом порядке.

Определение Верховного Суда РФ от 22 марта 2022 г. № 43-КГ21-7-К6, вошедшее в Обзор судебной практики № 1 (2023), рассмотрело вопрос о наследовании прав по договору о предоставлении права на присвоение выпускаемой продукции имени М. Т. Калашникова [20].

Верховный Суд РФ, руководствуясь пунктом 15 Постановления Пленума ВС РФ № 9, указал, что имущественные права и обязанности не входят в состав наследства, если они неразрывно связаны с личностью наследодателя, а также если их переход в порядке наследования не допускается ГК РФ или другими федеральными законами (статья 418, часть вторая статьи 1112 ГК РФ) [15].

Суд отметил, что право на имя принадлежит конкретному лицу в период его жизни, неотчуждаемо и непередаваемо, в том числе в порядке наследования. Вместе с тем гражданин может заключить соглашение об использовании своего имени за плату другими лицами в их творческой или экономической деятельности. При этом из положений закона не следует, что право на использование

имени прекращается со смертью лица, которому оно принадлежит, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

Поскольку договором Калашникову М. Т. предоставлено право на получение вознаграждения за использование его имени, указанное право носит имущественный характер и может быть передано в том числе по договору уступки требования.

По нашему мнению, данная правовая позиция является обоснованной и последовательно проводит разграничение между личными неимущественными правами (право на имя как таковое) и имущественными правами на получение вознаграждения за использование имени. Последние, как имеющие экономическое содержание и не связанные неразрывно с личностью, могут переходить к наследникам и отчуждаться по договору.

Представляется целесообразным дополнить статью 1112 ГК РФ положением, прямо указывающим на то, что в состав наследства входят имущественные права на получение вознаграждения за использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, а также права на получение вознаграждения за использование изображения и имени гражданина, если такие права были представлены наследодателем другим лицам при жизни на основании договора.

Статья 1175 ГК РФ устанавливает, что наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно [3]. При этом каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости передешедшего к нему наследственного имущества.

Решение Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 21 ноября 2023 г. по делу № 2-5636/2023, оставленное без изменения апелляционным определением от 2 мая 2024 г. и определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 8 августа 2024 г., рассмотрело иск банка о взыскании задолженности по кредитному договору с наследников умершего заемщика [21]. Суд взыскал с наследников в солидарном порядке в пределах стоимости передешедшего в порядке наследования имущества задолженность в размере 18 762,14 руб., а также судебные расходы по уплате государственной пошлины.

Данное решение соответствует положениям статьи 1175 ГК РФ и разъяснениям, содержащимся в пункте 60 Постановления Пленума ВС РФ № 9 [15]. Вместе с тем в судебной практике возникают проблемы, связанные с определением стоимости передешедшего к наследнику имущества, в пределах которой он отвечает по долгам наследодателя.

Представляется, что при определении стоимости наследственного имущества следует исходить из его рыночной стоимости на момент открытия наследства. При этом должна учитываться стоимость всего наследственного имущества, принятого наследником, включая предметы обычной домашней обстановки и обихода, денежные средства на счетах в банках, доли в уставном капитале хозяйственных обществ и иное имущество.

В случае если стоимость перешедшего к наследнику имущества недостаточна для удовлетворения требований кредиторов наследодателя в полном объеме, взыскание обращается на все наследственное имущество в пределах его стоимости. При этом наследник не отвечает по долгам наследодателя своим личным имуществом, не входящим в состав наследства.

Статья 1115 ГК РФ устанавливает, что местом открытия наследства является последнее место жительства наследодателя [3]. Если последнее место жительства наследодателя, обладавшего имуществом на территории Российской Федерации, неизвестно или находится за ее пределами, местом открытия наследства в Российской Федерации признается место нахождения такого наследственного имущества.

Приказ Минюста России от 14 октября 2022 г. № 394 «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства» устанавливает порядок открытия и ведения наследственных дел [7]. Получение нотариусом первого документа, свидетельствующего об открытии наследства (заявления о принятии наследства, о выдаче свидетельства о праве на наследство и т. д.), становится основанием для начала производства по наследственному делу.

Вместе с тем на практике возникают проблемы, когда наследники не могут точно установить последнее место жительства наследодателя. А. Ю. Филатов отмечает, что до предоставления наследником свидетельства о смерти и справки о последнем месте жительства наследодателя нотариусы, как правило, не заводят наследственные дела [14, с. 186].

По нашему мнению, данная практика противоречит Правилам нотариального делопроизводства, согласно которым основанием для открытия наследственного дела является получение нотариусом любого документа, связанного с наследством. В случае если впоследствии будет установлено, что наследодатель проживал на территории другого нотариального округа, наследственное дело передается по принадлежности соответствующему нотариусу.

Представляется целесообразным внести изменения в Правила нотариального делопроизводства, обязывающие нотариусов открывать наследственное дело при получении любого заявления наследника, связанного с наследством, с внесением соответствующих сведений в Единую информационную систему нотариата. Это позволит исключить случаи открытия нескольких наследственных дел в отношении одного наследодателя разными нотариусами.

Статья 1151 ГК РФ устанавливает, что в случае, если отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника, имущество умершего считается выморочным [3].

Пункт 3 статьи 1151 ГК РФ предусматривает, что порядок наследования и учета выморочного имущества, пе-

реходящего в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации, а также порядок передачи его в собственность субъектов Российской Федерации или в собственность муниципальных образований определяется законом.

Вместе с тем специальный федеральный закон, регулирующий данные отношения, до настоящего времени не принят. Статья 4 Федерального закона от 26 ноября 2001 г. № 147-ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» предусматривает, что впредь до принятия соответствующего закона применяется Положение о порядке учета, оценки и реализации конфискованного, бесхозяйного имущества, имущества, перешедшего по праву наследования к государству, и кладов, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 29 июня 1984 г. № 683 [6].

Как справедливо отмечает О. В. Аболмасов, неисполнение законодателем более 10 лет собственных целевказаний, обозначенных в статье 1151 ГК РФ, относится к числу существенных проблем наследственного права [8, с. 186].

На наш взгляд, отсутствие специального федерального закона о выморочном имуществе создает правовую неопределенность и затрудняет реализацию полномочий публично-правовых образований по принятию и управлению выморочным имуществом. Необходимо в кратчайшие сроки принять федеральный закон, определяющий: порядок выявления и учета выморочного имущества; процедуру оформления прав публично-правовых образований на выморочное имущество; правила управления выморочным имуществом до оформления права собственности на него; порядок распределения выморочного имущества между Российской Федерацией, субъектами РФ и муниципальными образованиями; правила реализации выморочного имущества и использования вырученных средств.

Федеральным конституционным законом от 28 апреля 2023 г. № 1-ФКЗ для территорий Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей до 1 января 2024 года были продлены сроки принятия наследства, которые истекли после 24 февраля 2022 года [4]. Если последнее место жительства наследодателя находилось на территории одного из указанных регионов, срок не считается пропущенным, восстанавливать его в судебном порядке не требуется.

Данное законодательное решение является обоснованным и учитывает объективные обстоятельства, препятствовавшие наследникам своевременно обратиться к нотариусу для принятия наследства в связи с проведением специальной военной операции.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 325-ФЗ в ГК РФ были внесены изменения, касающиеся наследования цифровых рублей [5]. С 1 августа 2024 года вступили в силу изменения в статью 1128 ГК РФ, согласно которым владелец счета в банке может совершить завещательное распоряжение цифровыми рублями, которое имеет силу нотариально удостоверенного завещания.

По нашему мнению, включение цифровых рублей в состав имущества, которое может быть объектом наследования и завещательного распоряжения, соответствует современному развитию технологий и направлено на обеспечение полноты правового регулирования наследственных отношений. Вместе с тем необходимо дальнейшее совершенствование механизмов удостоверения завещательных распоряжений цифровыми рублями, а также процедур их отмены и изменения.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

Во-первых, институт наследования в российском гражданском праве основывается на сочетании двух начал: наследования по закону и наследования по завещанию. При этом законодатель исходит из приоритета завещания как выражения воли наследодателя, устанавливая субсидиарный характер наследования по закону.

Во-вторых, расширение круга наследников по закону до восьми очередей является обоснованным законодательным решением, соответствующим конституционному принципу защиты частной собственности и направленным на минимизацию случаев перехода имущества к государству в качестве выморочного.

В-третьих, судебная практика Верховного Суда РФ за период 2021–2025 гг. выработала ряд правовых позиций, направленных на обеспечение баланса интересов различных категорий наследников. К числу таких позиций относятся: подход к оценке совокупности доказательств фактического принятия наследства (Определение ВС РФ от 26.11.2024 № 18-КГ24-284-К4); критерии уменьшения размера обязательной доли в наследстве (Определение ВС РФ № 5-КГ19-181); разграничение личных неимущественных прав и имущественных прав на получение вознаграждения за использование имени (Определение ВС РФ от 22.03.2022 № 43-КГ21-7-К6).

В-четвертых, в правовом регулировании наследственных отношений сохраняется ряд пробелов и противоречий, требующих законодательного устранения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 04.07.2020.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
4. Федеральный конституционный закон от 28.04.2023 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3025.
5. Федеральный закон от 14.07.2022 № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29. Ст. 5230.
6. Федеральный закон от 26.11.2001 № 147-ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2001. 28 ноября.
7. Приказ Минюста России от 14.10.2022 № 394 «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 16.12.2022.

К их числу относятся: отсутствие специального федерального закона о выморочном имуществе; недостаточная детализация критериев уменьшения обязательной доли в наследстве; пробелы в регулировании процессуальных особенностей рассмотрения наследственных споров.

В-пятых, необходимо совершенствование нормативного регулирования организационных вопросов ведения наследственных дел нотариусами. Правила нотариального делопроизводства должны в большей степени соответствовать практике нотариальной деятельности и учитывать возможности современных информационных технологий.

Представляется целесообразным внесение в законодательство о наследовании следующих изменений:

1) дополнить статью 1149 ГК РФ положениями, детализирующими критерии уменьшения судом размера обязательной доли в наследстве;

2) принять федеральный закон о выморочном имуществе, определяющий порядок его выявления, учета, оформления прав публично-правовых образований и управления таким имуществом;

3) дополнить статью 1112 ГК РФ положением о включении в состав наследства имущественных прав на получение вознаграждения за использование результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации, изображения и имени гражданина;

4) внести изменения в Правила нотариального делопроизводства, обязывающие нотариусов открывать наследственное дело при получении любого заявления наследника с внесением сведений в Единую информационную систему нотариата.

Дальнейшее совершенствование законодательства о наследовании и правоприменительной практики должно осуществляться с учетом необходимости обеспечения баланса интересов наследодателя, различных категорий наследников и кредиторов наследодателя, а также защиты публичных интересов государства и общества.

8. Аболмасов О. В. Наследование по закону и по праву представления: проблемы и перспективы // Материалы научной конференции. 2023. С. 20–24.
9. Байзигитова А. М. Очередность наследования по закону в Российской Федерации и зарубежных странах: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 31 с.
10. Барщевский М. Ю. Наследственное право: учебное пособие. М.: Белые альвы, 1996. 192 с.
11. Горелик А. П. Правовое регулирование наследования по праву представления: некоторые проблемы // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2008. № 5. С. 86–87.
12. Кропочева Ю. Г. Необходимые наследники // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332 (март). С. 107–110.
13. Михайлова А. С. Возникновение и развитие института наследования в гражданском праве России: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 24 с.
14. Филатов А. Ю. Проблемы, возникающие при наследовании по закону // Инновации и инвестиции. 2015. № 7. С. 186–189.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.
16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30.01.2024 № 5-КГ23-139-K2 // СПС КонсультантПлюс.
17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.11.2024 № 18-КГ24-284-K4 (УИД 23RS0041-01-2022-024064-42) // СПС КонсультантПлюс.
18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.08.2023 № 89-КГ23-12-K7 (УИД 72RS0025-01-2021-033890-04) // СПС КонсультантПлюс.
19. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2019 N 5-КГ19-181// СПС КонсультантПлюс.
20. Определение Верховного Суда РФ от 22.03.2022 № 43-КГ21-7-K6 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023)// СПС КонсультантПлюс.
21. Решение Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 21.11.2023 по делу № 2-5636/2023 // СПС КонсультантПлюс.

Юридическое обеспечение защиты интересов миноритариев

Новиков Дмитрий Вячеславович, студент
Московский городской педагогический университет

Настоящая работа посвящена проблеме гарантирования правовой охраны интересов владельцев небольших пакетов акций в условиях современных корпоративных противоречий. Основное внимание уделяется нормам отечественного гражданского права и отдельным статьям Федерального закона «Об акционерных обществах», определяющим взаимоотношения между держателями акций и компанией. Акцентируется внимание на том, что действующие правовые инструменты защиты прав миноритарных акционеров зачастую оказываются малоэффективными из-за нехватки правовых знаний, высоких расходов на судебные тяжбы и их продолжительности.

В исследовании рассматриваются конкретные примеры из судебной практики, иллюстрирующие трудности, с которыми сталкиваются миноритарии при отстаивании своих прав. Предлагаются пути совершенствования системы защиты, в том числе учреждение независимого контрольного органа, упрощение судебной процедуры и широкое применение альтернативных методов разрешения корпоративных разногласий.

Ключевые слова: акционерные права, корпоративные конфликты, защита прав, ответственность менеджмента, судопроизводство, сделки с заинтересованностью, независимые члены совета директоров, информационная открытость, арбитражный суд, внесудебное урегулирование.

Legal support for protection of minority shareholders' interests

Novikov Dmitry, student
Moscow City Pedagogical University

This work is devoted to the problem of guaranteeing legal protection of the interests of small shareholders in the context of modern corporate conflicts. The main focus is on the norms of domestic civil law and certain articles of the Federal Law «On Joint Stock Companies» that define the relationship between shareholders and the company. The article emphasizes that the existing legal

instruments for protecting the rights of minority shareholders are often ineffective due to a lack of legal knowledge, high costs of legal proceedings, and their duration.

The study examines specific examples from judicial practice that illustrate the difficulties faced by minority shareholders in defending their rights. It proposes ways to improve the protection system, including the establishment of an independent oversight body, simplifying the judicial procedure, and promoting alternative methods for resolving corporate disputes.

Keywords: shareholder rights, corporate conflicts, protection of rights, management responsibility, legal proceedings, transactions with interest, independent members of the board of directors, information transparency, arbitration court, and out-of-court settlement.

В современной российской действительности защита юридических прав миноритарных акционеров приобретает особую значимость в связи с ростом числа корпоративных конфликтов, обусловленных доминирующим положением мажоритарных владельцев и управленческого аппарата (см., например, Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах»). Регулирование защиты прав миноритарных акционеров осуществляется посредством комплекса правовых норм, начиная с положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и заканчивая специализированными положениями Федерального закона от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — ФЗ «Об АО»).

ГК РФ закрепляет основополагающие принципы равенства субъектов гражданских правоотношений, гарантируя каждому участнику право собственности и защиту имущественных интересов. Статья 53.1 ГК РФ устанавливает ответственность лиц, входящих в состав органов управления юридического лица, за причиненные убытки (см. Обзор судебной практики по спорам, связанным с привлечением контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.12.2020)).

ФЗ «Об АО» регламентирует взаимоотношения между акционерами, определяя обязанности общества по раскрытию информации и порядок предоставления отчетности (ст. 89 ФЗ «Об АО»), что направлено на охрану интересов миноритарных акционеров. В соответствии со ст. 91 указанного закона, акционерное общество обязано ежегодно представлять общему собранию акционеров отчет о своей деятельности, бухгалтерскую (финансовую) отчетность, заключение аудитора и иные существенные документы.

Эффективность существующих механизмов защиты прав миноритарных акционеров снижается из-за сложностей в практической реализации. Миноритарные акционеры часто сталкиваются с недостатком юридической грамотности и финансовых ресурсов для инициирования судебных разбирательств [1].

Судебные процедуры характеризуются длительностью и значительными издержками, что снижает мотивацию миноритариев к обращению в судебные органы. Существуют задержки в рассмотрении корпоративных споров, что увеличивает временные и финансовые затраты сторон [2].

Судебная практика демонстрирует противоречивые подходы судов к разрешению корпоративных споров. В ряде случаев суды отдают предпочтение интересам мажоритарных акционеров, игнорируя явные признаки нарушения прав миноритарных акционеров.

В качестве примера можно выделить, дело АО «Металлургический завод», которое является явным показателем, того, как сложно доказать факт злоупотребления руководством компании своими полномочиями, проявляющееся в препятствовании осуществлению проверки финансовой документации. Подобное препятствование проверки делает процесс доказывания очень трудным и затягивающимся, тем самым уменьшая шансы миноритария на успешное заключение суда.

Также, немаловажна роль арбитражного суда в разрешении конфликтных ситуаций подобного рода.

Решение арбитражного суда г. Москвы [3] показывает тенденцию признания сделок недействительными, в том случае, если было доказано, что цена продажи была существенно ниже рыночных значений. Однако, такая судебная практика остается нестабильной, поскольку каждое дело требует индивидуального подхода и доказательств со стороны потерпевшего, которые бы доказывали ущемление прав.

Предлагается ряд мер для повышения эффективности защиты прав миноритарных акционеров, в том числе использование третейского разбирательства, расширение возможностей получения бесплатной юридической помощи за счет государственных средств и развитие института страхования убытков [4].

Одним из перспективных направлений является совершенствование корпоративного управления посредством внедрения независимых директоров, избираемых исключительно миноритарными акционерами (см. рекомендации Банка России «О Кодексе корпоративного управления» от 10.04.2014). Независимые директора способны обеспечить более объективную оценку деятельности менеджмента и предотвратить принятие решений, ущемляющих интересы миноритариев.

Важным инструментом защиты прав миноритарных акционеров является возможность оспаривания крупных сделок и сделок с заинтересованностью, совершенных с нарушением установленных процедур (ст. 78 и 83 ФЗ «Об АО»). Однако, на практике применение данных норм затруднено необходимостью доказывания убытков, причиненных обществу, и наличием причинно-следственной связи между сделкой и убытками.

В целях повышения прозрачности деятельности акционерных обществ необходимо совершенствовать систему раскрытия информации. В частности, целесообразно расширить перечень информации, подлежащей обязательному раскрытию, и повысить ответственность за нарушение правил раскрытия информации (см. Федеральный закон от 27.07.2010 № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком»).

Кроме того, необходимо развивать альтернативные механизмы разрешения корпоративных споров, в частности, медиацию и арбитраж. Использование данных механизмов позволяет снизить издержки и ускорить разрешение споров, а также обеспечивает конфиденциальность процесса (Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»).

Литература:

1. Бажанов, Е. С. Защита прав миноритарных акционеров: правовые инструменты и практика их применения / Е. С. Бажанов, А. В. Федорова. — Текст: непосредственный // Диалог. — 2024. — № 1. — С. 1.
2. Корпоративные споры: понятие, признаки, участники, виды. — Текст: электронный // МОЖНО юристы онлайн: [сайт]. — URL: <https://mojnourista.ru/blog/2020/12/07/ponyatie-vidy-korporativnyh-sporov/> (дата обращения: 22.12.2025).
3. Решение от 10 апреля 2023 г. по делу № А40–7588/2023. — Текст: электронный — URL:<https://sudact.ru/arbitral/doc/uWBfsoozc5HR/?ysclid=mjhes3ss7774972176> (дата обращения: 22.12.2025).
4. Потопальский, С. С. Защита прав миноритарных участников общества с ограниченной ответственностью при увеличении уставного капитала / С. С. Потопальский. — Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. — 2020. — № 4. — С. 288–296.

Правовое регулирование использования цифровых технологий в системе предупреждения массовых беспорядков

Нуратдинов Сражатдин Камалатдинович, самостоятельный соискатель
Университет общественной безопасности Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан)

Статья исследует правовое регулирование цифровых технологий в предупреждении массовых беспорядков, анализируя прогностическую аналитику, мониторинг социальных медиа, распознавание лиц и геолокационное отслеживание. Выявлен критический разрыв между императивами общественной безопасности и защитой конституционных прав. Обоснована необходимость специализированного законодательства, эффективного независимого надзора, обязательных процедурных гарантий и признания несовместимости определенных технологий с демократическими ценностями для предотвращения цифрового авторитаризма.

Ключевые слова: цифровой мониторинг, массовые беспорядки, прогностическая полиция, распознавание лиц, конституционные права, содержащий эффект, алгоритмическая подотчетность

Цифровая трансформация правоохранительной деятельности радикально изменила природу и масштабы государственного контроля за общественным порядком, создав беспрецедентные возможности для предвосхищения и предотвращения массовых беспорядков при одновременном возникновении фундаментальных угроз конституционным правам и свободам. Внедрение искусственного интеллекта, систем прогностической аналитики, технологий распознавания лиц, инструментов мониторинга социальных сетей в практику органов правопорядка знаменует переход от традиционной модели реактивного реагирования на уже совершенные правонарушения к проактивной модели предупреждения угроз общественной безопасности на основе

анализа больших данных и алгоритмического прогнозирования.

Масштабное применение цифровых технологий в контексте массовых протестов 2020–2024 годов, включая движение Black Lives Matter в США (протесты BLM стали катализатором массового использования технологий распознавания лиц (FRT) и сбора данных из открытых источников. Полиция использовала сервис Clearview AI для идентификации протестующих по фотографиям из соцсетей. Также применялись «имитаторы сотовых вышек» (Stingrays) для перехвата данных мобильных телефонов. Это привело к тому, что крупные техно-гиганты (Amazon, Microsoft, IBM) временно или постоянно наложили мораторий на продажу своих систем распознавания лиц по-

лиции, признав риски нарушения прав человека и предвзятости алгоритмов [1]), беспорядки в Великобритании летом 2024 года (реакция британских властей на анти-мигрантские беспорядки стала примером максимально жесткого цифрового контроля в западной демократии. Премьер-министр Кир Стармер объявил о расширении использования систем распознавания лиц в реальном времени и ограничении передвижения предполагаемых участников беспорядков на основе цифрового профилирования. Большое внимание было уделено ответственности за онлайн-активность. Людей арестовывали не только за физическое участие, но и за посты в соцсетях, подстрекающие к насилию, что вызвало споры о границе между борьбой с дезинформацией и цензурой [2]), штурм Капитолия 6 января 2021 года (это событие называют «самым задокументированным преступлением в истории» благодаря цифровым следам. ФБР использовало данные геолокации Google (geofence warrants), чтобы определить, чьи устройства находились внутри здания. Масштабно применялся краудсорсинг: активисты использовали открытые данные (OSINT) и ИИ для сопоставления лиц участников с их профилями в LinkedIn и Facebook. С одной стороны, технологии помогли быстро найти нарушителей, с другой — возникли вопросы о допустимости сбора данных о местоположении тысяч людей, которые могли просто находиться рядом [3]), актуализировало дискуссию о допустимых пределах технологического надзора в демократическом обществе. Правовое регулирование использования цифровых технологий в системе предупреждения массовых беспорядков становится важной задачей, поскольку от адекватности правовых рамок зависит способность государства поддерживать баланс между императивами общественной безопасности и защитой фундаментальных конституционных ценностей.

Прогностическая полицейская деятельность представляет собой наиболее амбициозное применение искусственного интеллекта в сфере правопорядка, используя алгоритмы для анализа обширных массивов данных и предвосхищения преступной активности с целью оптимизации распределения ресурсов, сокращения времени реагирования и превентивного предотвращения преступлений. Внедрение искусственного интеллекта в практику правоохранительных органов ознаменовало переход к методам, основанным на обработке данных, для предупреждения преступности и распределения ресурсов, при использовании алгоритмов машинного обучения, продвинутой аналитики данных и прогностических моделей для идентификации паттернов преступности, оценки зон высокого риска и выработки рекомендаций относительно превентивных мер. Технологические возможности варьируются от географически ориентированных систем, идентифицирующих территории вероятного совершения преступлений на основе исторических данных, до персонифицированных систем оценки риска, прогнозирующих вероятность во-

влечения конкретных лиц в преступную деятельность. Голландская система Crime Anticipation System, первая в мире национальная система прогностической полиции, комбинирует демографические и социально-экономические данные из трех источников — Центральной базы данных о преступлениях, муниципальной администрации и Центрального статистического бюро Нидерландов, визуализируя информацию в форме тепловых карт, отображающих зоны повышенного криминального риска для направления полицейских интервенций [4]. Данные системы обладают потенциалом революционизировать предупреждение массовых беспорядков через раннюю идентификацию триггерных факторов социальной напряженности, однако одновременно порождают серьезные опасения относительно эффективности, потенциальной предвзятости и фундаментальных правовых последствий.

Мониторинг социальных медиа стал ключевым инструментом правоохранительных органов для сбора разведывательной информации и предвосхищения угроз общественному порядку, трансформируя практику надзора благодаря беспрецедентному доступу к публично доступной информации о намерениях, настроениях и координации действий потенциальных участников массовых акций. Социальные медиа играют важную роль в политическом выражении, социальном взаимодействии и общественной организации, при скачкообразном росте числа пользователей и объема обмениваемой онлайн информации, превращая социальные платформы в непреодолимо привлекательную цель для правоохранительного надзора, поскольку информация о передвижениях, привычках, покупках и связях индивидов, ранее требовавшая месяцев наблюдения, может быть получена технически грамотным офицером за минуты.

Технологии распознавания лиц и биометрической идентификации расширяют возможности правоохранительных органов по идентификации участников массовых акций, создавая инфраструктуру тотального наблюдения в публичных пространствах с далеко идущими последствиями для анонимности политического участия и свободы собраний. После штурма Капитолия 6 января 2021 года минимум три федеральных агентства использовали программное обеспечение распознавания лиц для поддержки уголовных расследований, при применении ФБР и другими органами технологий распознавания лиц в контексте социального медиа надзора. Биометрические технологии позволяют автоматизированную идентификацию индивидов через анализ физиологических характеристик, включая черты лица, радужную оболочку глаза, отпечатки пальцев, походку, голос, создавая постоянные цифровые идентификаторы личности независимо от желания индивида быть идентифицированным.

Геолокационные сервисы и технологии отслеживания мобильных устройств предоставляют правоохранительным органам детализированную информацию

о передвижениях граждан, позволяя реконструировать паттерны поведения, идентифицировать участников массовых мероприятий и прогнозировать скопления людей в определенных локациях. Верховный суд США в деле *Carpenter v. United States* признал, что долгосрочное отслеживание местоположения через данные сотовых вышек представляет собой обыск в смысле Четвертой поправки, требующий ордера, поскольку совокупность данных о местоположении дает исчерпывающую картину частной жизни человека, раскрывая не только перемещения, но и связи, политические взгляды, профессиональные ассоциации, религиозные убеждения [5]. Мобильные телефоны генерируют обширные метаданные о местоположении пользователей через GPS, Wi-Fi подключения, сотовые вышки, создавая детализированные цифровые следы передвижений индивидов. Правоохранительные органы могут запрашивать исторические данные о местоположении для идентификации устройств, присутствовавших в определенной географической зоне в определенный период времени, получая списки потенциальных участников массовых мероприятий. Технология geofence warrants позволяет органам требовать от технологических компаний предоставления информации обо всех устройствах, находившихся в определенной области в заданный временной промежуток, фактически превращая присутствие в публичном месте в основание для включения в сферу расследования. Конституционная доктрина в отношении геолокационного надзора продолжает развиваться, при признании судами, что массивное накопление данных о местоположении качественно отличается от традиционного наблюдения и может изменять отношения между гражданином и государством способом, несовместимым с демократическим обществом.

Аналитические платформы больших данных интегрируют информацию из множественных источников — баз данных правоохранительных органов, социальных медиа, публичных записей, коммерческих датаброкеров — для создания комплексных профилей индивидов и сообществ с целью идентификации потенциальных угроз общественному порядку. Концепция Big Data описывает огромные объемы данных, поддающихся анализу для выявления неожиданных связей и корреляций, при использовании алгоритмов как математических процессов, делающих основанные предположения относительно паттернов и закономерностей в данных. Интеграция множественных баз данных предоставляет правоохранительным органам обширный объем информации о гражданах, теоретически помогая принимать более информированные решения относительно потенциальных угроз безопасности.

Право на частную жизнь составляет фундаментальную конституционную гарантию, защищенную статьей 8 Европейской конвенции о правах человека и статьей 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, признании международными судебными органами, что сбор и хранение персональных данных, даже

публично доступных, представляет собой вмешательство в частную жизнь, подлежащее конституционным ограничениям. Европейский суд по правам человека выработал обширную практику в области надзора, дифференцируя целевой надзор и массовый перехват сообщений, при установлении минимальных гарантий против произвола при тайном целевом наблюдении, включая четкое определение категорий правонарушений, позволяющих санкционировать перехват; определение категорий лиц, подлежащих прослушиванию; ограничение продолжительности перехвата; процедуру изучения, использования и хранения данных; независимый *ex post facto* контроль соблюдения требований и полномочия компетентного органа по устранению нарушений [6]. Современные технологии позволяют государствам и корпорациям собирать, хранить и синтезировать информацию в масштабах, невообразимых в 1980-х годах, при принятии государствами новых законов или толковании существующих законов для облегчения данных процессов часто без достаточного учета интересов частной жизни.

Результаты исследования позволяют сформулировать ряд выводов относительно необходимых направлений реформирования правового регулирования. Во-первых, требуется разработка специализированного законодательства, регулирующего использование искусственного интеллекта и алгоритмических систем в правоохранительной деятельности, с четкими требованиями к прозрачности, объяснимости, тестированию на предвзятость, независимой оценке воздействия на права человека и обязательной сертификации перед внедрением. Во-вторых, необходимо создание эффективных механизмов независимого надзора с реальными полномочиями доступа к информации, проведения проверок, вынесения обязательных рекомендаций и наложения санкций за нарушения, при обеспечении надзорных органов достаточными финансовыми и человеческими ресурсами и технической экспертизой для эффективного выполнения функций.

В-третьих, правовые рамки должны включать обязательные процедурные гарантии, включая презумпцию против использования массового надзора, требование индивидуализированного подозрения для применения интрузивных технологий, ограниченные сроки хранения данных, запрет на использование данных для целей, несовместимых с первоначальным сбором, и эффективные средства правовой защиты для лиц, пострадавших от неправомерного надзора. В-четвертых, необходимо признание определенных технологий как несовместимых с демократическими ценностями и правами человека, с введением прямых запретов на технологии, демонстрирующие неустранимую предвзятость или создающие недопустимые риски для фундаментальных прав, включая системы социального кредита, предиктивное профилирование на основе защищенных характеристик и некоторые формы биометрического надзора в публичных пространствах.

Литература:

1. U. S. Government Accountability Office (GAO). (2021). Facial Recognition Technology: Federal Law Enforcement Agencies Should Better Assess Privacy and Other Risks (Report No. GAO-21-518).
2. Ralph, L., Robinson, P., & Aitken, A. (2025). Policing, social media, and riots: user responses to the police during the 2024 UK summer protests and riots. *Policing and Society*, 1–15.
3. Fereidooni, Leila, Open Source Intelligence (OSINT) and its Role in International Law Enforcement Cooperation (September 18, 2025).
4. OECD (2025), Governing with Artificial Intelligence: The State of Play and Way Forward in Core Government Functions, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/795de142-en>.
5. Carpenter v. United States, 138 S. Ct. 2206, 2018.
6. CDL-AD(2024)043-e. Report on a rule of law and human rights compliant regulation of spyware, adopted by the Venice Commission at its 141st Plenary Session (Venice, 6–7 December 2024).

Законодательные основы профилактики коррупционных проявлений в деятельности государственных и муниципальных органов

Павлова Диана Петровна, студент

Научный руководитель: Яшнова Светлана Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

Борьба с коррупционными проявлениями является приоритетной задачей внутренней политики государств в XXI веке, что обуславливает потребность в эффективном нормативно-правовом регулировании, основанном на принципах национального законодательства и международных стандартах.

По нашему мнению, важное значение для реализации деятельности в сфере противодействия коррупции имеют нормативные правовые акты, издаваемые Президентом Российской Федерации, что обусловлено его уникальным положением и ролью в системе органов государственной власти.

Необходимо подчеркнуть, что в нормативных правовых актах Президента Российской Федерации, регламентирующих деятельность как государственных, так и негосударственных структур, закрепляются положения, обязывающие соответствующие органы и организации разрабатывать и реализовывать меры по предупреждению и пресечению коррупционных проявлений. Данные нормы, направленные на обеспечение антикоррупционной устойчивости, являются неотъемлемым элементом нормативно-правовой базы, регулирующей функционирование органов государственной власти всех уровней и субъектов различных форм собственности.

Правовые акты, издаваемые Правительством Российской Федерации, основываются на положениях федеральных законов, а также на указах Президента Российской Федерации, что подчеркивает иерархическую структуру правовой системы и обеспечивает согласованность нормативных предписаний на всех уровнях государственного управления.

Нельзя не сказать, что значительную долю федерального законодательства в сфере борьбы с коррупцией со-

ставляют нормативные правовые акты, издаваемые различными федеральными органами государственной власти.

Региональное законодательство Российской Федерации также играет ключевую роль в формировании правовой базы для противодействия коррупции на уровне субъектов РФ.

В контексте анализа нормативно-правовой базы Ульяновской области, следует рассмотреть ключевые законодательные акты, регламентирующие антикоррупционную деятельность в регионе.

Центральным элементом региональной антикоррупционной стратегии является Закон Ульяновской области «О противодействии коррупции в Ульяновской области». Этот нормативный акт играет ключевую роль в обеспечении правового регулирования антикоррупционных мероприятий на территории региона. Он устанавливает основные принципы, механизмы и процедуры противодействия коррупции, направленные на минимизацию коррупционных рисков и повышение уровня прозрачности и подотчетности органов власти.

В статьях указанного нормативного акта детально регламентированы антикоррупционные меры, применимые в региональном контексте, включая разработку и реализацию региональных антикоррупционных программ. Также предусмотрено осуществление мониторинга антикоррупционной деятельности, создание специализированной базы данных о зонах повышенного коррупционного риска и внедрение антикоррупционных стандартов в рамках компетенции государственных органов Ульяновской области. Особое внимание уделяется антикоррупционной пропаганде, привлечению институтов граждан-

ского общества и частных лиц к участию в реализации государственной антикоррупционной политики, а также обеспечению прозрачности и открытости деятельности государственных органов региона в контексте профилактики коррупции и повышения эффективности антикоррупционных мер. Кроме того, предусмотрена подготовка отчётов о реализации антикоррупционных программ, что способствует объективному анализу и оценке достигнутых результатов в данной сфере.

Также законодательная база Ульяновской области, направленная на борьбу с коррупцией, включает региональные нормативные акты, регулирующие контроль за расходами лиц, занимающих государственные, муниципальные и государственные гражданские должности. Данные законы охватывают мониторинг информации о доходах, расходах, имущественном состоянии и имущественных обязательствах, а также профилактику коррупционных правонарушений и урегулирование конфликта интересов.

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2023) // «Российская газета», N 266, 30.12.2008; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 08.08.2024.
2. Закон Ульяновской области от 20.07.2012 № 89-ЗО (ред. 31.07.2023) «О противодействии коррупции в Ульяновской области» // Ульяновская правда. 2012. № 90.
3. Постановление Правительства Ульяновской области от 24.08.2022 № 478-П (ред. от 04.12.2024) «Об утверждении областной программы «Противодействие коррупции в Ульяновской области» // Ульяновская правда. 2022. № 66 (24537); Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.12.2024.
4. Цирин, А. М. Институциональные механизмы противодействия коррупции на государственной службе. / А. М. Цирин, В. В. Севальнев — Текст: электронный // Журнал российского права. — 2021. — N 9. — С. 133–142.

Региональное антикоррупционное законодательство находит своё отражение и в нормативных правовых актах муниципальных образований, расположенных на территории Ульяновской области. В процессе разработки этих актов муниципалитеты, опираясь на накопленный опыт и специфику своей деятельности, а также следуя директивам вышестоящих органов власти, создали собственные нормативные документы, направленные на регулирование антикоррупционной деятельности.

Считаем необходимым сделать вывод, что в связи с многообразием правовых актов, регулирующих антикоррупционные меры в России, необходимо учитывать, что релевантные нормы могут быть отражены не только в законодательных актах, но и в других источниках, включая индивидуальные правовые акты, оказывающие влияние на правоприменительную практику, что может оказывать значительное влияние на рост нарушений антикоррупционного законодательства.

Международные и национальные стандарты в сфере труда: противоречия и пути гармонизации

Павлова Екатерина Максимовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Плахотина Наталья Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Луганский государственный университет имени Владимира Даля

Воздействие международного права на национальное регулирование труда направлено в первую очередь на защиту прав работников, недопущение дискриминации, создание единых, общепризнанных норм труда. Происходящие процессы гармонизации трудовых законодательств отражают общемировую тенденцию к глобализации правового регулирования труда.

Коллизии, определяемые термином «противоречия» в действующем трудовом законодательстве Российской Федерации [1], оказывают негативное влияние на реализацию интересов как работников, так и работодателей. Наличие противоречий между международными нормами и национальным трудовым законодательством РФ в сфере регулирования наемного труда отмечали многие

исследователи: Н. Л. Лютов, М. В. Казакова, В. Г. Микрина, П. А. Жандарова, И. Я. Киселев, М. В. Лушникова, К. Л. Томашевский и другие. Вместе с тем, причины указанных противоречий не выяснены и требуют дальнейшего изучения.

Целью данной научной публикации является выявление причин коллизий между международным и национальным правом и предложение путей их устранения. Предметом исследования выступают международные нормы о труде и положения трудового законодательства РФ. Методология исследования включает: сравнительно-правовой и системный анализ, формально-логический метод.

Под конфликтами в нормативно-правовой сфере, обозначаемыми термином «коллизии», обычно понимают

расхождения или противоречия между отдельными нормативно-правовыми актами, регулирующими одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий [2, с. 255]. С формально-юридической точки зрения Н. А. Власенко рассматривал коллизии как «отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения» [3, с. 23]. М. Т. Баймаканов пришел к выводу, что существуют два вида противоречий: материальные и формальные. Под последними он понимал «коллизии в самом праве, между отдельными институтами, нормами» [4, с. 216].

Важно разделять понятия конкуренции правовых норм и коллизий. Возникновение конкуренции правовых норм, как правило, связано с изданием правотворческих актов неравнозначными органами. При конкуренции не противоречащие друг другу две, три и более нормы регулируют один и тот же круг родственных общественных отношений с разной степенью конкретизации, детализации, объема и т. д. [5, с. 226].

Юридические коллизии международного уровня характеризуются следующими специфическими признаками:

- а) являются закономерным результатом многообразия правовых систем;
- б) возможным выходом из коллизионной проблемы выступает ее преодоление в процессуальном порядке на национальном уровне;
- в) разрешение коллизионной проблемы не является обязательным и редко возможно на международном уровне [6, с. 239].

В юридической науке сформировались две концепции соотношения международного и национального права: монизм и дуализм [7, с. 288].

Монисты изучают международные и национальные правовые нормы как единую систему, в которой международное право преобладает над национальным. Приверженцы дуалистической теории разделяют международное и национальное право на две самостоятельные системы, каждая из которых действует в своей сфере. Большинство советских и российских ученых придерживаются дуалистической концепции [8, с. 328].

Соотношение международного и национального права в настоящее время в Российской Федерации двойственно: с одной стороны, п. 4 ст. 15 Конституции РФ [10] устанавливает приоритет международных норм по отношению к противоречащим им государственным законам, с другой стороны, согласно п. 1 ст. 15 Конституции РФ, «Конституция имеет высшую юридическую силу. Законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации» [9]. Вопрос соотношения международных и национальных норм в случае, когда национальным законодательством не регламентированы определенные отношения, остается неурегулированным.

На мой взгляд, для восполнения пробела правового регулирования следует законодательно закрепить приоритет международного права в указанных случаях.

При сравнении международных норм с национальным трудовым законодательством РФ следует отметить, что во многом российские стандарты предоставляют работникам больше прав, чем установлено международными нормами. В частности, в Российской Федерации установлена 40-часовая рабочая неделя, в то время как в Таиланде, Вьетнаме, Мексике, Турции, Сербии, Греции длительность рабочей недели более 40 часов [11, с. 761].

Анализируя причины противоречий между международными нормами и национальным трудовым законодательством РФ в сфере регулирования наемного труда, следует отметить исторические и экономические особенности:

1. Различный исторический и социально-экономический контекст: международные стандарты труда часто разрабатываются с учетом опыта и потребностей широкого круга стран, находящихся на разных стадиях экономического развития и имеющих различные исторические традиции. Российское законодательство формировалось в собственной социокультурной среде, с учетом специфики постсоветского периода, переходной экономики и уникальных трудовых отношений. То, что кажется универсальным на международном уровне, может быть не всегда применимо или оптимально в российских условиях. Например, в условиях дефицита кадров в области здравоохранения и сельского хозяйства рабочее время данных категорий работников могут превышать 40-часовой лимит из-за специфики работы и необходимости выполнения срочных задач. Кроме того, международные акты, такие как Конвенция МОТ № 111 [12] о дискриминации в области труда и занятости, требуют от стран принятия мер для предотвращения дискриминации. В России принцип равной оплаты за равный труд также прописан в Трудовом кодексе, однако не всегда соблюдается на практике, что приводит к разнице в оплате труда для мужчин и женщин.

2. Различные подходы к балансу интересов: международные акты, особенно конвенции МОТ, часто делают акцент на защите прав работников (к примеру, Конвенции № 111, № 135, № 190 и т. д.). Российское трудовое законодательство, особенно в условиях рыночной экономики, стремится найти баланс между защитой работников и обеспечением гибкости для работодателей [13, с. 112]. Приоритет отдается поддержанию конкурентоспособности предприятий и созданию благоприятного инвестиционного климата.

3. Вопросы суверенитета и национальной идентичности: государства, включая Российскую Федерацию, обладают суверенитетом и правом самостоятельно определять свою внутреннюю политику, в том числе в сфере трудового законодательства. Чрезмерное следование международным нормам, игнорирующими национальные особенности, может восприниматься как ограничение суверенитета и навязывание чуждых ценностей. Например,

Трудовым кодексом РФ установлено, что отпуск по беременности и родам предоставляется исключительно беременной женщине, отец ребёнка или другие родственники не имеют права на получение такого отпуска [1, ст. 255, 256]. В Российской Федерации продолжительность указанного отпуска составляет 70 дней до родов и 70 дней после родов. При рождении одного ребенка в течение отпуска по беременности и родам у матери, которая была трудоустроена до беременности, отец ребенка не может оформить отпуск по уходу за ребенком. При этом, трудовое законодательство предусматривает, что в случаях, когда требуется уход за двумя и более детьми или когда мать ребенка до беременности не была трудоустроена, отпуск по уходу за ребенком может одновременно взять отец ребенка. С одной стороны, трудовое законодательство таким образом подчеркивает роль матери в воспитании ребенка и предоставляет дополнительные социальные гарантии женщинам во время и после беременности. С другой стороны, согласно Конвенции МОТ № 183 [14] о защите материнства, рекомендованы более гибкие и равные условия для всех работающих родителей (не только для матерей).

Считаю целесообразным предложить следующие пути усовершенствования национального трудового законодательства:

1. Совершенствование механизмов контроля и обеспечения соблюдения трудовых прав может быть обеспечено благодаря повышению эффективности работы трудовых инспекций, в том числе путем увеличения их численности, повышения квалификации инспекторов и внедрения современных методов контроля. На мой взгляд, внедрение системы «электронного инспектора», позволяющей проводить дистанционные проверки предприятий на предмет соблюдения трудового законодатель-

ства, позволит снизить административную нагрузку на работодателей и повысить эффективность контроля.

2. В целях обеспечения баланса интересов между работниками и работодателями в области дистанционной занятости следует продолжить совершенствование Главы 49.1 ТК РФ «Особенности регулирования труда дистанционных работников», в частности, более детально регламентировать вопросы охраны труда при дистанционной работе, порядок обмена информацией между работником и работодателем, а также вопросы компенсации расходов работника, связанных с использованием личного оборудования.

3. Дополнить трудовое законодательство в области социальных гарантий работающих родителей, а именно: закрепить возможность отцов брать отпуск по уходу за ребёнком одновременно с отпуском по беременности и родам у матери ребенка (в течение 70 дней после родов).

Таким образом, коллизии между международным и национальным правом в сфере труда РФ обусловлены следующими причинами: исторические и социально-экономические различия, разные подходы к балансу интересов, вопросы суверенитета и национальной идентичности в условиях имплементации международных норм в национальное трудовое законодательство. Внедрение предложенных путей усовершенствования национального трудового законодательства, включая улучшение механизмов контроля и обеспечения соблюдения трудовых прав, более детализированное регулирование дистанционной занятости, закрепление в трудовом законодательстве дополнительных гарантий в области отпуска работающих отцов, позволит гармонизировать трудовое законодательство РФ с международными стандартами, обеспечивая защиту прав работников и способствуя устойчивому развитию экономики страны.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.09.2025) // Документы. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17706> — Президент Российской Федерации. Официальный сайт.
2. Матузов, Н. И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения / Н. И. Матузов // Правоведение, 2000. — № 5. — С. 225–244.
3. Власенко, Н. А. Коллизионные нормы в советском праве / Н. А. Власенко. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. — 99 с.
4. Баймаханов, М. Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме / АН КазССР. Ин-т философии и права. — Алма-Ата: Наука, 1972. — 358 с.
5. Кожевников, В. В. Правовые коллизии и конкуренция юридических норм: к проблеме разграничения / В. В. Кожевников // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2024. — № 2(97). — С. 225–231.
6. Никиташина, Н. А. Юридические коллизии и коллизионные нормы национального и международного уровней: сравнительный анализ / Н. А. Никиташина // Юридическая техника, 2017. — № 1. — С. 238–241.
7. Антонов, И. П. Международное право и внутригосударственное право ФРГ: проблемы соотношения и взаимодействия / И. П. Антонов // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», 2009. — № 11. — С. 287–295.
8. Анварова, Д. А. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в области защиты прав и свобод человека / Д. А. Анварова // Молодой учёный, 2022. — № 49 (444). — С. 327–329.
9. Конституция Российской Федерации (с изменениями от 4 октября 2022 г.) Законодательство. — Режим доступа: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> — Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации.

10. Лютов, Н. Л. Признание права на забастовку на уровне Международной организации труда: важно ли это для России и других стран? / Н. Л. Лютов // Актуальные проблемы российского права, 2015. — № 9 (58). — С. 118–122.
11. Старокожева, В. П. Анализ продолжительности рабочего времени в странах мира / В. П. Старокожева, А. В. Агарычева, В. А. Сковпень // Экономика труда, 2024. — Т. 11, № 6. — С. 749–770.
12. Конвенция N 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» // Документы. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120760/ — КонсультантПлюс. Официальный сайт.
13. Ломакина, Л. А. Баланс интересов в трудовых отношениях / Л. А. Ломакина // Журнал российского права, 2021. — Т. 25, № 6. — С. 104–116.
14. Конвенция N 183 Международной организации труда «О пересмотре Конвенции (пересмотренной) 1952 года об охране материнства» / Документы. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120760/ — КонсультантПлюс. Официальный сайт.

Актуальные проблемы правоприменительной практики и направления совершенствования административной ответственности за нарушения в организации дорожного движения

Петренчук Юлия Ивановна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию системных проблем, возникающих в правоприменительной практике привлечения к административной ответственности за правонарушения в сфере организации дорожного движения. На основе анализа норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, подзаконных нормативных актов и материалов судебной практики выявляются противоречия, связанные с избыточной формализацией квалификации, автоматизацией процесса привлечения к ответственности, неоднородностью судебных подходов и адаптацией законодательства к новым технологическим реалиям. Особое внимание уделяется проблеме обеспечения баланса между безусловной необходимостью поддержания безопасности дорожного движения и соблюдением гарантированных прав граждан.

В рамках исследования предлагается ряд мер, направленных на повышение эффективности и справедливости административно-юрисдикционной деятельности. Эти меры включают совершенствование нормативного регулирования, оптимизацию процедур автоматической фиксации, внедрение дифференцированных санкций и унификацию судебной практики.

Цель предлагаемых изменений — формирование правоприменительной модели, которая в большей степени выполняет превентивную функцию и способствует снижению уровня административной деликtnости в данной сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, организация дорожного движения, правоприменительная практика, КоАП РФ, безопасность дорожного движения, судебная практика.

Административная ответственность за нарушения в области организации дорожного движения представляет собой один из наиболее массовых и социально значимых институтов административного права. Его эффективное функционирование является необходимым условием обеспечения безопасности на дорожно-транспортной инфраструктуре, защиты жизни и здоровья граждан, а также поддержания правопорядка в сфере публичного регулирования. Нормативной основой данного института выступают, прежде всего, положения главы 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая охватывает широкий спектр составов — от управления транспортным средством без соответствующих документов до нарушения правил его эксплуатации и повреждения дорожной инфраструктуры.

Регулирование дополняется федеральным законодательством, например, Федеральным законом «О безопасности дорожного движения» [3], а также многочисленными подзаконными актами, важнейшим из которых являются Правила дорожного движения [4], утверждаемые Правительством РФ. Однако, как показывает анализ правоприменительной деятельности уполномоченных органов и судов, существующее нормативное регулирование порождает ряд устойчивых проблемных ситуаций. Эти ситуации снижают профилактический потенциал административных санкций, приводят к нарушениям прав граждан и создают условия для правовой неопределенности.

Таким образом, исследование коллизий правоприменения и разработка научно обоснованных предложений

по их преодолению приобретает существенную теоретическую и практическую значимость. Настоящая статья ставит своей целью комплексный анализ указанных проблем на основе действующего законодательства и реальных примеров из судебной и административной практики, а также формулирование конкретных путей повышения эффективности института административной ответственности в рассматриваемой области.

Правоприменительная практика в исследуемой области характеризуется наличием нескольких взаимосвязанных проблемных узлов. Первой и одной из наиболее острых проблем является избыточная формализация и механистичность привлечения к ответственности. Этот подход проявляется в том, что должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях, а в некоторых случаях и судьи, ограничиваются констатацией формального нарушения, не исследуя в полной мере все обстоятельства дела, включая вину лица. Яркой иллюстрацией служит ситуация, когда водитель привлекается к ответственности за превышение скорости в зоне действия временного знака, который был плохо виден или частично закрыт посторонними объектами [9]. Несмотря на предоставление доказательств, например, записи с видеорегистратора, подтверждающей объективную невозможность своевременного восприятия предписания знака, первоначальное решение часто выносится без учета данного обстоятельства. Как отмечается в научной литературе, только суд апелляционной инстанции может отменить такое постановление, указав на необходимость установления вины и отсутствие состава правонарушения, если нарушитель не имел реальной возможности соблюсти правила. Подобная практика противоречит основополагающим принципам административной ответственности, закрепленным в статьях 1.5 и 24.5 КоАП РФ [2], и подрывает авторитет правоприменительных органов.

Второй значимой проблемой выступает неоднородность и противоречивость судебной практики по схожим категориям дел. Отсутствие единобразных подходов к толкованию норм, особенно в сложных или нестандартных ситуациях, приводит к правовой неопределенности. Например, различное понимание судами условий привлечения собственника транспортного средства к ответственности при автоматической фиксации правонарушения создает неравные условия для граждан. Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики указывал, что договор купли-продажи транспортного средства или выписка с сайта Российского союза автостраховщиков сами по себе не являются достаточными доказательствами перехода владения в момент нарушения [6]. Однако на практике суды первой инстанции нередко принимают противоположные решения, требуя от собственника, уже продавшего автомобиль, но не оформившего своевременное снятие с учета, доказывать свою непричастность, что фактически смещает бремя доказывания и противоречит презумпции невиновности. Эта проблема усугубля-

ется отсутствием детальных методических рекомендаций для судов нижестоящих инстанций, что ведет к разноречивой квалификации одних и тех же действий [9].

Третья группа проблем непосредственно связана с интенсивным внедрением технических средств автоматической фиксации нарушений. С одной стороны, средства фото- и видеофиксации стали мощным инструментом выявления административных деликтов, повысив объективность и обеспечив неотвратимость ответственности для широкого круга нарушений, таких как превышение скорости или проезд на запрещающий сигнал светофора. С другой стороны, их применение породило новые правовые коллизии. Процедура привлечения к ответственности владельца транспортного средства, зафиксированного автоматическим комплексом, регламентированная статьей 2.6.1 КоАП РФ, по сути, устанавливает презумпцию его виновности, перекладывая бремя опроверждения на собственника. Это создает риски привлечения к ответственности лиц, не являвшихся фактическими нарушителями, например, при угоне автомобиля или управлении им иным лицом без согласия владельца. Кроме того, как справедливо отмечают исследователи, технологический прогресс опережает законодательное регулирование [8]. Массовое появление на дорогах и тротуарах новых индивидуальных средств передвижения — электросамокатов, гирокатеров, моноколес, многие из которых развивают скорость, сопоставимую с мопедами, — происходит в условиях нормативного вакуума. Отсутствие четких правил их регистрации, требований к правам на управление, определению мест для движения и парковки приводит к аварийным ситуациям, но при этом не позволяет правоприменителю единообразно квалифицировать действия их владельцев, что ставит под угрозу безопасность всех участников дорожного движения.

Еще одной проблемой является недостаточная эффективность санкций, предусмотренных за ряд правонарушений. Фиксированные административные штрафы за отдельные виды нарушений, особенно для лиц с высоким уровнем дохода, зачастую теряют превентивное значение, воспринимаясь как разовая плата за возможность нарушить правила. Эта ситуация усугубляется случаями систематических нарушений со стороны публичных лиц, что демонстрирует несоответствие размера санкции степени общественной опасности повторных деяний и пренебрежительного отношения к закону. Низкая эффективность штрафов также связана со сложностями в обеспечении их исполнения, что требует совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия между органами ГИБДД, Федеральной службой судебных приставов и кредитными организациями [7].

Наконец, сохраняются сложности, связанные с пробелами и коллизиями в нормативном регулировании. Иногда подзаконные акты, детализирующие порядок применения норм закона, вступают в противоречие с ними или создают неоправданные административные барьеры. В качестве примера можно привести рассмотренное Вер-

ховным Судом РФ дело о признании недействующим отдельного положения Правил дорожного движения [6]. Административный истец, являясь инвалидом, парковала автомобиль на специальном месте, но была привлечена к ответственности по части 2 статьи 12.19 КоАП РФ за отсутствие на транспортном средстве опознавательного знака «Инвалид», несмотря на то что сведения об автомобиле были внесены в федеральный реестр инвалидов. Суд, отказав в удовлетворении иска, подтвердил легитимность оспариваемой нормы, однако сама ситуация выявила коллизию между формальным требованием Правил и фактическим механизмом реализации льготы через реестр, что привело к несправедливому, по мнению заявителя, привлечению к ответственности. Подобные коллизии создают почву для многочисленных споров и снижают эффективность правового регулирования.

Преодоление выявленных системных проблем требует реализации комплекса мер, затрагивающих как нормативную основу, так и организацию правоприменительной деятельности. Первостепенное значение имеет совершенствование законодательной базы. Необходимо провести работу по устранению внутренних противоречий между федеральными законами и подзаконными актами. В частности, требуется гармонизация Правил дорожного движения с новыми законодательными механизмами, подобными федеральному реестру инвалидов, чтобы исключить ситуации, при которых лицо, имеющее законное право на льготу, формально подпадает под состав правонарушения. Кроме того, назрела необходимость в специальном федеральном законе или масштабной поправке в действующее законодательство, регулирующих статус, технические требования, порядок допуска к движению и правила эксплуатации средств индивидуальной мобильности [8]. Законодательное закрепление требований к возрасту пользователей, необходимости наличия навыков управления, скоростных ограничений и зон для передвижения позволит поставить под правовой контроль эту активно развивающуюся область и обеспечить безопасность.

Второе направление связано с оптимизацией процедуры привлечения к ответственности, особенно при автоматической фиксации. Целью является сохранение эффективности этого инструмента при одновременном усилении гарантий прав граждан. Для этого следует законодательно закрепить исчерпывающий и четкий перечень доказательств, которые обязан предоставить собственник для подтверждения того, что в момент фиксации правонарушения транспортное средство выбыло из его владения (например, оформленный договор аренды, заявление об угоне, принятое органами внутренних дел, показания свидетелей). При этом, как указал Верховный Суд, отдельные документы, такие как договор купли-продажи без подтверждения фактической передачи, не могут считаться достаточными [7]. Также целесообразно внедрить технологическую возможность для владельца оперативно вносить в базы данных ГИБДД информацию о лицах, допу-

щенных к управлению его автомобилем, что упростит процедуру установления действительного нарушителя.

Третья группа мер направлена на повышение превентивного и воспитательного эффекта административных наказаний. В этих целях предлагается дифференциация санкций с учетом имущественного положения нарушителя и тяжести его противоправного поведения. Для злостных нарушителей, неоднократно привлекавшихся к ответственности в течение короткого периода, механизм ответственности должен быть ужесточен. В научной литературе и экспертной среде обсуждаются предложения о введении прогрессивной шкалы штрафов, кратном увеличении санкций за повторные однородные нарушения, а также о безусловном применении дополнительных наказаний, таких как лишение права управления, при систематических нарушениях. Например, усиление санкций за повторное управление транспортным средством без прав, вплоть до обязательных работ или административного ареста, могло бы существенно повысить сдерживающий эффект нормы. Параллельно с этим необходимо усилить контроль за фактическим исполнением постановлений о назначении административных наказаний, в том числе за счет развития автоматизированных систем взаимодействия между ГИБДД, ФССП России и финансовыми институтами.

Четвертое важное направление — унификация судебной и административной практики. Достижению этой цели будет способствовать более активное использование Верховным Судом РФ права давать разъяснения по вопросам судебной практики, а также публикация обзоров практики по наиболее спорным вопросам квалификации. Необходимо, чтобы правовые позиции, сформулированные в решениях по конкретным делам (например, о доказывании в случае автоматической фиксации или об учете вины), были обобщены и доведены до сведения всех судов и должностных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях. Это снизит уровень субъективизма и произвола в правоприменении [8].

Наконец, повышение эффективности административной ответственности невозможно без развития дорожной инфраструктуры и культуры участников движения. Правоприменение должно дополняться мерами по созданию условий для законопослушного поведения: совершенствованием организации дорожного движения, установкой понятных и технически исправных средств регулирования, качественным содержанием дорожного полотна. Одновременно требуется активизация просветительской и пропагандистской работы, направленной на формирование уважительного отношения к правилам дорожного движения не только среди водителей, но и среди пешеходов и пользователей новых средств передвижения [9].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что правоприменительная практика в области административной ответственности за нарушения организации

дорожного движения, несмотря на массовость и устоявшийся характер, сталкивается с рядом серьезных вызовов. Эти вызовы обусловлены как внутренними свойствами правовой системы (формализм, противоречия в нормах, неоднородность практики), так и внешними факторами, прежде всего технологическими изменениями. Основными проблемными аспектами являются механистический подход к квалификации, игнорирующий принцип вины, правовая неопределенность из-за противоречивой судебной практики, коллизии, порожденные автоматизацией фиксации нарушений и появлением новых участников движения, а также недостаточная превентивная сила отдельных санкций. Устранение этих недостатков требует системного подхода. Предлагаемые пути совер-

шенствования включают в себя детальную нормотворческую работу по ликвидации пробелов и коллизий, гуманизацию и технологизацию процедур привлечения к ответственности, дифференциацию наказаний для усиления их предупредительной роли, активную деятельность Верховного Суда РФ по унификации практики, а также инвестиции в инфраструктуру и правовое пропагандирование. Реализация указанных мер в комплексе будет способствовать формированию более справедливой, эффективной и пользующейся общественным доверием системы административно-правового реагирования на нарушения в сфере организации дорожного движения, что в конечном итоге позитивно скажется на уровне безопасности всех ее участников.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // КонсультантПлюс. — [Глава 12].
3. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 50. — Ст. 4873.
4. Правила дорожного движения Российской Федерации (утв. постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090) (ред. от 27.03.2025) // КонсультантПлюс.
5. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 16.07.2025 № АКПИ25-246 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующими Правил дорожного движения Российской Федерации, утв. постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090» // КонсультантПлюс.
6. Постановление Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 9.
7. Дюсимбаева Г. Д. Некоторые пути повышения эффективности мер административной ответственности в целях обеспечения безопасности дорожного движения // Молодой учёный. — 2023. — № 43 (490). — С. 113–115.
8. Усенко А. С., Тюпаков В. К. Перспективы развития административной ответственности за управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством // NB: Административное право и практика администрирования. — 2025. — № 2. — С. 47–62.
9. Современные проблемы применения мер административной ответственности в области организации дорожного движения // Актуальные проблемы государства и права. — 2023. — № 26 (261). — [Электронный ресурс]. — URL: <https://apni.ru/article/12576-sovremennoye-problemy-primeneniya-mer-administrativnoj-otvetstvennosti-v-oblasti-organizacii-dorozhnogo-dvizheniya> (дата обращения: 21.12.2025).

Административная ответственность за неправомерное вмешательство в дорожную инфраструктуру: анализ состава и практики применения статьи 12.33 КоАП РФ

Петренчук Юлия Ивановна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию административно-правового состава правонарушения, предусмотренного статьей 12.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Проводится юридический анализ диспозиции нормы, устанавливающей ответственность за повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений, а также неправомерное вмешательство в их функционирование. В работе исследуются основные проблемы правоприменительной практики, связанные с установлением объективных и субъективных признаков данного административного правонарушения. Рассматриваются вопросы отграничения состава, предусмотренного нормой.

тренного статьей 12.33 КоАП РФ, от смежных составов административных правонарушений и преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Особое внимание уделено анализу правовых позиций судов, складывающихся в процессе рассмотрения дел данной категории. В заключение формулируются предложения по совершенствованию как законодательной конструкции, так и практики ее применения в целях повышения эффективности административно-правового механизма охраны дорожной инфраструктуры.

Ключевые слова: административная ответственность, дорожная инфраструктура, повреждение дорог, безопасность дорожного движения, Кодекс об административных правонарушениях, правоприменительная практика.

Обеспечение сохранности дорожной инфраструктуры представляет собой одну из основополагающих задач в сфере безопасности дорожного движения и устойчивого функционирования транспортной системы государства. Дороги, мосты, путепроводы, тоннели, железнодорожные переезды, дорожные знаки и сигнализация — все эти элементы образуют сложный технологический комплекс, физическая целостность и исправность которого непосредственно влияют на безопасность, жизнь и здоровье неограниченного круга лиц. Правовое регулирование отношений в данной сфере осуществляется на нескольких уровнях, формируя систему мер ответственности за противоправные посягательства на дорожные сооружения.

В рамках административного законодательства Российской Федерации центральное место в этом механизме занимает статья 12.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3], устанавливающая санкции за повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений либо технических средств регулирования дорожного движения, а также за умышленное создание помех для дорожного движения. Анализ данной нормы, ее состава и практики применения обнаруживает ряд существенных вопросов теоретического и практического характера. К ним относятся проблемы толкования признаков объективной стороны правонарушения, разграничения административной и уголовной ответственности, установления субъективной стороны и определения круга субъектов, подлежащих привлечению. Исследование этих аспектов с опорой на действующее законодательство и материалы судебной практики является необходимым условием для формирования единообразного и эффективного правоприменения, а также для последующего совершенствования административно-правовых средств защиты важнейшего элемента транспортной системы.

Норма, закрепленная в статье 12.33 КоАП РФ, направлена на защиту общественных отношений в области безопасности дорожного движения и сохранности имущества, имеющего публичное значение. Объектом данного правонарушения является установленный порядок безопасной эксплуатации дорожной инфраструктуры. Законодатель выделяет два альтернативных вида противоправного действия, образующих объективную сторону. Первый вид заключается в повреждении дорог, железнодорожных переездов, других дорожных сооружений или технических средств регулирования дорожного движения. Второй вид представляет собой неправомерное

вмешательство в функционирование указанных объектов, что охватывает более широкий спектр действий, не обязательно связанных с причинением физического ущерба, но создающих помехи для их нормальной работы [10].

Содержание диспозиции статьи 12.33 носит бланкетный характер, отсылая правоприменителя к иным нормативным правовым актам, которые определяют, в частности, технические требования к дорожным сооружениям и порядок их эксплуатации. В этой связи фундаментальное значение имеет Федеральный закон от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [4], закрепляющий основы правового регулирования в данной области. Указанный закон относит к полномочиям Российской Федерации установление правовых основ и единой технической политики в сфере безопасности дорожного движения. Соответственно, критерии оценки исправности и функциональности элементов дорожной инфраструктуры устанавливаются в технических регламентах, национальных стандартах и правилах, принятие которых отнесено к ведению федеральных органов власти. Таким образом, для квалификации деяния по статье 12.33 КоАП РФ необходимо не только установить факт повреждения или вмешательства, но и подтвердить, что эти действия нарушили конкретные требования, предъявляемые к состоянию и эксплуатации дорожных объектов действующими техническими нормами.

Субъективная сторона рассматриваемого правонарушения характеризуется умышленной формой вины. Это следует из прямого указания в диспозиции статьи на умышленное создание помех для дорожного движения. Применительно к повреждению дорожных сооружений судебная практика также исходит из необходимости доказывания умысла или, как минимум, неосторожности в виде легкомыслия, когда лицо предвидело возможность наступления вредных последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение. Субъектом правонарушения может быть вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Вопрос о возможности привлечения к ответственности по данной статье юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, чья деятельность привела к повреждению дороги (например, при производстве земляных или строительных работ), на практике решается положительно, поскольку санкция части 1 статьи 12.33 предусматривает наложение штрафа на граждан и должностных лиц, а часть 2 — на юридических лиц.

Раскрытие содержания объективной стороны правонарушения требует детального анализа используемых законодателем терминов. Под повреждением дороги или иного сооружения понимается такое воздействие, которое ухудшает их техническое состояние, снижает прочность, устойчивость, несущую способность или иные эксплуатационные характеристики, но не приводит к полному уничтожению или необратимому выводу из строя. На практике это может быть разрушение покрытия, образование колеи или выбоин, деформация ограждений, искривление опор освещения или знаков. В судебных решениях неоднократно отмечалось, что факт повреждения должен быть подтвержден документально, например, актом обследования, составленным уполномоченной организацией, с указанием конкретных дефектов и их характеристик [7].

Понятие «неправомерное вмешательство в функционирование» является более широким и может не сопровождаться физическим повреждением. Такое вмешательство может выражаться в самовольной установке или демонтаже технических средств организации движения (знаков, светофоров, ограждений), блокировании проезда или прохода путем размещения посторонних предметов, производстве работ без согласования, приводящем к сужению проезжей части или ухудшению видимости. Яркой иллюстрацией подобного вмешательства служат ситуации, когда собственники прилегающих территорий или строительные организации самовольно ограничивают движение по дороге общего пользования, организуя въезды на свои объекты или складируя материалы на проезжей части. В одном из судебных дел административным правонарушением было признано размещение рекламной конструкции, которая закрывала обзор дорожных знаков и светофорного объекта, тем самым создавая помехи для безопасного движения транспорта и пешеходов.

Отдельного внимания заслуживает квалификация действий, связанных с созданием помех для дорожного движения. Этот признак является оценочным и требует установления причинно-следственной связи между противоправным деянием и возникновением реальных затруднений в движении. Помеха может выражаться в вынужденном снижении скорости, изменении маршрута, необходимости объезда, повышении риска дорожно-транспортного происшествия. При этом незначительные и кратковременные неудобства могут не образовывать состава правонарушения [9].

Правоприменитель обязан оценивать обстоятельства дела в совокупности, учитывая интенсивность движения на данном участке, продолжительность существования помехи, наличие альтернативных путей объезда, а также факт принятия лицом мер для минимизации последствий своих действий (например, установки предупреждающих знаков при проведении работ). Отсутствие доказательств того, что повреждение или вмешательство реально создало помехи для движения, является основанием для отказа в привлечении к административной ответственности по статье 12.33 КоАП РФ.

Одной из наиболее сложных задач правоприменения является точное разграничение деяний, подпадающих под статью 12.33 КоАП РФ, и смежных составов, предусмотренных как административным, так и уголовным законодательством. В административном праве близким по объекту посягательства является, например, правонарушение, установленное статьей 12.21.1 КоАП РФ (нарушение правил движения тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства). Перевозка грузов с превышением допустимых нагрузок на ось может причинять ущерб дорожному покрытию. В этом случае состав следует квалифицировать по специальной норме (статья 12.21.1), а не по общей норме о повреждении дороги, так как первая специально регулирует отношения в сфере перевозок и устанавливает ответственность за сам факт движения с превышением параметров, независимо от реального причинения вреда [10].

Наиболее важным является разграничение административного правонарушения и преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Уголовный кодекс Российской Федерации [2] содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за посягательства на транспортную инфраструктуру. Так, статья 267 УК РФ устанавливает наказание за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения, если эти деяния создали угрозу причинения вреда жизни, здоровью или имуществу. Квалифицирующим признаком, отличающим преступление от административного правонарушения, является характер созданной опасности. Для привлечения к уголовной ответственности по части 1 статьи 267 УК РФ достаточно установить, что действия лица создали угрозу наступления тяжких последствий, даже если они фактически не наступили. В отличие от этого, статья 12.33 КоАП РФ для квалификации требует установления факта реального повреждения или создания реальных помех.

Таким образом, если неправомерное вмешательство в дорожную инфраструктуру носило характер, объективно создававший угрозу катастрофы, крушения, иных тяжких последствий, содеянное должно оцениваться по нормам уголовного права. Если же последствия ограничились лишь затруднением движения или причинением незначительного материального ущерба, налицо состав административного правонарушения.

Следует также учитывать наличие специальных норм об ответственности за нарушение требований транспортной безопасности. Федеральный закон «О транспортной безопасности» [5] определяет транспортную безопасность как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры от актов незаконного вмешательства. За нарушения в этой сфере установлена административная ответственность по статье 11.15.1 КоАП РФ (неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности), а в случае наступления тяжких последствий — уголовная ответственность по статье 263.1 УК РФ. Эти нормы охраняют несколько иной объект — си-

стему мер, направленных на защиту от террористических актов и иных преступных посягательств, и применяются, как правило, к субъектам транспортной инфраструктуры (перевозчикам, владельцам вокзалов, аэропортов). Вместе с тем, возможны ситуации, когда одно деяние образует составы нескольких правонарушений. Например, повреждение ограждения аэропорта может рассматриваться и как нарушение требований транспортной безопасности (статья 11.15.1 КоАП РФ), и как повреждение дорожного сооружения (статья 12.33 КоАП РФ). В таких случаях применяются правила конкуренции норм, и ответственность наступает по той статье, которая с наибольшей точностью описывает все признаки совершенного деяния [9].

Анализ материалов судебной практики позволяет выявить устойчивые тенденции в применении статьи 12.33 КоАП РФ. Одним из центральных вопросов является доказывание субъективной стороны [6]. Суды требуют от органов, составляющих протоколы об административном правонарушении, представления доказательств, свидетельствующих об умысле или неосторожности лица. Например, если повреждение дорожного покрытия произошло в результате аварии на коммунальных сетях, необходимо установить, знал ли или должно было и могло знать лицо, ответственное за эксплуатацию этих сетей, об их аварийном состоянии и предприняло ли все меры для предотвращения прорыва. В одном из решений суд отменил постановление о привлечении к ответственности, поскольку материалами дела было подтверждено, что повреждение дороги произошло из-за скрытого дефекта подземного трубопровода, о котором ответственное лицо не знал и не могло знать при проявлении необходимой заботливости.

Важное значение имеет соблюдение процессуальных сроков привлечения к административной ответственности. В соответствии с частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении двух месяцев со дня его совершения, а по делу, рассматриваемому судьей, — по истечении трех месяцев. На практике нередки случаи, когда факт повреждения обнаруживается спустя длительное время после события, что осложняет установление виновного лица и сбор доказательств. Пропуск установленного срока давности является безусловным основанием для прекращения производства по делу.

Отдельный пласт правоприменительной практики связан с привлечением к ответственности органов публичной власти и подрядных организаций за ненадлежащее содержание дорог. Бездействие, выражющееся в непринятии мер по ремонту аварийных участков дороги, формально может подпадать под признаки неправомерного вмешательства в функционирование, так как создает помехи для безопасного движения. Однако судебная практика по таким делам неоднородна. Верховный Суд Российской Федерации в одном из определений указал, что обязанность по обеспечению надлежащего состояния автомобильных дорог общего пользования лежит на соот-

ветствующих органах власти, и отсутствие средств в бюджете не освобождает от ее исполнения, если непринятие мер нарушает права граждан на безопасные условия движения [8]. Тем не менее, привлечение должностных лиц этих органов непосредственно по статье 12.33 КоАП РФ встречается редко; чаще применяются механизмы прокурорского реагирования и искового производства об обязанности совершить определенные действия.

Затруднения в практике вызывает также оценка размера причиненного ущерба. Статья 12.33 КоАП РФ не ставит квалификацию в зависимость от стоимости повреждений, однако этот фактор имеет значение при разграничении административной и уголовной ответственности. Судебно-следственные органы обязаны назначать экспертизы для определения стоимости восстановительного ремонта. Если ущерб превышает крупный размер (согласно примечанию к статье 263.1 УК РФ, это один миллион рублей), а деяние совершено по неосторожности и повлекло иные тяжкие последствия, может встать вопрос о наличии признаков преступления, предусмотренного статьей 263.1 УК РФ [9].

В завершение отметим, что административная ответственность за неправомерное вмешательство в дорожную инфраструктуру, установленная статьей 12.33 КоАП РФ, выступает необходимым инструментом защиты общественных отношений, обеспечивающих безопасность и бесперебойность дорожного движения. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что действующая законодательная конструкция данного состава, несмотря на кажущуюся простоту, содержит ряд оценочных признаков, порождающих проблемы в правоприменении. К ним относятся трудности в доказывании умысла, установления причинной связи между действиями и созданными помехами, а также в квалификации бездействия органов власти. Существенной проблемой остается необходимость четкого разграничения со смежными составами, в первую очередь с преступлением, предусмотренным статьей 267 УК РФ, где грань между административным правонарушением и преступлением определяется наличием угрозы наступления тяжких последствий. Правоприменительная практика демонстрирует стремление судов к тщательному установлению всех элементов состава, включая вину, что соответствует принципам законности и справедливости. В целях совершенствования механизма ответственности представляется целесообразным внести в диспозицию статьи 12.33 КоАП РФ уточнения, конкретизирующие формы «вмешательства в функционирование», а также выработать и закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации единые подходы к разграничению административной и уголовной ответственности за посягательства на дорожную инфраструктуру. Это будет способствовать формированию единообразной судебной практики и повышению превентивной роли анализируемой нормы в деле охраны безопасности дорожного движения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 50. — Ст. 4873.
5. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 7. — Ст. 837.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26.04.2017 № Ф08-2340/2017 по делу № А32-17840/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2017 № 13АП-23169/2017 по делу № А42-4279/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 20.06.2022 № 16-КАД22-8-К4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2022. — № 10.
9. Агапов А. Б. Административная ответственность: учебник. — М.: Юрайт, 2021. — 435 с.
10. Кирин А. В., Сокуренко В. Б. Ответственность за правонарушения в области транспорта и дорожного хозяйства: монография. — СПб.: Алеф-Пресс, 2020. — 208 с.

Роль цифровых платформ в обеспечении прозрачности и подотчетности бюджетного процесса в Российской Федерации

Пивоваров Кирилл Максимович, студент;

Махмудов Мурад Камильевич, студент

Научный руководитель: Беликов Евгений Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается трансформация бюджетного процесса в Российской Федерации под влиянием цифровых технологий, направленная на повышение прозрачности и подотчетности органов власти. Центральное внимание уделяется роли государственной интегрированной информационной системы «Электронный бюджет» как ключевой платформы, обеспечивающей сквозную автоматизацию и выступающей источником данных для общедоступных порталов, таких как «Бюджет для граждан». Анализируются ключевые направления развития на 2024–2025 годы, включая интеграцию данных бухгалтерского учета, импортозамещение программного обеспечения, а также планируемое внедрение цифрового рубля. Отмечаются системные вызовы, такие как цифровой разрыв, проблемы с форматами данных и вопросы кибербезопасности. В заключение обозначаются перспективы, связанные с применением искусственного интеллекта и интерактивных сервисов для углубления общественного контроля и участия.

Ключевые слова: цифровая трансформация, государственное управление, бюджетный процесс, прозрачность, подотчетность, Электронный бюджет, открытые данные, цифровые платформы, импортозамещение, цифровой рубль, искусственный интеллект, общественный контроль.

Современная парадигма государственного управления характеризуется активной интеграцией цифровых технологий во все сферы публичной власти. Бюджетный процесс, как ключевой элемент финансовой системы, претерпевает значительную трансформацию, где цифровые платформы становятся центральным инструментом реализации принципов прозрачности и подотчетности. Цифровая трансформация представляет собой изменение (реинжиниринг) процессов с использо-

ванием цифровых решений и технологий для получения результата [1].

В Российской Федерации создана многоуровневая система цифровых платформ, призванная обеспечить открытость бюджетных данных. Фундаментальную роль играет государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет» [3]. Ее правовой статус и функционал определены постановлением Правительства РФ, что под-

черкивает официальный характер предоставляемых данных. Данная система обеспечивает сквозное автоматизированное планирование, исполнение, учет и контроль на всех этапах бюджетного процесса, минимизируя риски субъективных ошибок и преднамеренных искажений. В 2025 году президентом России Владимиром Путиным был подписан закон о создании единого цифрового пространства в бюджетном процессе, который официально закрепил основы функционирования и использования информационных систем, регулирующих вопросы в области бюджетных правоотношений [4].

С точки зрения обеспечения прозрачности, система «Электронный бюджет» выступает первоисточником данных для ряда общедоступных ресурсов. Ключевым из них является Официальный портал Бюджетной системы Российской Федерации (www.budget.gov.ru) и его пользовательский сегмент «Бюджет для граждан» [3]. На этих платформах размещаются основные параметры бюджетов, отчеты об их исполнении, информация о государственных и муниципальных закупках в рамках Закона о контрактной системе, а также данные о государственном долге.

Подотчетность органов власти посредством цифровых платформ реализуется через возможность непрерывного общественного и экспертного мониторинга. Граждане и институты гражданского общества получают доступ не к итоговым, зачастую излишне формализованным отчетам, а к актуальным, машиночитаемым данным. Это позволяет проводить независимый анализ эффективности бюджетных расходов, выявлять аномалии и формулировать обоснованные запросы к органам власти, что напрямую коррелирует с положениями Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

Ключевые направления развития и технологические обновления в 2024–2025 годах:

– Интеграция данных бухгалтерского учета: Согласно распоряжению Правительства РФ, к 2027 году 100 % организаций бюджетной сферы федерального уровня должны стать участниками технологической интеграции данных в ГИИС «Электронный бюджет», а к 2029 году информация о государственных финансах станет основой для проведения анализа и принятия управленческих решений. Планируется сокращение времени формирования и представления финансовой и управленческой информации на 50 % [1].

Литература:

1. О государственной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 30.06.2015 № 658 (ред. от 04.09.2023). — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>
2. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022). — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>

– Импортозамещение и технологическая независимость: Федеральное казначейство активно переводит свои системы на отечественное программное обеспечение, включая переход с Oracle на российскую СУБД Postgres Pro [4].

– Внедрение цифрового рубля: Министр финансов Антон Силуанов обозначил внедрение цифрового рубля в бюджетный процесс в качестве одной из ключевых задач на 2025 год. Совместно с Банком России планируется эксперимент по проведению соответствующих платежей для обеспечения целевого характера исполнения бюджета и прослеживаемости каждого рубля [4].

Несмотря на значительные достижения, сохраняются системные вызовы. Во-первых, существует проблема «цифрового разрыва» и недостаточной финансово-правовой грамотности части населения, что ограничивает потенциал общественного контроля. Во-вторых, зачастую данные публикуются в форматах, неудобных для автоматизированного анализа (например, PDF), что создает «illusioн прозрачности» без обеспечения ее реальной глубины. В-третьих, актуальным остается вопрос обеспечения кибербезопасности и защиты целостности данных в условиях роста цифровых угроз, что подтверждается инвестициями Федерального казначейства в размере ₽1,16 млрд в создание защищенной информационно-технологической инфраструктуры в 2025 году [4].

Перспективы развития связаны с внедрением технологий искусственного интеллекта для прогнозного анализа бюджетных рисков и выявления нецелевого использования средств, а также с развитием интерактивных сервисов (например, краудсорсинговых платформ) для непосредственного участия граждан в обсуждении бюджетных приоритетов. В июле 2025 года на базе Российского технологического университета МИРЭА был открыт научно-образовательный центр «Искусственный интеллект», который будет выполнять научно-исследовательские работы в интересах Федерального казначейства [4].

Таким образом, цифровые платформы, в первую очередь «Электронный бюджет» и производные от него общедоступные порталы, выступают катализатором глубинных изменений в бюджетном процессе. Они трансформируют его из закрытой ведомственной процедуры в более открытый и подконтрольный обществу механизм, что в полной мере соответствует современным тенденциям построения «открытого государства».

3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 24.04.2024). — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 25.04.2024). — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>
5. Смирнов В. А. Цифровая трансформация финансового контроля: новые вызовы и правовые решения // Финансовое право. — 2023. — № 8. — С. 12–18.

Правовое регулирование использования беспилотных транспортных средств

Пимонов Иван Андреевич, студент

Научный руководитель: Соколова Татьяна Николаевна, кандидат экономических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Проведен анализ текущего состояния и перспектив развития нормативно-правовой базы, регулирующей использование беспилотных транспортных средств в Российской Федерации и за рубежом. Исследованы пробелы в законодательстве, касающиеся вопросов гражданско-правовой и уголовной ответственности, страхования рисков, а также этические аспекты внедрения искусственного интеллекта в транспортную сферу. На основе анализа экспериментальных правовых режимов предлагаются пути совершенствования законодательства для обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: беспилотные транспортные средства, экспериментальный правовой режим, гражданско-правовая ответственность, искусственный интеллект, источник повышенной опасности.

Введение

В современном мире стремительное развитие цифровых технологий фундаментально трансформирует традиционные отрасли экономики, и транспортная сфера не является исключением. Активное внедрение систем искусственного интеллекта и робототехники привело к появлению нового вида участников дорожного движения — высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС). Как справедливо отмечают исследователи, использование беспилотных транспортных средств, особенно в промышленном комплексе, позволит существенно повысить производительность, снизить трудовые затраты и минимизировать риски, связанные с человеческим фактором [1, с. 105]. Однако технический прогресс значительно опережает темпы законотворчества, создавая правовой вакuum, который препятствует полноценному внедрению инноваций. Цифровизация является важным этапом развития всех сфер жизни общества, в связи с чем возникают новые технические решения, требующие адекватной правовой оценки [2, с. 205].

Постановка проблемы

Ключевой проблемой правового регулирования в данной сфере является несоответствие существующих международных и национальных норм реалиям технологического уклада. Основополагающий документ международного права в этой области — Венская конвенция о дорожном движении 1968 года — исходит из постулата о том,

что каждым транспортным средством, находящимся в движении, должен управлять водитель. В российском законодательстве также отсутствует прямое разрешение на эксплуатацию полностью автономных машин на дорогах общего пользования без участия человека, хотя прямого запрета на автоматизированное управление также не содержится. Как указывают эксперты, анализ законодательных инициатив свидетельствует о ряде проблем, с которыми приходится сталкиваться разработчикам, прежде всего, это проблемы ответственности — кто будет ее нести в случае причинения вреда жизни или здоровью граждан [3, с. 87].

Анализ законодательства Российской Федерации

На сегодняшний день регулирование использования беспилотного транспорта в России осуществляется преимущественно в рамках экспериментальных правовых режимов (ЭПР). Основой служит Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [4]. Данный механизм позволяет применять специальное регулирование на определенной территории и на определенный срок, фактически выводя участников эксперимента из-под действия общих жестких требований. Например, Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 ввело такой режим сроком на три года в 38 субъектах РФ, включая Кемеровскую область, где тестируется эксплуатация ВАТС в промышленном режиме [5].

Важным шагом стало утверждение Распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 «Единого плана по дости-

жению национальных целей развития»..., который предусматривает внедрение беспилотных технологий в грузовые перевозки [6]. В рамках федерального проекта «Беспилотные логистические коридоры» на трассе М-11 «Нева» уже осуществляется движение беспилотных грузовиков. Согласно нормативным актам, БАТС подразделяются на две категории: первая предусматривает наличие водителя-испытателя в салоне, вторая — полное отсутствие водителя, при этом диспетчеризация осуществляется удаленно. Для допуска ко второму этапу (полной автономности) необходим пробег не менее 3 тыс. км без ДТП по вине беспилотного транспортного средства (БТС).

Однако фрагментарность регулирования создает сложности. В частности, статья 1079 Гражданского кодекса РФ устанавливает ответственность владельца источника повышенной опасности независимо от вины, если он не докажет наличие умысла потерпевшего или непреодолимой силы [7]. В условиях отсутствия водителя возникает вопрос о том, кто является лицом, управляющим транспортным средством в момент аварии.

Сравнительный анализ зарубежного опыта

Зарубежный опыт демонстрирует различные подходы к преодолению правовых барьеров. В Германии, например, еще 12 мая 2017 года Бундестагом были внесены изменения в Закон о дорожном движении, официально допускающие эксплуатацию автомобилей с высокоавтоматизированными функциями, при условии, что система может быть в любой момент деактивирована водителем. Немецкий законодатель четко определил, что водитель может отвлечься от управления, но обязан сохранять готовность перехватить контроль по сигналу системы. В Дании с 1 июля 2017 года разрешены испытания беспилотного транспорта при условии присутствия человека в салоне, способного взять управление на себя. Эстонский опыт интересен регулированием роботов-курьеров, действующих в пределах определенных пространств. Россия движется в русле мировых тенденций, однако в Европейском союзе до сих пор нет единого нормативно-правового акта, полностью регулирующего данную сферу, что подтверждает глобальный характер проблемы.

Этические аспекты и вопросы ответственности

Одной из самых острых дискуссионных тем остается вопрос морального выбора искусственного интеллекта в критических ситуациях (так называемая «проблема вагонетки»). Дискуссионным является «моральный» аспект использования БТС: как должна быть запрограммирована машина в случае неизбежного ДТП — спасать пассажира или пешехода? В случае причинения вреда сложнее определить, кто будет считаться виновным: водитель, оператор или искусственный интеллект.

Существующее законодательство не дает ответа на вопрос о распределении ответственности между разработ-

чиком программного обеспечения, производителем автомобиля и его владельцем. Традиционно обязанность по возмещению вреда несет владелец транспортного средства. Однако, если авария произошла из-за ошибки алгоритма, логично ставить вопрос об ответственности разработчика. Некоторые исследователи предлагают ввести солидарную ответственность производителя и владельца, а также обязательное страхование рисков. Так, для субъектов экспериментального правового режима уже установлено требование страхования каждого БАТС на сумму 10 млн рублей. На практике судам предстоит столкнуться с необходимостью проведения сложных программно-технических экспертиз («черных ящиков») для установления того, находилось ли управление под контролем человека или ИИ в момент инцидента. В современной российской судебной практике подобные споры пока носят единичный характер и касаются преимущественно автомобилей с интеллектуальными системами помощи водителю. При рассмотрении таких дел суды, как правило, руководствуются пунктом 10.1 ПДД РФ, исходя из того, что использование режима автоматизированного управления не освобождает водителя от обязанности постоянно контролировать дорожную обстановку. Следовательно, в случае дорожно-транспортного происшествия, вызванного сбоем электроники, ответственность по умолчанию возлагается на владельца, если он не сможет доказать наличие заводского брака, что в текущих условиях крайне затруднительно.

Для разрешения этой правовой коллизии целесообразно обратиться к зарубежному опыту, где сформировались различные подходы к регулированию. В частности, в США применяется децентрализованная модель, где штаты выступают в роли «регуляторных песочниц», обеспечивая гибкость тестирования и прозрачность данных об инцидентах. Китайская модель, напротив, отличается строгой централизацией и жесткой привязкой ответственности к уровням автономности, где на высоких уровнях автоматизации (3–5) при системных сбоях ответственность переносится на производителя или оператора. Японский законодатель пошел по пути детальной регламентации действий человека, разрешив водителю отвлекаться от управления в определенных режимах, но сохранив обязанность немедленного перехвата контроля по сигналу системы, подкрепив это обязательным страхованием ответственности производителя.

Опираясь на проанализированные международные практики, для совершенствования отечественного законодательства представляется необходимым интегрировать в ГК РФ и КоАП РФ новые понятийные категории, такие как «автоматизированное транспортное средство», «оператор БТС» и «платформа-эксплуатант» [8]. Ключевым шагом должно стать установление презумпции ответственности производителя или платформы при эксплуатации систем четвертого и пятого уровней автономности, если не будет доказано вмешательство третьих лиц. Кроме того, требуется законодательно закре-

пить статус данных, полученных с сертифицированных устройств регистрации событий, как безусловной доказательной базы в суде. Такой подход обеспечит необходимый баланс интересов, сочетая классический принцип вины с гарантиями компенсации вреда, что соответствует современным глобальным трендам.

Кроме того, актуальной становится проблема кибербезопасности: взлом системы беспилотного авто может привести к использованию транспортного средства как оружия, что требует пересмотра норм уголовного права [9, с. 205].

Выводы и предложения

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что текущее правовое регулирование использования беспилотных транспортных средств в Российской Федерации находится на этапе становления и носит экспериментальный характер. Для полноценного внедрения беспилотных технологий необходимо:

Во-первых, разработать и принять специальный Федеральный закон, который закрепит статус ВАТС, права

и обязанности операторов и разработчиков, а также гармонизирует национальные стандарты с международными нормами. Законодательство в сфере беспилотных транспортных средств сейчас находится на стадии разработки, и введенные режимы позволяют лишь апробировать технологии.

Во-вторых, необходимо модернизировать институт гражданско-правовой ответственности, четко разграничив зоны ответственности между владельцем (эксплуатантом) и производителем (разработчиком ПО), возможно, через внедрение механизмов безвиновной ответственности, покрываемой специальными страховыми фондами.

В-третьих, требуется утверждение национальных этических стандартов для алгоритмов ИИ, применяемых на транспорте, что позволит минимизировать риски принятия машиной социально неприемлемых решений в критических ситуациях. Развитие российского законодательства об использовании беспилотного транспорта должно учитывать, как необходимость обеспечения общественной безопасности, так и потребность в создании благоприятных условий для цифровой экономики.

Литература:

1. Коршунова Е. В., Семенов А. П. Нормативно-правовое регулирование использования беспилотных транспортных средств в промышленном комплексе // Россия молодая: Сборник материалов XVI Всероссийской научно-практической конференции. Изд-во ФГБОУ ВО «КГТУ имени Т. Ф. Горбачева» — 2024. — С. 1–5.
2. Чубарова, М. Д. Беспилотные транспортные средства: правовое регулирование и ответственность / М. Д. Чубарова; научный руководитель А. А. Дзансолова // Человек. Знак. Техника: III междунар. междисциплинар. молодеж. форум: [сб. ст.] / Самар. Федер. науч.-исслед. центр Рос. акад. наук, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева (Самар. ун-т). — Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2024. — С. 205–209.
3. Минбалаев, А. В. Развитие российского законодательства об использовании беспилотного транспорта в условиях цифровой экономики / А. В. Минбалаев // Транспортное право и безопасность. Изд-во: Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II. — 2019. — № 1(29). — С. 87–91.
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). Ст. 5017; 2025. — № 31. — Ст. 4690.
5. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2023. — № 1 (часть II). — Ст. 300.
6. Распоряжение Правительства РФ от 01 октября 2021 г. № 2765-р Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года // Собрание законодательства РФ. — 2021. № 42. — Ст. 7157.
7. Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. — № 5. — Ст. 410. 2025. — № 26 (часть I). — Ст. 3508.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
9. Королева Е. Г. Правовое регулирование использования беспилотных транспортных средств в Российской Федерации // NB: Административное право и практика администрирования. Изд-во «НБ-МЕДИА» — 2024. — № 1. — С. 13–22.

Место кредитно-банковских преступлений в системе экономических преступлений

Полуэктов Евгений Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Бочкирев Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Кемеровская область)

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, субъекты экономических преступлений, кредитно-банковские преступления

В системе экономических преступлений кредитно-банковские правонарушения можно классифицировать по различным критериям.

По субъектному составу выделяются преступления, совершаемые сотрудниками банков (инсайдерские), клиентами банков и третьими лицами, включая киберпреступников и организованные преступные группы.

По объекту посягательства различают преступления против банковских активов, обязательств, технологий и регулирующих механизмов. Современные способы совершения таких преступлений эволюционируют от традиционных схем с подделкой документов к сложным цифровым методам, включающим фишинг, атаки на платежные системы и использование криптовалютных схем.

Сравнительный анализ показывает, что кредитно-банковские преступления отличаются от других видов экономической преступности более высокой степенью организованности, сложностью расследования и значительным размером ущерба. Они чаще совершаются группой лиц, требуют специальных познаний для расследования и могут вызывать цепную реакцию негативных последствий в экономике.

Особую проблему представляет международный аспект таких преступлений, которые все чаще приобретают транснациональный характер через использование офшорных зон, вывод активов за рубеж и создание международных преступных сетей.

Результативное противостояние преступности в кредитно-банковском сегменте нуждается в комплексном подходе, который состоит из совершенствования основ законодательства, укрепления сотрудничества на международном уровне, повышения квалификации работников правоохранительных органов и развития механизма профилактики.

Преступные действия кредитно-банковского характера деструктивно влияют на все области социальной жизни, а также создают перечень негативных последствий, которые нередко сохраняются незаметными. Для традиционных лиц преступные действия такого плана обычно обираются прямыми и непосредственными финансовыми потерями, а также непростыми психологическими травмами, потерей доверия к финансовым институтам и полным крушением планов на жизнь.

Пожилые люди, потерявшие свои сбережения в результате мошеннических схем, часто сталкиваются с необходимостью кардинально менять условия жизни,

отказываясь от медицинского обслуживания или полноценного питания. Молодые семьи, ставшие жертвами ипотечных афер, лишаются жилья и перспектив его приобретения в будущем из-за испорченной кредитной истории. Особая категория жертв представлена членами общества из малого и среднего бизнеса, поскольку для них невозврат или несвоевременный возврат кредитных средств, а также блокирование расчетных счетов вследствие противоправных действий означает не что иное, как крах длительных усилий по созданию того или иного предприятия.

Говоря о социальных последствиях ситуаций такого плана, стоит заметить, что они выходят крайне далеко за пределы трагедий персонального уровня, а также осуществляют подрыв предпринимательской инициативы, создают атмосферу недоверия к системе банков, что в итоге создает предпосылки для торможения экономического развития государства.

Последствия преступных действий кредитно-банковского характера нередко недооцениваются, хотя они также считаются крайне разрушительными, как и потери материального формата. Жертвы таких преступных действий сталкиваются с хроническим стрессом, депрессией, что иногда приводит к попыткам суицида. Происходит формирование стойкого чувства социальной несправедливости, которое серьезно подрывает веру в закон и правопорядок. В социуме нарастает по итогу обстановка всеобщего недоверия, и каждый начинает подозревать другого в вероятном мошенничестве.

Практика указывает на то, что жертвами нередко становятся законопослушные и доверчивые граждане, в то время как профессиональные мошенники успевают оптимально изучить психологические механизмы, которые помогают в обходе бдительности даже самых осторожных людей. Они грамотно и рационально действуют средства и методы социальной инженерии, играют на человеческих слабостях. Технологии современности открывают перед ними возможность действовать массово и адресовать мошеннические схемы многочисленным потенциальным жертвам.

Борьба с кредитно-банковскими преступлениями требует не только совершенствования законодательства и правоохранительной практики, но и комплексного изменения общественного сознания. Необходимо развитие финансовой грамотности населения, создание эффективных механизмов психологической поддержки жертв

финансовых преступлений, формирование в обществе нетерпимого отношения к любым формам экономического мошенничества. Только такой многоуровневый подход

может обеспечить реальное противодействие этой угрозе, которая в условиях цифровой экономики приобретает все более изощренные формы.

Литература:

1. Лапин В. О. Современная практика органов предварительного следствия МВД России по расследованию незаконной банковской деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 16.
2. Карагодин, В. Н. Особенности расследования мошенничества, совершаемых работниками банков в сфере кредитования: монография / В. Н. Карагодин, Г. Н. Карепанов, Н. В. Карепанов. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — С. 49.
3. Иванов Д. А., Филатова И. В. Преступления, совершаемые в финансово-кредитной сфере при выдаче кредитов, как угроза экономической безопасности // Безопасность дорожного движения. 2021. № 3. С. 93.
4. Дзюба А. О. Типичные свойства личности мошенника в сфере кредитования / А. О. Дзюба // Закон и власть. 2021. № 2. С. 40.
5. Покотилов Е. В. Незаконная банковская деятельность как преступление в сфере предпринимательской деятельности: уголовно-правовая характеристика и отдельные проблемы применения // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2023. С. 41.

Уголовно-правовая характеристика незаконной банковской деятельности по статье 172 УК РФ: проблемы теории и правоприменения

Полуэктов Евгений Романович, студент магистратуры

Научный руководитель: Бочкарев Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Кемеровская область)

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, субъекты экономических преступлений, кредитно-банковские преступления

Банковская система выступает кровеносной системой экономики любого государства, обеспечивая аккумулирование и перераспределение финансовых ресурсов, расчеты между субъектами хозяйствования и поддержание доверия к национальной валюте. В связи с этим законодательством установлен особый, разрешительный порядок осуществления банковской деятельности, предполагающий обязательную государственную регистрацию и получение лицензии Центрального банка РФ. Нарушение этого порядка не только создает недобросовестную конкуренцию, но и напрямую угрожает экономической безопасности, правам и законным интересам граждан и организаций, ввергающих свои средства в неконтролируемые финансовые схемы.

Уголовно-правовым ответом на данную угрозу является статья 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность». Настоящая статья посвящена комплексному анализу данного состава преступления, выявлению его специфических черт, а также актуальных проблем квалификации, возникающих в правоприменительной практике.

Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, являются общественные отношения в сфере экономической деятельности. Непосредственный объект — установленный законом порядок осуществления

банковской деятельности, включающий в себя процедуры регистрации и лицензирования кредитных организаций.

Объективная сторона характеризуется активными действиями, которые могут выражаться в одной из двух альтернативных форм (ч. 1 ст. 172 УК РФ):

Осуществление банковских операций без регистрации. Согласно Федеральному закону «О банках и банковской деятельности», кредитная организация подлежит государственной регистрации. Банковские операции, проводимые юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, не внесенными в соответствующий реестр, образуют состав данного преступления.

Осуществление банковских операций без специального разрешения (лицензии) или с нарушением лицензионных требований. Данная форма является основной, так как даже после государственной регистрации кредитная организация не вправе проводить банковские операции до момента получения лицензии Банка России. Кроме того, состав преступления охватывает и случаи, когда операции осуществляются с грубым нарушением условий, предусмотренных лицензией (например, проведение операций, на которые лицензия не распространяется).

Ключевой проблемой, отмеченной многими исследователями, является терминологическая неточность зако-

нодателя, который в диспозиции статьи использует как тождественные понятия «банковская деятельность» и «банковские операции». В теории права «банковская деятельность» трактуется как систематическая, профессиональная деятельность кредитной организации, направленная на извлечение прибыли и включающая в себя совокупность банковских операций и сделок. «Банковские операции» (перечень которых является исчерпывающим и приведен в ст. 5 ФЗ «О банках и банковской деятельности») — это конкретные действия, составляющие содержание такой деятельности. На практике это различие может иметь значение для квалификации, например, при однократном проведении крупной незаконной операции, которую сложно признать «деятельностью» в систематическом смысле.

Важным аспектом является определение круга операций, за незаконное осуществление которых наступает ответственность именно по ст. 172 УК РФ. Законодатель ограничил состав только теми операциями, которые непосредственно названы в качестве банковских (привлечение вкладов, размещение средств, открытие счетов, расчеты и т. д.). При этом кредитные организации вправе на основании лицензии проводить и иные сделки (доверительное управление, лизинг, консультационные услуги и др.). Их осуществление без лицензии не образует состава незаконной банковской деятельности, но может подпадать под признаки иных составов преступлений (например, мошенничества) или административных правонарушений. Такое законодательное решение представляется спорным, поскольку данные услуги тесно связаны с финансовым рынком и их неконтролируемое оказание также способно причинить значительный вред.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом: виновное лицо осознает, что осу-

ществляет банковские операции без регистрации или лицензии, и желает этого. Субъект преступления — общий: вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

Однако применительно к ч. 1 ст. 172 УК РФ выделяют две категории субъектов: Физические лица (в том числе индивидуальные предприниматели), непосредственно осуществляющие банковские операции без надлежащего статуса. Руководители и (или) работники кредитной организации, осуществляющие операции без лицензии или с нарушением ее условий.

В этом случае именно их действия, как представителей юридического лица, образуют состав преступления.

Статья 172 УК РФ выполняет важную охранительную функцию, выступая уголовно-правовым барьером на пути нелегального проникновения в ключевой сектор финансовой системы. Уголовно-правовая характеристика данного состава позволяет отнести его к формально-материальным, где формальный момент (факт осуществления деятельности без разрешения) сочетается с материальными последствиями (крупный ущерб или доход).

Однако эффективность нормы снижается из-за существующих проблем. К ним относятся: терминологическая нечеткость диспозиции, ограниченный перечень охватываемых операций, отсутствие специальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации, сложности в доказывании размера дохода и ущерба. Для совершенствования правоприменения необходимы как законодательные инициативы (уточнение диспозиции), так и выработка единой судебной практики, основанной на понимании, что суть преступления заключается в нарушении государственной монополии на регулирование банковского сектора и создании реальной угрозы для финансовой безопасности неограниченного круга лиц.

Литература:

1. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 N 129-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ», 13.08.2001, N 33, ст. 3431
2. Иванов Д. А., Филатова И. В. Преступления, совершаемые в финансово-кредитной сфере при выдаче кредитов, как угроза экономической безопасности // Безопасность дорожного движения. 2021. № 3.
3. Лапин В. О. Современная практика органов предварительного следствия МВД России по расследованию незаконной банковской деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 14

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 52 (603) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 07.01.2026. Дата выхода в свет: 14.01.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.